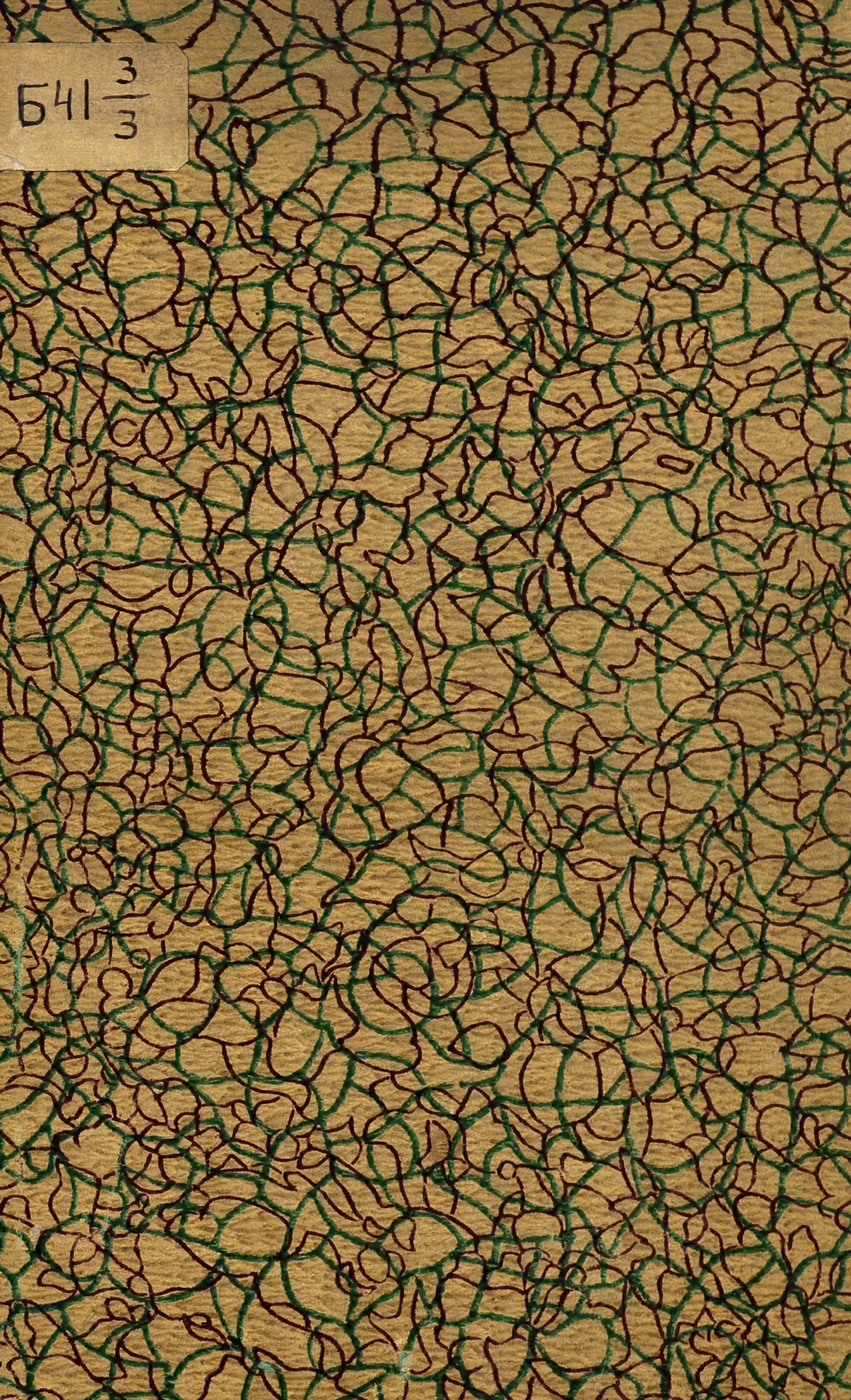

Вспомогательные исторические дисциплины

Археология, Архивоведение, География историческая, Геральдика, Дипломатика, Метрология, Нумизматика, Палеография, Сфрагистика, Эпиграфика.—

А. М. Большаков.

Лит. Шульнер, Твер.

А. М. Большаков.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ.

Археология, Архивоведение, География историческая, Геральдика, Дипломатика, Метрология, Нумизматика, Палеография, Сфрагистика, Эпиграфика.

Тверское Издательство
1922.

Гиз. № 201. Р. В. Ц. гор. Тверь. № 217. Отпеч. 1.000 экз.

Первая Тверская Государственная Типография.

Предисловие.

Осенью 1920 года мне было предложено прочесть курс вспомогательных исторических дисциплин студентам Петроградск. Государств. Педагогического Института имени А. И. Герцена. Аналогичное предложение я получил и от Уральского Государственного Университета, который отвел для курса часы летнего семестра текущего, 1921 года.

В свое время, по окончании университета, я усердно занимался археологией со всеми ее отделами в качестве слушателя Петроградского Археологического Института и принимал скромное участие в некоторых раскопках. Затем, специализируясь по русской истории, я, в период своей подготовки к магистерским экзаменам, в связи с изучением вопросов по древнейшей истории Руси, снова столкнулся с целым рядом отдельных вспомогательных исторических дисциплин.

Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы взять на себя смелость излагать русскую археологию, каждый из отделов которой составляет особую специальность, требующую глубоких познаний. Да и мои непосредственные научные интересы лежат вне сферы археологии и ее отделов.

Но положение дел на факультете заставило меня, после долгих колебаний, согласиться принять на себя чтение лекций по указанному предмету. Я решил, что буду не только учить, но и учиться сам—docendo discimus.

С первых же шагов преподавания вспомогательных исторических дисциплин, я столкнулся с вопросом о книге, которую можно было бы рекомендовать слушателям, как учебное пособие по моему предмету. Дело в том, что не существует такой книги, где давался бы обзор всех вспомогательных исторических дисциплин. По одним историческим дисциплинам имеется обширная литература, по другим—отрывочные статьи и заметки, разбросанные в очень специальных изданиях. Да и едва ли не большая часть изданий упомянутой обширной литературы составляет библиографическую редкость,—люди сведующие знают, что это так.

Тогда я решил по уже существующим различным пособиям, статьям, заметкам и пр. составить настоящую книгу, заключающую в себе обзоры вспомогательных исторических

дисциплин и могущую служить конспектом к читанному мною курсу.

В зависимости от практических потребностей, литература по одним отделам (напр., по палеографии) подвергалась мною большей переработке, нежели соответствующая литература по другим отделам. По каждому отделу я обычно брал какую-нибудь одну работу за основную (напр., по первобытной и бытовой археологии—лекции В. А. Городцова; по палеографии—лекции А. И. Соболевского, по дипломатике—лекции А. С. Лаппо-Данилевского и т. д.) и дополнял ее или перерабатывал на основании других трудов по данной области знания. Так была составлена настоящая книга.

Вследствие того, что составление книги было продиктовано только одним горячим желанием помочь слушателям в их безвыходном положении, я не считаю возможным обращать в свою пользу авторский гонорар с настоящего издания. Гонорар этот всецело поступает в распоряжение Тверского Историко-Археологического Музея.

Ант. Большаков.

Введение.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению курса вспомогательных исторических дисциплин, мы считаем необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Основная задача науки вообще заключается в том, чтобы все бесконечное многообразие бытия уложить в определенные понятия. В своем постепенном развитии наука стремится выразить жизненный опыт всего человечества. В конечном счете—люди хотят „знать, чтобы предвидеть и предвидеть, чтобы действовать."

Науки исторические имеют ту же цель, что и наука вообще. Но приближаются они к этой цели путем исследования особой группы явлений,—явлений общественной жизни.

В частности, русская история устанавливает и об'ясняет факты развития того человеческого общества, начиная от его возникновения, которое называется русским народом.

Но на лекциях общего курса русской истории отдельные факты и те обобщения, которые являются следствием изучения этих фактов, предоставляются вашему вниманию уже в виде готовых исторических формул. Черновой работы исследователя или, может быть, даже многих специалистов, работы, необходимой для выяснения фактов и получения известных исторических выводов, вы не видите. Правда, всякое открытие,—а в их числе и открытия в области истории—представляет из себя, как говорил покойный Максим Ковалевский, „результат счастливого сочетания в могучем уме никогда дотоле не сходившихся между собой мыслей; от их сближения и получается новая искра истины [1]." Но, чтобы это „счастливое сочетание" мыслей было возможным ученому, надо проделать известную работу над определенным материалом.

Фактический материал, на который опирается историк, строя свои схемы, кропотливо собирается для него целым рядом вспомогательных исторических дисциплин. И не только собирается, но и обрабатывается. Познакомить вас, в отдельных обзорах, с этими дисциплинами и составляет задачу нашего курса.

Истину, которую получаешь оформленной, не зная, ценой каких усилий она завоевана, ценишь мало. Но если вы вникните, так сказать, в технологию истории, когда вы увидите, какую громадную и сложную работу проделывает каждая из вспомогательных исторических дисциплин,

---

1) М. Ковалевский—Социология, т. I, изд. 1910 г., стр. 24.

чтобы помочь историку осветить факты минувшей жизни нашего народа,— исторические истины приобретут для вас большее значение, вы научитесь их глубже ценить.

Позвольте теперь же, на нескольких примерах, коротко, проиллюстрировать перед вами то важное значение, которое имеют для дела строительства отечественной истории вспомогательные исторические дисциплины.

Возьмем, например, метрологию—науку о древних единицах измерения. Пока мы точно не установим ценности кун,—мы не можем отчетливо понять финансовую сторону Русской Правды; не зная мер протяжения,— мы не в состоянии уяснить себе надлежащим образом Книги Большого Чертежа; пока нами не приведена в известность сравнительная ценность разнообразных (черниговских, новгородских, тверских и др.) гривен,—мы лишены возможности судить о тяжести даней, контрибуций и др. наборов, о которых упоминают летописи. Как вы видите, изучение древней русской метрологии ведет к более правильному пониманию быта древней Руси с экономической стороны. Получив возможность переводить древние единицы на наши, мы составим себе ясное представление о древней хозяйственной жизни, увидим, насколько и в каком отношении нашему предку жилось хуже или лучше, удобнее или неудобнее, нежели современному человеку, и пр.

Обратимся к славяно-русской палеографии—науке, изучающей древне-славянское письмо. В русской истории имеются такие вопросы, которые не могли бы быть решены без соответствующих указаний палеографа: напр., вопрос о происхождении славянского письма. Довольно долго история считала, что своим появлением на свет славянская письменность обязана исключительно знаменитым братьям Кириллу и Мефодию. И только,— как вы увидите ниже, в своем месте,—работа палеографов над древними памятниками славянской письменности открыла, что у славян существовало письмо еще до появления в их среде братьев переводчиков и что образцом для первобытного славянского письма послужило греческое уставное письмо.

Приведем примеры из дипломатики, занимающейся установлением подлинности исторических грамот. Этой дисциплине, одной из важнейших, наша история обязана открытием многих новых, а также опровержением немалого числа ложных исторических фактов.

Так, до сравнительно недавнего времени, первым земским собором считался собор 1550 г. Едва ли не самым важным документом, подтверждающим бытие этого собора, было изложение речи Грозного, сказанной царем Иваном Васильевичем с лобного места чинам собора 1550 г. Речь эта приведена в Степенной Книге Хрущева, хранящейся в быв. Архиве Минист. Иностранн. Дел и представляющей из себя рукопись XVII в., писанную скорописью. На одном из последних листов рукописи имеется запись: „Книга гранограф окольничего Семена Семеновича Колтовского"

(известен по боярской книге 1691 г.). В XVIII в. книга принадлежала Андрею Федоровичу Хрущеву, казненному вместе с Артемием Волынским в 1740 г. Книга эта была сдана в архив Иностранн. Коллегии в 1742 г.

Професс. С. Ф. Платонов, внимательно просматривая листы книги, заметил, что лист 518 вырезан и заменен другим, на котором и находится речь Грозного. „Судя по водяному знаку на тех листах, которые вшивал интерполятор в Хрущевскую книгу (голова шута)", говорит проф. Платонов [1]), „его труд мог быть совершен не раньше, как во второй половине даже в последних десятилетиях XVIII в." Не только бумага, но и почерк—грубый полуустав—подтверждает подделку. Стиль документа (вставного листа), напр. выражение: „собрати свое государство из городов *всякого чина*," как еще заметил В. О. Ключевский [2]), не соответствует эпохе, так как наши русские чины (стольники, стряпчие, дворяне, московские жильцы и др.) еще не успели сложиться в половине XVI в.

Подозрительность указанного важного документа по истории собора 1550 г. и ряд других соображений заставили историческую критику отвергнуть факт существования этого собора [3]).

Или,—весь второй том сочинений С. Ф. Платонова [4]) может служить примером тонкой исторической критики со стороны специалиста по дипломатике. Так, знаменитое „Сказание келаря Авраамия Палицына", которое, как полагали вначале, было все написано одновременно, представляется нам, после надлежащего анализа, состоящим из ряда отдельных сказаний [5]), написанных в разное время [6]), причем, в известной части, труд Палицына является заимствованием у других авторов [7]).

Обратимся к исторической географии, которая, в тесном смысле, есть отдел истории, занимающийся изучением топографической стороны событий и явлений. Только при деятельной помощи исторической географии может быть разрешен такой жгуче-интересный для нас вопрос: где, в пределах нашего государства, был первоначальный центр руссов (варягов). Один из мусульманских писателей в IX в. указывал: „Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на

---

[1]) Сочинения С. Ф. Платонова, т. 1, стр. 204.

[2]) В. О. Ключевский—сборник: Опыты и исследования. 1919 г., стр. 378—379. (ст Состав представительства на земских соборах древней Руси).

[3]) М. Н. Покровский (Русская история, т II, изд. 1913 г., примечание к стр. 122) отрицает факт существования собора 1550 г. В. О. Ключевский (ук. соч., стр. 378—380) воздерживается от решительного опровержения факта существования собора 1550 г. С. Ф. Платонов (Лекции по русской истории, 1910 г., стр. 160) говорит: „предание о том будто бы Грозный собрал в Москве в 1550 г. представительное собрание „всякого чина" из городов, признается теперь недостоверным."

[4]) Древне-русские сказания и повести о смутном времени XVII в., изд. 1913 г.

[5]) Ук. соч., стр. 225.

[6]) Там же, стр. 221.

[7]) Там же, стр. 227.

котором живут они (Русь), занимает пространство трех дней пути“ [1]). А. А. Шахматов [2]) и С. Ф. Платонов [3]), тщательно изучая древнюю географию славянского севера, дают такое научное построение: варяжский центр был на южном берегу Ильменя—в Русе, где древние варяги, за непроходимой водно-болотистой линией, чувствовали себя, как на острове [4]).

В качестве последнего примера, приведем любопытный случай критики вещественных памятников со стороны бытовой археологии, занимающейся изучением остатков домашнего и общественного быта древних народов историческогс периода.

В половине девяностых годов прошлого столетия Луврский музей в Париже приобрел за громадную сумму золотую тиару скифского царя Сайтаферна. Сумма, заплаченная музеем за тиару, была настолько велика, что у музея, вообще богатого денежными средствами, не хватило на покупку редкостной вещи своих денег и необходимую доплату сделали частные лица—г. г. Корруа и Рейнак. Тиару предполагалось подарить от имени Франции только что вступившему тогда на русский престол Николаю II, а пока что ее выставили для обозрения публики в залах музея.

Тиара Сайтаферна из массивного золота с тончайшей чеканкой богатого орнамента. Она имеет форму сахарной головы, высотою 22 сантиметра. Фигурные изображения трактуют темы из Илиады, из быта сармат и пр. На тиаре имеется надпись на греческом языке, гласящая, что совет и народ Ольвиопольский подносят этот дар великому и непобедимому царю Сайтаферну.

Археологам известно, что Сайтаферн жил в IV в. до Р. Хр. и самым жестоким образом препятствовал греческим колонистам в их торговых предприятиях. Повидимому, чтобы умилостивить грозного владыку, Ольвиопольские граждане и поднесли ему драгоценную,—действительно драгоценную и по художественности работы и по количеству золота—тиару.

Тиара была найдена в Крыму, в недрах древнего Херсонеса, где, между прочим, были погребены и некоторые из скифских царей.

Само собой разумеется, что прежде чем приобрести тиару, Луврский музей, при помощи глубоких знатоков археологии, произвел всестороннюю экспертизу этого памятника старины вплоть до экспертизы сплава металла, так как известно, что в древние времена состав сплава золота был иным, нежели позднее.

---

[1]) Из книги „Драгоценных сокровищ“ ибн-Даста (А. Я. Гаркави—„Сказания мусульманских писателей о славянах и русских“, 1870, стр. 267).

[2]) Древние судьбы русского племени, 1919, особ. стр. 53-56.

[3]) Ст. Руса (жур. „Дела и дни“, 1920, кн. I).

[4]) Если ибн-Даст говорит, что Русь была на острове, то делал это, как полагал Шахматов (ук. соч. стр. 55), на основании обычая переносить название города на всю страну, а название страны (островной город) вызывало в иностранцах представление о том, что она вся вмещается на острове.

Публика любовалась тиарой, Франция гордилась редким приобретением, и все было хорошо.

Но вот среди немецких археологов раздались робкие голоса, выразившие сомнение в подлинности тиары. Ученый археологичский мир зашевелился, во всех странах вспыхнули горячие, даже страстные дебаты по поводу тиары Сайтаферна. И, в конце концов, в 1896 г., было окончательно признано, что тиара эта—искуснейшая подделка, сработана она в России и стоила инициатору этого дела нескольких десятков тысяч рублей [1]).

Изложенный эпизод свидетельствует о том, что критика памятников старины,—чем занимаются в своей совокупности все вспомогательные исторические дисциплины,—дело трудное, сложное и ответственное. Но дело это, в тоже время, и необходимое, так как недостаточная выясненность некоторых исторических фактов является причиной, вследствие которой наши выдающиеся историки одному и тому же факту приписывают разное значение.

Как на пример, укажем на следующее. Известно, что в период смуты Троицкая лавра обращалась, по поводу совершающихся событий, с определенными грамотами к тем или иным городам, к тем или иным слоям общества.

И вот, Ключевский прямо говорит: „Призывные грамоты арх. Дионисия и келаря Авраамия, расходившиеся из Троицкого монастыря, *подняли нижегородцев* под руководством их старосты, мясника Кузьмы Минина" [2]). Платонов же утверждает: . . . . „троицкая грамота от 6 октября 1611г.—та самая, которой приписывали решительное влияние на Нижний Новгород,—застала там уже до нее начатое движение" [3]). И несколько ниже: . . . . . „нельзя найти никакого следа непосредственных сношений Нижнего с Троицким монастырем за всю вторую половину 1611 г.: нижегородцы не искали совета и руководства у троицких монахов" [4]). И на следующей странице читаем: „Минин не ждал троицкой грамоты в октябре 1611 г. и задолго до нее начал свой подвиг" [5]).

Возьмем из того же периода смуты вопрос о других грамотах к нижегородцам—от патриарха Гермогена. Проф. Платонов говорит, что Гермоген грамоты писал и нижегородцы распространяли их среди других городов [6]). Покровский же совершенно отрицает даже самую возможность для

---

[1]) Фотография тиары и дебаты по поводу ее см. в протоколах Имп. Русс. Археол. О-ва за 1896 г.

Еще см. газету „Новое Время" за 1896 г., от 13 и 19 мая.

[2]) В. О. Ключевский—Курс русской истории, ч. III, 1918, стр. 73.

[3]) С. Ф. Платонов—Очерки по истории смуты, 1910, стр. 499.

[4]) Тоже, стр. 499.

[5]) С. Ф. Платонов—Очерки по истории смуты, 1910 г., стр. 500.

[6]) С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 493, 495 и др.

патриарха писать грамоты [1]); на такой же точке зрения стоит и профессор Рожков [2]).

Приведенными примерами мы и ограничимся, полагая, что они достаточно ясно показали необходимость серьезного изучения вспомогательных исторических дисциплин.

В заключение нашего введения укажем, что мы считаем долгом представить вам, в свое время, обзор и архивоведения—науки, вырабатывающей основы наилучшего сохранения архивного материала и наибольшего использования его для научных целей. Для нас интересно познакомиться с устройством архивов потому, что то или иное устройство их способствует к облегчению или, наоборот, к затруднению работы исследователя-историка над архивным материалами.

[1]) М. Н. Покровский, ук. соч., стр. 210.

[2]) Н. Рожков,—Методика преподования истории, 1918 г., стр. 22.

Археология первобытная и бытовая.

Впервые термин „археология“ был употреблен Платоном для обозначения истории прошлого. Ныне же под археологией разумеется наука, „изучающая древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа“ [1]).

Археология делится на доисторическую или первобытную [2]) и историческую. Первобытная археология изучает древности таких времен, о которых не имеется никаких достоверных—ни письменных, ни устных—известий. Историческая же археология является естественным продолжением доисторической (или первобытной). Но так как комплекс разнообразных благоприятных условий в период исторический, помог человечеству сделать большие приобретения на поприще культуры, то памятники быта человека этого периода несравненно богаче, нежели те, которые знакомят нас с предшествующим временем. Поэтому, в целях достижения больших научных результатов, изучение всех остатков жизни народов исторического периода делится между целым рядом особых археологических дисциплин.

Так, нумизматика изучает древние медали и монеты; сфрагистика—печати; геральдика—гербы; славяно-русская палеография—славянское письмо; эпиграфика—надписи, начертанные на твердом материале; историческая география—топографическую сторону событий и явлений Старой Руси; метрология—единицы измерений; дипломатика—устанавливает подлинность исторических грамот и, наконец, бытовая археология изучает памятники домашнего и общественного быта. Эти дисциплины отличаются друг от друга не только своим предметом, но и своими методами. Должно заметить, что об'ектом исторической археологии служит металлический период.

Изучать древности—значит стремиться определить все звенья цепи культурного развития народов минувших эпох; стараться, при помощи геологии, палеонтологии и др. наук определить, хотя бы приблизительно, хронологические даты для более отдаленных от нас звеньев.

Таким образом, археология является введением в изучение истории.

Хотя археология и занимается изучением отдаленнейших периодов жизни человека, но сама она, как наука, возникла очень недавно—в

---

[1]) Гр. А. С. Уваров. Материалы для биографии и статьи по теории археологии, т. III, стр. 174.

[2]) Этот термин принят постановлением 1-го Археологического с'езда в 1869 г.

середине XIX в. Дело в том, что народы, с развитием цивилизации, а главное—с употреблением для выделки орудий металлов, постепенно забыли о своем далеком прошлом, когда они были снабжены каменными орудиями, первобытной утварью и пр. Забвение прошедшего было настолько крепким, что даже в XVIII в. (1730 г.) Парижская Королевская Академия, представлявшая, до известной степени, цвет интеллектуального развития своего времени, заслушав доклад Махюделя о том, что громовые стрелы (кремневые наконечники к стрелам, копьям)—изделия человеческих рук,—указала докладчику, что он не доказал невозможности образования таких стрел в громовых тучах под влиянием молнии. И только в связи с общим философским движением конца XVIII века, давшим толчок к развитию старых и созданию новых наук, возникает, в XIX ст., археология, как наука. Так, датчанин Томсон устанавливает деление первобытных памятников на три группы: древнейшие он отнес к каменному веку, средние—к бронзовому, а более поздние—к железному. Вслед за отдельными учеными в разработке вопросов археологии принимают дружное участие все народы цивилизованного мира и, на исходе XIX в., возникают специальные университетские кафедры, институты с'езды, музеи, журналы и пр.

У нас, в России, из археологических памятников первыми стали собираться и охраняться памятники письменности. Так как древняя Русь светской науки не знала и, главным образом, помышляла о спасении души, то наиболее древние из наших памятников письменности имеют характер церковный, богослужебный или назидательный. Даже в самой богатой из наших старинных библиотек, в той, которая впоследствии стала называться синодальной и еще в начале XVI в. собранием своих сокровищ удивляла образованного Максима Грека,—и в этой библиотеке почти вся литература была духовного характера. Само собой разумеется, что вся эта литература интересовала наших предков не в качестве памятников археологии и не потому они собирали и охраняли ее.

Древняя Русь смотрела на книгу, как на предмет священный, и собирание книг считалось делом богоугодным. Кроме этого главного мотива, для охраны книги существовал еще и другой: книги были рукописными и расценивались очень дорого,—поэтому собирались они, как сокровище.

Археология, как наука, возникла у нас в XIX ст. Но уже Петр I заботится о сохранении остатков старины; так, в 1720 г., он предписывает древности Сибири переслать в берг и мануфактур—Коллегию. Отдельным лицам (напр. ученому Мессершмидту) Петр специально поручает собирать археологические предметы. Для изучения же древностей при Академии наук учреждается кафедра, просуществовавшая до 1747 г. Во времена имп. Анны составляется обширная инструкция для собирания археологических сведений, которой руководствовались Миллер, Фишер, Гмелин и др. Екатериной II при Эрмитаже организуется отделение классических древностей. В начале XIX в., около мецената гр. Румянцева

группируются представители археологии (К. О. Калайдович, П. М. Строев и др.), которые, под руководством графа и на его средства, ведут обширную работу—главным образом по собиранию памятников письменности. Основывается Румянцевский музей. Николай I принимает ряд мер к охранению старины (узаконения 1826, 1827, 1843 и 1848 г.г.), при нем начинаются правительственные раскопки в Новороссии и на Волге, появляется издание „Древностей Российского государства" и возникают специальные ученые общества для изучения древностей (напр. Петербург, Археолого-Нумизмат. Об-во во главе с гр. А. С. Уваровым и др.). Особенно крупные успехи делает археология со второй половины XIX в., в связи с раскопками гр. А. С. Уварова, проф. В. Б. Антоновича, Ф. К. Волкова, В. И. Сизова и др.—эти раскопки дали богатый материал по каменному веку. Открытия проф. фон-Штерна в Бессарабии и В. В. Хвойко в Приднепровье (около м. Триполье) поставили на очередь вопрос о трипольской культуре. Целый ряд выдающихся ученых ведет работу по древностям скифов, финнов, литовцев и т. д. Накопление материала повело к росту литературы по археологии. Вообще научная деятельность оживляется: собираются с'езды, возникают музеи (в 1872 г.—Исторический музей в Москве, в Твери и др. городах), в Петрограде и в Москве открываются Археологические Институты. Но следует отметить, что научных работ обобщающего характера в России до самого последнего времени появилось очень немного. Причина этого—обширность территории государства и недостаток специальных научных сил, которые заняты были почти исключительно обработкою сырого материала.

Так как мы намерены заниматься русской археологией, то предметом нашего изучения будут те памятники древнего быта, которые остались от народов, когда-либо населявших пространства нынешней России—от народов, из которых, в конце концов, сложилось русское государство.

Археологический материал добывается, главным образом, путем раскопок курганов, пещер, древних городищ и пр. Мы употребляем выражение „главным образом" намеренно, т. к. об'ектом для исследования археологу могут служить и устные памятники: [1]) былины, песни, заговоры, легенды и пр., хранящиеся не где-либо под землею, а в богатой сокровищнице народной памяти.

Раскопка должна производиться умело и с большой осторожностью. Указать какие-либо общие правила для лиц, занимающихся раскопками почти невозможно, так как каждый памятник требует особых приемов [2]). Следует заметить, что часто погоня за ценными вещами, скрытыми в землю, сводит к нулю научное значение раскопок: для науки глиняные

---

[1]) Что былины и пр. представляют богатейший археолого-исторический материал, в этом легко убедиться из простого просмотра былин, хотя бы по книге Б. Соколова—Былины 1918 г.

[2]) Но все же некоторые указания дать можно—см. книгу А. Спицына—Археологические раскопки, 1910 г.

черепки иногда важнее драгоценного ожерелья, лежащего рядом с этими черепками в каком-либо кургане. Но, наталкиваясь на остаток древнего быта, не нужно увлекаться и признавать за каждым таким остатком значение археологического памятника. Научное значение для археологии имеет лишь такой остаток старины, при помощи которого можно придти к тому или иному научному выводу. Так, гр. А. С. Уваров говорит: „Древний гвоздь, найденный где-нибудь нечаянно, не может привести ни к какому научному результату; между тем как тот же самый гвоздь, если он найден в древней могиле, несомненно указывает на эпоху железного века, к которой должна быть отнесена открытая могила, и, вследствие такого результата, железный гвоздь делается памятником археологическим [1]. И несколько дальше Уваров продолжает: „Археологическим памятником следует признать только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которые поясняют нам культурное состояние древнего быта какого-либо периода в известную эпоху".

Прежде, нежели приступить к непосредственному изучению археологии, надо познакомиться с двумя вопросами: это—происхождение человека вообще и время его появления на земле—в частности.

Вам известно, что теологическая точка зрения на вопрос о происхождении человека сводится к идее сотворения человека Богом или богами.

С открытием нового света, когда белолицые европейцы столкнулись с краснокожими индейцами, у первых возникло сомнение относительно того, что Адам и Ева являются общими предками как европейцев, так и индейцев. Это сомнение претворилось в теорию о „преадамитах", т. е. людях, происшедших не от Адама и Евы.

После знакомства с краснокожими, европейцы столкнулись с антропоморфными обезьянами и, впоследствии, под влиянием Руссо и Канта, возникла мысль о возможности происхождения человека от указанных обезьян.

Линней, в 1755 г., ставит человека в общую классификацию животных, подчеркивая, таким образом, мысль об общности законов развития как для человека, так и для животных. Особенно же твердое основание получила эволюционная теория развития животных форм,—и в их числе человека,—после появления в свет (в 1809 г.) „Зоологической философии" Ламарка. Ряд блестящих ученых (Ч. Дарвин, Гексли и др.) развил и фактически обосновал теорию Ламарка. Итогом всех работ по вопросу о происхождении человека является доклад Э. Геккеля, читанный им в 1898 г. в Кембридже на IV Международном конгрессе зоологов [2].

---

[1]) Ук. соч. стр. 175.

[2]) Доклад этот напечатан отдельным изданием: Э. Геккель. Происхождение человека, 1919 г.

В настоящее время происхождение человека, в связи с происхождением других животных форм и жизни вообще, можно, схематично, представить в таком очерке.

Астрономия учит нас, что некогда земной шар был в огненно-жидком состоянии, о чем и до сих пор напоминает высокая температура внутри его. В этот отдаленнейший период жизнь *не могла существовать* на земном шаре. Постепенно, под влиянием холода мирового пространства, поверхность нашей планеты стала остывать, покрываясь твердой корой. Остывать стали и пары, носящиеся в воздухе, появилась вода, заполнившая впадины на поверхности земли,—так образовались моря и океаны. И только тогда, когда температура понизилась до пределов, переносимых живыми существами,—лишь тогда *могла* появиться жизнь на земле и, нужно полагать, именно тогда она и появилась.

Но как совершилось великое таинство превращения мертвой материи в живое вещество? Откуда появились и как выглядели первые живые существа и пр.?—Вот вопросы, которые предстоит решить.

Самая элементарная идея, возникающая под влиянием этих вопросов, была идея о самозарождении жизни.

И, действительно, мы видим, что уже Аристотель допускает и—допускает в широкой степени—самозарождение организмов.

Он полагал, что многие насекомые, моллюски и даже рыбы возникают путем самозарождения. Такое представление сохранилось и в средние века, когда наука влачила жалкое существование: так в XVII в. врач ван-Гельмонт дает наставление, как из муки с прибавлением разных разностей получать живых мышей; Парацельз учит, как в тыкве получать „гомункулуса“ (маленького человечка) и т. д.

Но уже во второй половине XVII в. итальянский врач Франческо-Реди доказал, что мясные черви не появляются путем самозарождения, а происходят самым естественным образом из личинок мясных мух. С изобретением и усовершенствованием микроскопа Антон Левенгук открыл в настойках из растительных веществ множество мелких организмов, которые он назвал инфузориями (infusum—настойка). Впоследствии к инфузориям присоединился целый мир других микроорганизмов (mikros—по-гречески—малый).

Как возникли эти инфузории? Опять невольно явилась мысль, что они зарождаются самостоятельно из тех мертвых продуктов, которые брались для приготовления настойки.

Но в противовес теории самозарождения была выставлена точка зрения, доказывающая, что мельчайшие организмы произошли из зародышей, которые раньше были в жидкости.

С появлением указанной точки зрения, Нидгэм в 1745 г. обратился к прямому опыту. Он кипятил в колбе мясной сок, герметически закупоривал колбу и когда, через некоторое время, открывал ее, то обнаруживал под микроскопом, что содержимое колбы густо населено мельчайшими

существами; так как они, казалось, не могли попасть снаружи, то значит, заключил Нидгэм, они должны были самопроизвольно зародиться из мертвой материи.

Противником Нидгэма выступил в 1765 г. аббат Спалланцани, который, повторяя опыты Нидгэма, но только тщательнее производя кипячение, доказал полное отсутствие в содержимом колбы, когда ее через известный промежуток времени открывали, каких бы то ни было микроорганизмов.

Но ни опыты Спалланцани, против которых последовали известные возражения, ни позднейшие опыты Шульце (в 1836 г.), Шредера и Душа (в 1854 г.) не погасили интереса к вопросу о самозарождении. Интерес к этому вопросу был так велик, что Парижская Академия наук учредила в 1860 г. премию „за удачные опыты, бросающие свет на вопрос о самозарождении".

И вот, трудами Пастера (1822—1895 г.г.), вопрос о самозарождении, так долго волновавший ученый мир, был окончательно решен.

Пастер доказал, что в воздухе постоянно носится огромное количество зародышей микроорганизмов и что многие из этих микроорганизмов убиваются лишь при нагревании до 120 градусов Цельсия. При более же слабом нагревании и в запаянном сосуде появляется жизнь, что и наблюдалось до Пастера, давая пищу для ложных научных выводов. Итак, после опытов Пастера, теория самозарождения микроорганизмов была окончательно сломлена. Принцип: „все живое происходит от живого" мы должны признать, по крайней мере для современной нам эпохи, безусловно верным.

Но значит ли, что самозарождение, которое в настоящее время, как мы только что отметили, не происходит, не имело место и в жизни нашей планеты и многие миллионы лет назад?—Современная биология допускает самозарождение для отдаленнейших эпох жизни земного шара. И исходит в своем допущении из таких предпосылок. Опыт и наблюдение указывают нам, что жизнь тесно привязана к определенным условиям. Много миллионов лет тому назад температурные условия на земле были иными, чем теперь; вещества, из которых состоит земная кора, могли быть непохожи на нынешние: даже сами химические элементы, как указывает новейшая химия, быть может, были другими. Все это, в своей совокупности, устанавливает условия существования, совершенно отличные от современных. Поэтому, возможно, что тогда происходили такие процессы, которых в наше время уже не наблюдается,—и мертвая материя могла превращаться в живое вещество [1]).

Жизнь сперва зародилась, как говорит наука, повидимому, в море, так как в море мы находим большинство тех составных частей, кото-

---

[1]) При составлении очерка о происхождении жизни, мы пользовались великолепно написанной книжкой проф. Н. Ю. Шмидта—Основы жизни, 1920 г., которую рекомендуем, как популярное введение в биологию.

рые необходимы для живого организма (вода, некоторые соли, кислород и проч.).

Раз возникнув, жизнь стала развиваться по законам эволюции. Процесс же эволюции в настоящее время настолько изучен, что дает нам основание утверждать происхождение всех животных форм от одной простейшей.

Вполне логичным будет считать за первичную животную форму на земле—простую клетку, каковую форму и до настоящего времени удержали миллиарды простейших животных. Изменчивость обстановки и борьба за существование заставляли организмы уклоняться от своей первичной формы. После клетки, второй стадией развития животных, является гаструла, т. е. организм, состоящий из многих клеток. Далее из гаструльных форм образуются черви, высшие формы которых переходят в насекомых и, в конце концов,—в позвоночных.

От жаберных позвоночных рыб произошли легочнодышащие сухопутные животные. Такой переход доказывается существованием двоякодышащих рыб, а также двоякодышащих сухопутных животных. Кроме того, сам человек, в процессе своего эмбрионального развития, проходит форму рыбы с жаберными щелями на шее. От простейших легочнодышащих произошли сумчатые и млекопитающие. Последние отличаются образованием плаценты. Образование плаценты (послед или детское место) у высших обезьян (гиббоны, оранг-утанги) и у человека одинаково. Этот факт служит доказательством близкого родства человека и высших обезьян. Вторым доказательством этого родства является сходство крови человека и человекообразных обезьян. Кровь, как известно, состоит из сукровицы и кровяных телец. Кровь разных животных имеет различную форму кровяных телец. Это отличие ведет к тому, что если мы кровь одного животного перельем в кровеносную систему другого, отличного от первого, то животное, которому мы перелили кровь,—погибнет: так, собака погибает, если мы введем в ее кровеносную систему кровь кошки. Но родственные животные переносят кровь друг друга: кровь собаки можно смешивать с кровью волка, а кровь шимпанзе с кровью человека. Как описанные, так и другие факты, в своей совокупности, приводят к установлению действительного кровного родства с антропоморфными обезьянами.

Так как строение человеческого скелета, по мере удаления вглубь прошедшего, становится все грубее и получало обезьяновидные признаки, то возникла идея о существовавшем когда-то общем родоначальнике как у человека, так и у обезьяны. Эта идея сделалась злободневной, когда Э. Дюбуа, в 1891 г., на о. Яве, открыл черепную крышку, два зуба и бедренную кость, приписав эти остатки скелета новой форме—питекантропу, в котором видел, вместе с другими учеными, связующее звено между ископаемыми обезьянами и человеком. Впоследствии, на основании тщательного изучения фауны тех слоев, где были найдены остатки питеканторп, блнао установлено, что находка Дюбуа относится к четвертичному

периоду (а человек, как полагают, появился в третичный период) и составляют остатки антропоморфной обезьяны. Но все же находка эта очень ценна, так как свидетельствует о существовавшей когда-то обезьяне, очень близко стоявшей к человеку. Найдены и остатки человеческого скелета четвертичного периода—это знаменитые кости неандертальского человека, самые примитивные из всех известных остатков ископаемого человека.

Кости эти были найдены в Неандертале, в одной из пещер этого ущелья, расположенного близ Дюссельдорфа. Форма черепа неандертальского человека очень напоминает обезьяний. Таким образом кости питекантропа и неандертальского человека доказывают нам, что генеалогические линии человека и гиббона должны сойтись в одной точке. Точка эта должна лежать где-то в седой древности, за чертою даже тритичного периода. Правда, до сих пор не найдено остатков третичного человека, но обнаружены обломки кремня третичного периода со следами искусственной обработки (как полагают некоторые представители ученого мира)—так наз. „эолиты“, т. е. каменные орудия периода „утренней зари человеческого рода“.

Бегло познакомившись с вопросом о происхождении человека, мы должны, хотя бы в самых общих чертах, ответить на вопрос, как давно появился на земле этот человек.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, в свою очередь, коснуться общей истории земли, так как определением относительной хронологии древних органических остатков занимается геология.

Земная кора состоит из известных геологических отложений (минеральные отложения, остатки флоры и фауны). Все геологические отложения той части земной коры, которая доступна нашему изучению, принято, для удобства изучения, делить на группы, группы—на системы (формации), системы—на отделы, отделы распадаются на ярусы, последние—на зоны, а зоны—на слои. Хронологическая единица, соответствующая группе, будет эра; более мелкие хронол. единицы: период, эпоха, век. Преобладание в тот или иной промежуток времени какого-нибудь рода или семейства флоры или фауны характерно для определенной хронологической единицы. В 1881 г., на Болонском геологическом конгрессе, для облегчения ориентировки в минувшей истории земли, была установлена нижеследующая таблица:

	Группы (эры).	Системы или формации (периоды).	
1	Азойская [1]).	Лаврентьевская. Гуронская.	Толща всех слоев группы около 30.000 метров. Жизнь отсутствует.

[1]) а—без; зоон—животное.

2	Палеозойская или первичная [2]).	Кембрийская. Силлурийская. Девонская. Каменноугольная. Пермская.	Толща слоев: 15—20000 м. В течение данной эры сменилась вся фауна.
3	Мезозойская или вторичная [3]).	Триасовая. Юрская. Меловая.	Толща слоев около 1000 м. Фауна богата и своеобразна; появляются млекопитающие.
4	Кайнозойская [4]).	Третичная. Четвертичная. Современная.	Толща слоев около 1000 м. В третичный период получили начало все наши животные и растения, а в их числе и человек.

Теперь, после краткого очерка истории земли, укажем, что современная наука относит существование человека к третичному периоду и археолог Мортилье, путем целого ряда сложных хронологических выкладок, убедился, что человек обитает на земле уже около 230.000 л. Существуют и другие цифры, определяющие возраст человека. Правда, абсолютные цифры, предлагаемые разными учеными, далеко не совпадают. Но так как все эти вычисления ведутся при помощи научных методов, где серьезность мысли комбинируется с ее остротой, то пренебрегать этими попытками отнюдь не следует. Верная цифра понемногу нащупывается и может быть, в ближайшем будущем состояние науки позволит на вопрос о древности человеческого рода дать исчерпывающий ответ.

Каменный век.

От времен так наз. каменного века до нас дошло много орудий и разных поделок из камня. Но это совсем не значит, что человек каменного века не изготовлял своих орудий и утвари и из иного материала, кроме камня. Не только возможно, но даже наверное он употреблял в дело и кожу, и дерево, и раковины, и волокна растений, и пр. Однако, предметы, сделанные из менее стойкого материала, погибли или почти погибли, а то, что было приготовлено из камня, сохранилось. Но, конечно, камень был преобладающим материалом, из которого чековек делал свои наиболее важные орудия,—отсюда происходит и название эпохи каменным веком.

Каменный век, для удобства обозрения, мы разобьем на соответствующие периоды: эолитический (эос—заря, начало; лифос—камень), палеолитический (палеос—древний) и неолитический (неос—новый). Но необходимо помнить, что все эти деления,—как и множество иных подразделений и классификаций в науке вообще—условны и созданы исключи-

[2]) Палеос—древний.

[3]) Мезос—средний.

[4]) Кайнос—новый.

тельно для удобства, как указано выше, обозрения предмета: и в неолитическую эпоху употреблялись грубо обделанные каменные орудия, которые встречаются даже и в последующие века (бронзовый и железный).

Эолитическая эпоха.

Эолитическая эпоха совпадает с третичной формацией. А так как полагают, что человек появился в названную эпоху, то существование его пытались доказывать такого рода фактами: 1) костями человека, найденными в соответствующих отложениях почвы; 2) кусками кремня искусственной обработки—эолитами и 3) костями третичных животных, покрытых знаками (зарубы, нарезы), нанесенными якобы человеком при помощи оружия.

Что касается костей человека, которые некоторые ученые относили к третичному периоду, то в настоящее время, после надлежащего обследования этих находок („калифорнский череп", найденный в 1866 г., „савонский скелет" и др), все они признаны не имеющими никакого отношения к указанному периоду. Да и навряд ли третичный человек, если признать его существование, походил на современного, так как общий естественно-исторический закон гласит, что чем совершеннее организация живого существа, тем быстрее совершаются его изменения. Поэтому, останки третичного человека, если бы они были найдены, должны скорее напоминать современную обезьяну и сильно отличаться от современного человека.

Относительно костей третичных животных с нарезами и зарубами, сделанными будто бы рукою человека (находка проф. Капеллини и др.), то основательное изучение этих знаков на костях ископаемых указывает, что они могли быть произведены зубами акул и др. животных.

Интереснее вопрос о кусках кремня со следами искусственной обработки. Целый ряд ученых с громкими именами положительно утверждает, что эолиты подвергались искусственной оббивке разумным существом [1]. Другие же указывали, что форма найденных кремней могла получиться от разных естественных причин (обкатыванье в воде, давление земли и т. д. [2]) Но и ученые последней категории, не отвергая совершенно возможности искусственной обработки эолитов, считают вопрос о них пока открытым.

Но интерес данного вопроса состоит в том, что ученые этого лагеря,—напр. Обермайер,—останавливаясь на возможности искусственного происхождения эолитов, решительно утверждают, что они не могли быть сделаны какой-либо из человекообразных обезьян, так как „не было за-

[1]) В 1872 г. этот вопрос исследовался специальной комиссией из 15 знаменитых археологов (Вирхов, Ворсо, Дезор, Картальяк, Катрафаж и др,). Причем голоса разделились на две почти равные части.

[2]) Напр. Г. Обермайер—Доисторический человек, стр. 470 и сл.

мечено, чтобы обезьяны изготовляли себе искусственно орудия.... Орудие требует сознания цели и связи причины и следствия. Орудие, изобретенное в результате известного рассуждения [1].... является специфическим человеческим приобретением" [2]).

В противовес изложенному мнению можно сказать, что, во-первых, наблюдение показывает, что современные нам человекообразные обезьяны сознательно употребляют некоторые предметы в качестве орудий [3]); во-вторых,—и это очень важно,—сам Обермайер отмечает [4]), что питекантроп, являясь человекообразной обезьяной четвертичного периода, имеет „черепную коробку, которая значительно сильнее развита, чем у современных человекообразных обезьян" и потому „обезьяна эта бесспорно обнаруживает более сильное приближение к человеку (нежели современная.—А.Б.)". А если так, то тогда непонятно, почему же эолиты не могли быть делом рук обезьяны, которая была, повидимому, умнее современных антропоморфных обезьян? [5])....

Что касается России, то, если мы примем во внимание, что наше государство владеет громадными пространствами суши,—вопрос об эолитическом человеке для русской археологической науки особенно важен. До настоящего времени Россия почти не принимала участия в решении этого вопроса,—это об'ясняется отсутствием достаточного числа специально подготовленных сил.

Но если проблема об эолитическом человеке для русской науки—проблема будущего, то общие условия России в третичный период вполне благоприятны для появления и деятельности разумного существа.

Палеолитическая эпоха.

Палеолитическая эпоха соответствует четвертичному периоду. Эпоха эта характеризуется изготовлением орудий (топоры, наконечники к стрелам, ножи, скребки и проч.) из камня. Но наряду с камнем, как материал

---

[1]) Обезьянам свойственно логическое мышление. Так, А. Э. Брэм в „Жизни животных" (10-ти томное изд. Т-ва „Общественная польза") т. I стр. 101 говорит: „Шимпанзе умеет делать вывод, понимать причинную связь между предметами и результаты своих опытов применять к своим последующим действиям"; или на стр. 100: „Несмотря на все свои особенности, шимпанзе обнаруживает в своем нраве и действиях так много человеческих черт, что почти забываешь в нем животное" и др. места.

[2]) Обермайер, ук. соч., стр. 477.

[3]) Г. и А. Мортилье—Доисторическая жизнь, 1903, стр. 118: „Первичным орудием человеку служила, несомненно, палка. Мы видим в настоящее время, что антропоидные обезьяны прибегают к помощи палки".

[4]) Обермайер, ук. соч., стр. 430.

[5]) Тот же Обермайер дает следующую таблицу емкости черепа (стр. 430): для современной гориллы—550 куб. сант., для питекантропа—850 к. с. (Геккель же в „Происхождении человека" 1919 г., стр. 18 дает для черепа питекантропа цифру от 900 до 1.000 куб. сан. для бушмена—около 1240 куб. сант.).

для орудий, употреблялась и кость (пилы, иглы, палицы и проч.). Человек для выделки своих орудий чаще всего пользовался кремнем, так как эта порода находилась у него под руками, обработка ее была несложной—при откалывании кремень дает острый край, которым легко резать мясо и т. д. Изготовление орудий совершалось, приблизительно, таким образом: брался кремень и, ударяя каким-нибудь твердым предметом по грани или по плоскости кремня, получали необходимые орудия. От взятого куска кремня, после отбиванья, оставалось ядрище или нуклеус в форме конуса,—эти отработанные остатки находят в большом количестве на местах изготовления орудий. Кремневые орудия иногда подделываются (чаще из корыстных целей). Но настоящее орудие, т. е. действительно относящееся к каменному веку, нетрудно отличить от поддельного: от продолжительного лежания в земле настоящее орудие покрывается стекловидным глянцем (налет углекислой извести), а излом подделки, как свежий, всегда матовый.

Типы каменных орудий: 1) топор—наиболее крупное орудие с рукояткой из палки, к которой он прикрепляется при помощи растений или сухожилий; 2) молот—тот же топор, но только с тупым краем; 3) клин или долото—с узким. острым концом; употреблялся для раскалывания дерева и пр.; 4) скребки для соскабливанья коры с дерева, кожи с убитого животного,—это те же топоры, но без рукоятки, хотя были и четырехсторонние скребки; 5) копье—к длинной палке прикреплялся (насаживался или привязывался) каменный наконечник.

Нужно сказать, что в эпоху палеолита человеку не чужды были и эстетические потребности. Так, свои палицы, которые делались из бивней мамонта, он украшал разными нарезками.

Вместо посуды употреблялись раковины, черепные кости животных. Одеждой служили шкуры зверей, сшитые костяной иглой при помощи длинных жил животных.

Жилищем служили пещеры, нависшие скалы и др. естественные убежища.

Относительно знакомства палеолитического человека с глинянной посудой в ученом мире существует разногласие. Одни ученые положительно утверждают, что в конце палеолитического периода человек научился делать посуду из глины[1]); другие—категорически заявляют, что в указанный период глиняная посуда отсутствовала в обиходе человека и обломки глиняной посуды, находимые в пещерах, обитаемых в палеолитическую эпоху, надо относить к более поздним эпохам[2]).

Но что несомненно известно, так это то, что в палеолитическую эпоху человек познакомился с огнем—с костями мамонта и др. животных встречается и уголь.

---

[1]) Напр. Н. И. Веселовский—Первобытный человек, 1905 г., стр. 29.

[2]) Напр. В. А. Городцев—Первобытная археология, 1908 г. стр., 265.

Как именно произошло это знакомство,—трудно сказать. На этот счет можно лишь строить гипотезы (добывание огня от трения, из под вулканической лавы и пр.). Шурц, например, разбирая этот вопрос, говорит, что добывание огня возникло из техники обработки дерева. а также—из техники камня [1]).

Повидимому, огонь первобытному человеку вначале служил средством защиты от нападения хищных животных. Это заключение можно сделать на основании наблюдения быта современных дикарей: есть племена, которые не пользуются огнем для кулинарных целей. Возможно, что и палеолитический человек лишь много времени спустя догадался употреблять огонь при изготовлении пищи.

В качестве иллюстраций по отделу палеолитической эпохи укажем на некоторые стоянки наиболее интересные в научном отношении.

СЕЛО КОСТЕНКИ [2]), Воронежской губернии. О том, что у села Костенки находят много костей „необычного вида",—ходили слухи еще в XVIII в. Еще Петр I, находясь в 1701 г. в Воронеже, указывая французу де-Бруину на кости мамонта, высказал предположение, что кости эти—остатки слонов Александра Македонского, который со своими войсками, по мнению Петра I, доходил до пределов нынешней Воронежской губернии. В 1769 г. о Костенках вспомнил академик Гмелин. Он произвел некоторые раскопки, которые окончились неудачно. Снова Костенки попали в фокус научного любопытства лишь спустя почти сто лет, когда, в 1879 г., по поручению Академии Наук, начались основательные раскопки в Костенках.

Раскопки обнаружили массу пережженных костей около костров. Кости принадлежали мамонту, носорогу и др. более мелким животным. Найдено также много кремневых орудий и большое количество ядрищ, что указывает на то, что орудия изготовлялись здесь же.

КИРИЛЛОВСКАЯ СТОЯНКА. Эта стоянка была открыта в 1893 г. на Кирилловской ул. в гор. Киеве. Изучением остатков стоянки занимались несколько видных ученых. Один из них говорит: „Из всех русских местностей, в Киеве найдены пока самые древние следы существования человека, так что эта местность может считаться одним из древних пунктов поселения человека на обширной территории нынешней Европейской России" [3]).

Повидимому, стоянка в Киеве была особенно удобной для первобытного человека, так как при раскопках Кирилловской стоянки обнаружены культурные слои не в одном, как обычно, а в нескольких горизонтах,—это служит знаком, что стоянки последовательно сменяли одна другую.

---

[1]) Г. Шурц—История первобытной культуры, 1910 г., стр. 433 и сл.

[2]) Часть добытого при раскопках материала хранится в Историческом Музее в Москве (в I-ом зале).

[3]) Проф. П. Армашевский.—О геологическом строении Киева, стр. 27.

Кремневые орудия, найденные здесь, высокой обработки.

На одном обломке кости мамонта выгравирован рисунок, на котором можно различить голову птицы и фигуру черепахи.

Приведенный пример стремления кирилловского человека к изящному не единственный—кирилловских рисунков много. Один из ученых (Ф. К. Волков), сравнивая эти рисунки с рисунками из французских пещер той же эпохи, установил настолько поразительное сходство в характере рисунка и в технике его выполнения, что пришел к выводу о заимствовании и заимствовании запада, так как днепровские рисунки первобытнее.

При раскопках почти каждой стоянки палеолитической эпохи мы наталкиваемся на кости мамонта, носорога и др. крупных и сильных животных. Невольно возникает вопрос: как убивал наш далекий предок таких животных? На этот вопрос трудно ответить определенно. Повидимому, животные попадали в ловчие ямы или загонялись охотниками в болота, где вязли и их убивали.

Мы упомянули лишь о двух стоянках. Но стоянки описываемой эпохи раскиданы но и в других местах. Раскопки будущего, конечно, увеличат количество открытых стоянок и дадут, несомненно, богатый материал для характеристики палеолитического периода в России [1]).

Неолитическая эпоха.

В период неолитический человек научился полировать и сверлить камень, делать глиняную посуду, строить примитивное жилище, приручать животных, ткать грубую ткань, ловить сетьми рыбу, смастерил лук и проч.

При помощи полирования, орудие принимало более совершенные формы, а благодаря просверленному отверстию оно могло крепко сидеть на рукоятке. В результате этих усовершенствований первобытный человек стал, несомненно, более сильным в борьбе с природою.

Процесс полирования производился при помощи особых точильных камней. Обломки таких камней находили у нас в России. Труд полировки был настолько медленным, что иногда (как рассказывает Миклуха-Маклай, наблюдавший эту работу в Полинезии) обработка одного какого-нибудь орудия кончалась внуком того, кто ее начал.

Сверление производилось, повидимому, при помоши очень примитивных орудий. Так, проф. Келлер при помощи палки, воды и песку в течение нескольких часов просверливал каменные топоры из твердых

[1]) Изображение предметов каменного и последуюших веков можно найти в целом ряде изданий и, между прочим, в Культурно-Историческом Атласе по русской истории (под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского) вып. I, изд. 1913 года.

пород. Наши далекие предки действовали, наверное, таким же способом. Для облегчения труда, сверление велось иногда с двух сторон,—тогда отверстие имело вид двух слившихся конических воронок.

В эпоху неолита разнообразие каменных орудий увеличилось. Из кости же стали вырезать удильные крючки; появились и др. поделки из кости.

Глину первобытный человек стал употреблять в силу ее двух свойств: 1) она обладает пластичностью—способна сохранять ту форму, какую ей придают и 2) будучи подвергнута действию огня,—затвердевает и уже не распадается от воды. Часто глиняные сосуды, находимые при раскопках, имеют внутри сетку,—плелась корзина, обмазывалась глиною и в таком виде сосуд обжигался. Посуда украшалась орнаментом, который, впрочем, незатейлив: насечки елочкой, ямочки и проч.

Из домашних животных известна корова, овца и коза,—кости их находят в курганных погребениях. Собака тоже была приручена на заре неолитической эпохи; некоторые ученые даже полагают, что собака была самым древним домашним животным. [1]) Между прочим, домашние животные отличаются от диких строением костей: так как домашние животные производят меньше движений, то кости их мало развиты,—особенно те части костей, к которым прикрепляются мускулы.

Жилищем человеку, наряду с естественными пещерами, навесами скал и проч., служат также и искусственные сооружения: ямы, землянки шалаши и т. д.

В пещерах этого периода иногда находится специально пробитое отверстие для выхода дыма. Из подобных пещер большой интерес представляют днепровские, открытые в 1876 г., расположенные на протяжении 100 верст по берегу Днепра

Жили в ямах, стены которых, в предохранение от обвала, были облицованы или камнем, или деревом. Над ямой часто сооружалась крыша. Подобные ямы обнаружены в Нижегородской губ. и в др. местах. Жили в шалашах, которые строили из кольев и сучьев, как видно из остатков одного сгоревшого шалаша, открытого в 1889 году в долине реки Оки.

Как мы уже заметили, ткацкое искусство, витье веревок и вязанье сетей уже существовало в неолитический период. Рыболовные сети фигурируют, например, в орнаменте глиняных сосудов Волосовской стоянки. Точно также на глиняной же посуде мы находим и веревочный орнамент. О существовании сетей говорят и грузила, находимые при раскопках,—их прикрепляли к сетям, чтобы они не всплывали на поверхности воды. Глиняные пряслица, надевавшиеся на конец веретена для придания ему устойчивости, повидимому, указывают на существование ткацкого искусства, хотя некоторые авторы определенно говорят,

---

[1]) Г. Щурц, ук. соч. стр. 363.

что следов ткацкого искусства в описываемую эпоху в России не найдено [1]).

Из стоянок неолитического периода наиболее замечательной является Ладожская

ЛАДОЖСКАЯ СТОЯНКА. Во время земляных работ при сооружении приладожских каналов, в 1878-82 г. г., была обнаружена масса остатков неолитической эпохи: каменные орудия, разные вещи, кости, растения и проч. Все эти находки были изучены и описаны целым рядом ученых, во главе с проф. А. А. Иностранцевым.

Среди костей были найдены и кости человека, а именно: десять черепов и обломки их, а также отдельные кости скелетов. Нужно заметить, что эти человеческие кости—самые древние из найденных в России.

Каменные орудия—преимущественно полированные. Найдено много украшений. Обнаружены кости, распиленные вдоль и поперек, повидимому, для добывания костного мозга,—причем, распиловка производилась каменной пилой.

Очень любопытна и еще одна находка: долбленый челнок из дуба.

Найденные черепки глиняной посуды указывают, что обжигание приладожский человек производил плохо: неравномерно и слабо. Посуда эта иногда украшалась орнаментом.

Судя по относительному количеству костей рыб, птиц и зверей,—видно, что пищей человеку служила, главным образом, рыба. Кости животных указывают, что фауна того периода была, приблизительно, такая же, как и ныне. Вымершими оказываются: зубр, кабан, олень и некоторые другие животные.

Приладожский человек, судя по всему, вел мирный образ жизни рыболова и охотника и был мало воинственным, так как на костях совсем незаметно неправильных срощений, которые являются следствием переломов. Жил этот человек, по определению проф. Иностранцева, 8.000-9.000 лет назад.

Мегалитические памятники.

Начало мегалитических памятников (мегас—большой, литос—камень) относят обычно к каменному веку, а развитие их—к последующему периоду.

Памятники эти носят различные названия: менгиры (maen на кельтском языке значит стол; hir—длинный, высокий), кромлехи (cron—круг; lech—камень) и дольмены.

Менгиры—большие камни, поставленные вертикально; если камней сравнительно много и они расположены в виде круга—сооружение называется кромлехом. Дольмен имеет различные формы: он состоит из двух

---

[1]) В. А. Городцев, ук. соч., стр. 376.

и больше плит, расположенных в виде ящика с крышкой. Эти памятники были надмогильными памятниками.

Мегалитические памятники встречаются у нас в России в—Крыму и на Кавказе. Самые большие дольмены были у нас под Новороссийском, но совсем недавно они были разрушены.

При раскрытии описываемых памятников в них находят целый ряд предметов, употребляемых обычно при погребении.

Трипольская культура.

Рассмотрим особо своеобразную культуру, стоящую на рубеже каменного века и века металлов и носящую название „трипольской". Остатки этой культуры встречаются на Балканском полуострове и во многих местах южной России. Но самые интересные находки были найдены около местечка Триполье, в Киевской губ.,—откуда и произошло название описываемой культуры.

Культура эта состоит из жилых помещений, сооружений из глины, имеющих, повидимому, ритуальное значение, разной домашней посуды и утвари.

Подавляющая масса предметов, относящихся к данной культуре, принадлежит к неолитической эпохе [1]). Но среди орудий обнаружены и орудия из меди, например, топорики [2]).

До сих пор остается вопрос открытым относительно народности, которая создала трипольскую культуру, и степени распространения культуры. Во всяком случае, в целом ряде мест: в Сузе, в Асхабаде, в Мерве и т. д., найдены культуры, очень схожие с трипольской. Время расцвета культуры датируется, приблизительно, четвертым тысячелетием до Р. Хр.

Люди в эту пору жили в землянках, где были сложенные из камня очаги. В землянках находились гранитные плиты для размола зерна. Как в землянках, так и около них находят много каменных орудий хорошей обработки, а также много глиняных сосудов, сделанных с большим искусством—тонкостенные, разнообразных форм, украшенные разными узорами или расписанные красками, причем рисунки изображали иногда животных, человека и пр. Среди глиняных изделий видим зачатки скульптуры: статуэтки людей с тщательной отделкою волос, одежды и проч. Благодаря именно этим статуэткам можно, в общих чертах, установить, как одевались, как украшались и проч. люди той поры:—так, женщины носили юбки, а мужчины—пояс целомудрия; других форм мужской одежды нельзя установить, но, принимая во внимание климатические условия, мужчины, конечно, не могли довольствоваться таким легким

---

[1]) Поэтому, напр., в ук. Культурно-Историч. Атласе трипольская культура рассматривается среди неолитической (см. стр. 4).

[2]) В. А. Городцев в своей Бытовой археологии, 1910 г. стр. 133 и сл. относит трипольскую культуру к металлическому периоду.

платьем, как пояс целомудрия. Женщины часто носили прически и украшались ожерельями из глиняных бус.

Среди предметов попадаются каменные шары величиною в яблоко. Одни из них, с притертыми боками, служили, повидимому, для размола зерна; другие же, целые, были метательными орудиями.

Около землянок замечены особые сооружения в виде круглой ямы. Пол и стены были обмазаны глиной. На полу находят много костей животных, разные орудия и сосуды. Ниже уровня пола этих землянок обнаружены горшки с жжеными человеческими костями. Возможно, что эти сооружения имели ритуальное значение [1]).

Металлический период.

Металлический период характеризуется открытием металлов и употреблением их на изготовление орудий и разных поделок. В течение этого периода каменные орудия, мало-по-малу, отступают на задний план, пока совсем не исчезают и о них совершенно забывается. Но у разных народов остаются все же пережитки каменного века. Так, у римлян, животное, приносимое в жертву, закалывалось непременно каменным орудием; у древних египтян, при мумификации, употреблялись также каменные орудия и т. д. Интересно, что впоследствии, при дальнейшей смене культур, наблюдаются аналогичные явления: так, иекоторые из римских жрецов не могли бриться железной бритвой, а должны были делать это медной и т. д.

Человек, благодаря ковкости, крепости и др. свойствам металлов, настолько усовершенствовал свои орудия, что, в борьбе с дикими животными и естественными силами природы, далеко шагнул вперед, по сравнению с минувшим, каменным, веком. Именно знакомство с металлами помогло человеку, в конце концов, создать всю ту цивилизацию, которая оставлена нам в наследие отжившими поколениями.

Металлический период делится на два отдела: на бронзовый век и железный. Основанием для такого деления является преобладание орудий из того или иного металла.

Бронзовый век.

Какой металл открыл человек ранее всех других,—мы не знаем. Во всяком случае, до знакомства с железом, практическое значение приобрела бронза—сплав меди с оловом [2]). Олово прибавлялось к меди для лучшей ковкости последней и составляло, чаще всего, $^1/_{10}$ всего сплава.

---

[1]) Раннее и среднее неолитическое время окончилось для Европы около 2500 лет до Рождества Христова. Позднее неолитич. время, захватывающее и переходные культуры (напр. трипольскую), кончилось для Европы, приблизительно, за 2000 л. до Р. Хр.

[2]) Свое название бронза получила от итальянского города Бриндивиума (Бриндизи), где в средние века было сосредоточено производство бронзовых изделий.

Само собою разумеется, что первые металлические орудия приготовлялись из чистой меди или из какого-нибудь другого металла,—какой первым попадался человеку. И уже позже, когда люди из опыта узнали преимущество бронзы, они стали искусственно составлять сплав. Во всяком случае бронза была уже известна за четыре тысячелетия до Р. Хр., так как о ней упоминается в священных гимнах ассирийцев.

Относительно меди имеются указания [1]), что она была известна приблизительно за 6.000 лет до Р. Хр.

Конец бронзовой эпохи для Европы ученые относят на начало второго тысячелетия до Р. Хр. [2]), когда индусы, обитатели Кавказа и др. народы познакомились с железом.

В истории некоторых народов (юг России, напр.) бронзовый период совсем отсутствует, т. к. эти народы от камня перешли непосредственно к железу, заимствовав его у народов, с которыми их столкнула судьба.

Что бронза стала известна и получила широкое рвспространение раньше открытия железа,—это не подлежит сомнению. Целый ряд фактов и соображений говорит за более позднее знакомство с железом. Напр., железо в руде не бросается в глаза, так, как желтая, блестящая медь, да и выплавить его из руды очень трудно,—необходима высокая температура. Кроме того, данные филологии говорят в пользу бронзы: так, кузнец у Гомера получает свое название от слова бронза, а глагол „ковать" означал обрабатывать бронзу. Оружие, описываемое Гомером, бронзовое. У римлян место, где хранились металлы и казна, называлось эрариум (от aes—медь) и т. д.

Предметы из меди или выковывались или отливались в формах. Последний способ преобладал. Формы были или временными,—напр. предмет оттискивался в мокром песке и потом в этот песок наливали расплавленный металл,—или же постоянными из камня, в виде двух половинок.

Относительно путей, какими бронзовая культура проникла в Европу, существует целый ряд теорий.

Так, напр., Мортилье полагает, что родина бронзы—Индия, где находится много и олова и меди. Распространили же бронзу в Европе выходцы из Индии—цыгане, издревле и до настоящего времени занимающиеся кузнечным и литейным мастерством. Мортилье, измеряя ручки бронзовых орудий, хранящихся в Париже, в Артиллерийском музее, установил, что средняя длина ручки бронзового века—78 мм., т. е. как раз по руке цыганам, обладающим небольшими руками. Для современных же европейцев, говорит Мортилье, нужна была бы ручка в 109 мм.

Нидерле и многие другие ученые [3]) согласно утверждают, что культура

[1]) Бертело произвел анализ древнейших орудий Египта.

[2]) См. хронологию всех трех веков у Обермайера, ук. соч., стр. 511.

[3]) Напр. Г. Обермайер, ук. соч., стр. 636.

бронзы пришла с востока, а воротами для нее в Европу были: Испания, Балканский полуостров и путь мимо Каспийского моря через Россию.

В частности, к нам в Россию направлялись следующие культурные течения: 1) наиболее древнее—отчасти из М. Азии и Месопотамии через Кавказ, распространялось по степи и терялось в лесах средней России; 2)—из Средней Азии, имея сферой своего влияния степь и восточные леса до Камы и 3)—сибирское, пересекавшееся со среднеазиатским.

Как в описываемую эпоху, так и в последующую культурное влияние проникало к нам из соответствующих культурных очагов, отчасти благодаря торговле янтарем, особенно ценные сорта которого добывались на побережье Балтийского моря. Балтийский янтарь имел широкую сферу распространения—изделия из него найдены в гробницах египетских фараонов V династии. Часть торговых путей, по которым расходился янтарь, пролегала по Днестру, Днепру, Черному морю или шла степью мимо Каспийского моря. В обмен на янтарь культурные очаги ввозили к нам бронзу, золото и пр.

Бронзовые орудия сперва были копией каменных орудий. Но потом, постепенно, они достигли большего разнообразия форм. Из орудий наибольшего совершенства достиг нож, необходимый в повседневном обиходе. Ножи—лезвие и рукоятки—украшались затейливыми узорами, изображениями животных и пр. Самым же важным орудием бронзовой эпохи был, безусловно, топор. Эти топоры известны под названием кельтов [1]), они имеют несколько типов. Из ножа развился кинжал, а от кинжала перешли к мечу. Из бронзы стали отливать наконечники для стрел и копий, выделывать серпы, напоминающие своей формой серпы каменного века. Появляются в бронзовый век и щиты, склепанные сосуды (паяние стало известно после), украшения и пр.

Вследствие каких-то невыясненных причин, среди народов в большой степени распространился обычай трупосожжения. Поэтому, о самом человеке бронзового века мы знаем очень немного, т. к. много костей человека исчезло. Но следует отметить, что обычай трупосожжения был лишь господствующим, но не исключительным: приблизительно 25% всех погребений производилось обычным способом.

Перейдем к характеристике отдельных культурных течений, о которых мы упоминали выше.

Кавказское течение. С кавказским культурным течением нас познакомят раскопки Майкопского кургана, который был разрыт в 1897 г. Внутри кургана обнаружены погребения, орудия, украшения, посуда и пр.

Некоторые орудия представляют полнейшее сходство (напр., топоры, кирки) с соответствующими орудиями бронзовой эпохи, необходимыми в Месопотамии. Другие же орудия (напр., ножи, кинжалы) ничем не отличаются от однородных орудий, обнаруженных в М. Азии при раскопках

---

[1]) М. б. от celtes—резец, как думает Эванс.

г. Трои. Влияние Месопотамии и М. Азии сказывается не только на форме и роде орудий, посуды и пр., но также и на рисунках, украшающих разные предметы.

Костяки обнаружены в скорченном виде, лежащими как бы в катакомбах и окрашенными в красный цвет. Относительно окраски скелетов в науке существовали разные мнения. Но наиболее правдоподобным считают, что окраска скелетов получалась от посыпки трупов, с ритуальными целями, краскою в порошке; когда мускулы и одежда истлевали, то краска и осаждалась на костяке.

Погребения, подобные майкопскому, обнаружены в разных местах Кубанской области и в других пунктах Кавказа.

Типы кавказских погребений установлены не только в южной России, но даже—это наиболее отдаленные следы кавказского влияния—в Ярославской губ.

Среднеазиатское течение. Это течение пока еще слабо изучено и можно предполагать, что оно существовало очень недолго, уступив место культурному течению в Сибири. Характерными для данного течения являются топоры с вислыми обухами и широкие серпы очень высокой обработки, что указывает на богатую культуру. Эти предметы находят на всей площади, образующей треугольник с вершинами: Пермь, Астрахань, Киев. Упоминаемые топоры чрезвычайно похожи на топоры Туркестана бронзовой эпохи.

Сибирское течение. Сама сибирская культура возникла под перекрестным влиянием культур китайской и среднеазиатской, причем главным ее центром были стоки р. Енисея. По берегам этой реки рассеяно немало памятников сибирской культуры.

Своеобразие сибирской культуры особенно выделяется на медно-бронзовых изделиях. Так, напр., кинжалы—и рукоятки и клинок—отлиты из одного куска металла; рукоятка отделяется от клинка перекрестком, иногда очень оригинальной формы—в виде раскрытых крыльев бабочки и пр.; клинки затейливо изукрашены резьбою, орнаментом или литыми фигурами, клинки—треугольные и обоюдоострые. Из предметов домашнего обихода заслуживают внимания бронзовые котлы; в них, на кострах, варили пищу и делались они с ножками.

В погребениях часто находят разные вещи в уменьшенном виде. Присутствие подобных вещей связано с культом. Сами же погребения совершались в курганах, причем покойника, в скорченном виде, клали в яму, расположенную ниже горизонта земли и обложенную камнями.

Как мы уже упоминали, сибирское течение на территории Евр. России пересекалось с течением среднеазиатским. В результате, недалеко от соединения Камы с Волгой, образовался культурный очаг, имеющий влияние на довольно большой район: центр России, низовье Днепра, Волги, Дона и даже до границ Финляндии. Образование очага именно в данной области об'ясняется богатством ее в физико-географическом от-

ношении. Предметы, на которых отражается характер обоих течений, находят во всем обширном районе, над которым господствовал камский культурный очаг. Так, напр., даже в Бессарабии, при раскопке одного кургана, нашли скорченный костяк, топор, чашу и др. предметы очень сходные с теми, которые обычно попадаются в низовьях Камы.

Переходные культуры.

На примерах, приведенных выше (мегалитические памятники и трипольская культура), мы убедились в том, что культурное развитие, в своем общем ходе, не делает резких скачков. Точно также не было этих резких скачков и при переходе от бронзы к железу.

Для характеристики периода первого появления железа мы познакомимся с кобанской культурой.

Кобанская культура.

Время появления этой культуры относят приблизительно за XV в. до Р. Хр. Называется эта культура по имени аула Кобань (около Владикавказа), где в 1869 г. был открыт богатый могильник.

Среди бронзовых вещей могильника обнаружены поясные пряжки, украшенные железной инкрустацией. Последнее обстоятельство указывает на тот факт, что железо было еще большой редкостью и поэтому служило исключительно для украшений. Кроме инкрустации железом, обращает на себя внимание инкрустация цветной выемчатой эмалью. Она производилась так: на бронзовом предмете делалась выемка (глубокий резной рисунок), которая заполнялась эмалевым порошком; при нагревании предмета порошок плавился, а при охлаждении--получалась блестящая стекловидная эмаль.

Как в Кобанском, так и в других могильниках обнаружено обильное количество бронзовых предметов, очень интересных по стилю и красоте. Оригинальны массивные налокотники, которые носили и мужчины и женщины; на шее носили гривны в виде обруча и пр. Но самый большой интерес представляют предметы вооружения, а среди них—топорики. Топорики эти имели изогнутую форму, причем ручка и лезвие украшались орнаментом. Подобные топорики нигде не обнаружены, кроме Кавказа.

Железный век.

Железо было известно людям очень давно—еще в период камня. Но это было метеорное железо, глыбы которого, весом до 2.000 пудов, находили в Гренландии и др. местах. Мы знаем, что эскимосы делали из такого железа стрелы и разные орудия, причем изготовляли их, как и из камня, путем оббивки. Способ приготовления и редкость предметов из

метеорного железа заставляют относить их не к железному, а к каменному веку.

Начало железного века для Европы относят за одно тысячелетие до Р. Хр., и оно совпадает с тем временем, когда люди научились выплавлять его из руды и постигли искусство ковки. Этот железный век не кончился еще и ныне.

Памятники этой эпохи чрезвычайно многочисленны и разнообразны. В нашем курсе мы совершенно лишены возможности даже коротко остановиться на описании русских памятников железного века. Поэтому мы упомянем лишь о главных моментах эпохи.

Киммерийцы. Самым древним народом, населявшим Россию, являются киммерийцы. Но, к сожалению, памятники этого народа изучены пока очень мало,—поэтому и знания наши о киммерийцах очень поверхностны. О них упоминает еще Гомер в „Одиссее", но более достоверные сведения об этом народе начинаются лишь с VII в. до Р. Хр. Они населяли степи южной России в начале первого тысячелетия до Р. Хр. Керамику [1]), инкрустированную белой пастой, считают характерным памятником киммерийского времени. Керамику эту открывают в разных курганах южно-русской степи.

Скифы. Киммерийцев на юге России сменили скифы. Об этом народе у нас имеются уже более полные сведения, самые ранние из которых относятся к VII в. до Р. Хр.

Скифы, выходцы из Азии, вошли в соприкосновение с греческой культурой, которая, как известно, насаждалась на северном побережье Черного моря колонистами из Греции.

Поэтому, на скифских древностях ясно видно влияние греческой культуры: попадается много вещей работы греческих мастеров или же изготовленных туземными мастерами по греческим образцам. Оригинальность скифского стиля усматривается в пристрастии к расцвечиванию металла камнями и стеклами, а также в склонности к орнаменту, в котором животные бывают изменены до неузнаваемости.

Раскопки дают нам картину погребальных обычаев скифов. Знатных покойников бальзамировали, клали в саркофаг, который помещали в каменный склеп. Над склепом насыпали высокий курган. Вместе с трупом богатого человека погребали его слуг, коней, клали вместе с трупом оружие, утварь, драгоценные вещи и пр.

Из скифских курганов интересен Чартомлыкский, находящийся в Екатеринославской губ., около г. Никополя. Раскопка этого кургана произведена в 1862—63 г.г. К сожалению, главная гробница кургана, как обнаружило исследование, расхищена еще до раскопок. Но тем не менее материал, добытый раскопками, и обилен и имеет большое научное зна-

[1]) Керамика—высшая ступень гончарного искусства, когда глина обрабатывается более совершенным способом.

чение. Некоторые вещи—образцы классического искусства. В качестве примера укажем на большую серебряную вазу для хранения вина, находящуюся в Эрмитаже. Ваза эта украшена художественно выполненными изображениями цветов, птиц, людей, коней и пр. Ваза имеет три крана в виде головок животных. Знатоки полагают, что она датируется IV-III в.в. до Р. Хр. и сделана, конечно, не туземными мастерами. Кроме вазы найдено еще немало золотых и серебряных вещей работы греческих мастеров. Но среди разных предметов, найденных в кургане, имеются вещи прекрасной туземной работы: напр., металлические остатки убранства коней и пр. [1]).

Богатые и интересные находки были сделаны также в Кульобском кургане, около г. Керчи. Повидимому, здесь было царское погребение, т. к. в саркофаге нашли костяк мужчины с золотою диадемой на голове, на шее—золотая гривна, на руках золотые браслеты. Все эти вещи покрыты художественным рисунком, изображающим разные сцены из жизни скифов. На других костяках были тоже предметы из драгоценного металла и, между прочим,—из сплава золота и серебра. Как раз из сплава этих металлов обнаружен сосуд, по художественности своей отделки не уступающий Чартомлыкской вазе. Сопоставляя друг с другом изображения с вазы и сосуда,—мы получаем возможность воссоздать картину жизни и быта скифов.

Памятниками своей жизни скифы оставили не одни курганы. Интересны еще и, так называемые, зольники. Это—холмы из золистой почвы, где находят много костей животных, обломки посуды и пр. Назначение зольников окончательно не выяснено. Очень возможно, что они имели ритуальное значение.

Хотя скифы и были кочевым народом и вели пастушеский образ жизни, но часть их жила оседло и занималась земледелием. Эти племена имели для защиты от врагов постоянные укрепленные пункты—городища. Подобное городище скифского периода было разрыто, напр., в Полтавской губ., на берегу р. Ворсклы (Бельское городище).

Сарматы. После скифов, во II в. до Р. Хр., юг России был занят сарматами. О жизни сармат мы знаем, главным образом, из греческих авторов, так как крупных памятников этот народ после себя не оставил.

Финны. Кто же населял северо-восток и среднюю Россию? Издревле огромное пространство от р. Оби до Балтийского моря и от Ледовитого океана и до нынешних Воронежской и Тамбовской губ. занимали финские племена. Племена эти различались друг от друга своей культурой и образом жизни, который зависел от местных условий. Искусны были финны в выделке кож и обработке металлов. Занимались они также и торговлей. Последним обстоятельством об'ясняется присутствие в курганах

[1]) См. описание этого кургана у И. Е. Забелина—История русской жизни, 1908, стр. 296-305.

финских племен восточных и иных монет, красивых изделий Индии и т. д. Но более обыденными занятиями для финнов были: охота, рыболовство, пчеловодство и земледелие.

Так как финны входили в тесные сношения с племенами, которые селились на землях, первоначально занятых финнами, то в результате получалось полное смешение культур. Так, например, в бассейнах Оки и Волги иногда бывает невозможно выделить финские древности от славянских.

В то время, как у восточных финнов было много предметов и красивых и драгоценных,—древности западных финнов бросаются в глаза грубостью своих форм и бедностью материала: золота и серебра почти нет, мотив изделий однообразен на протяжении долгого времени.

Среди финских древностей занимают видное место предметы сельского хозяйства: сошники, серпы, косы. Попадаются весы, подчас даже изящной формы, и разные монеты—эти находки говорят о занятиях торговлей. Гарпуны, крючки, остроги и иные рыболовные снасти указывают на процветание рыболовства. Находят металлические изображения пчел, приносившиеся в жертву богам,—таким образом, пчеловодство тоже было известно финнам. Об охоте же рассказывают кости диких животных, обнаруженные на местах поселений финнов.

В районе волжско-камской области немало финских городищ. Здесь находят много красивых и драгоценных предметов: серебряные сосуды работы мастеров разных стран—здесь и греко-римская работа, и персидская, и арабская, и индийская и пр. Много монет разных стран и народов. Массивные шейные гривны из высокопробного серебра и др. украшения. Здесь же находят предметы шаманского культа—изображения птиц с распростертыми крыльями и человеческим лицом (мифологическая птица Гаруда, обоготворяемая в Индии).

Как религиозный памятник, интересно Гляденовское костище, исследованное в 1896-97 г.г. Костище это обнаружено на дворе большого городища, около г. Перми. Это костище—холм, состоящий из свежих и пережженных костей животных. Среди костей обнаружено до 2.000 различных предметов: монеты, бусы, бронзовые стрелы, обломки глиняной посуды, серьги, ножи и пр. Наиболее древние из этих предметов относятся к началу христианской эры.

Болгары. Как раз в волжско-камской области, в VII в. болгары, покорив живших здесь финнов, образовали могучее государство. Болгары—народ тюркского происхождения. Одна из ветвей этого народа поселилась на Балканском полуострове, другие ветви рассеялись по России и Кавказу.

Волжские болгары имели ряд городов по Волге, во главе с Великим Булгаром—своей столицей. С IX в., благодаря принятию ислама (ранее болгары были язычниками), болгары завязали тесные сношения с магометанским востоком. От арабов они переняли уменье строить красивые

мечети, бани и другие здания. И даже, в конце концов, прославились как хорошие каменьщики—например, русские князья приглашали их в Суздаль для постройки каменных зданий. Образ жизни болгары вели полукочевой, знали много ремесл, занимались земледелием и торговлей.

Памятниками болгарского царства служат городища с множеством драгоценных вещей.

Готы. После сармат на юге России целый ряд народов сменяют друг друга.

Так, в III в. по Р. Хр. северным побережьем Черного моря овладевают готы, именно та их ветвь, которая называлась остоготами. Готы пришли не из Азии, а из Европы—от Балтийского моря. Они господствовали на юге России до 375 года, когда гунны, еще в начале II в. обосновавшиеся на р. Урале, разгромили их, и лишь небольшая часть готов удержалась в Крыму и Тамани (Фанагория). Здесь они сохраняли свою политическую самостоятельность до VIII в., после чего входят—сперва в состав Византийской империи, а потом в состав Татарской Орды. Вещи готского стиля находятся, главным образом, на Кавказе, в Крыму, на Днепре и Оке. Готский стиль характеризуется особенно подчеркнутыми геометрическими формами, придающими стилю сухость. Оживлением стиля служат разноцветные вставки эмали, стекла, драгоценных камней и пр. Ценные и важные в научном отношении вещи обнаружены в 1904 г. в керченских катакомбах и в могильнике в Суук-Су (Крым).

Гунны-авары. Гунны, в V в., преследуя готов, покинули пределы России, уйдя за своими врагами в западн. Европу. Гунны почти не оставили после себя никакого культурного следа. Их сменили кочевники авары или обры, отмеченные нашей летописью [1]), как племя жестоких людей. Авары господствовали над частью славянских племен до VIII в., когда иго их было свергнуто.

Хазары. Следует упомянуть о хазарах или хазарском каганате, владения которого в эпоху расцвета (IX век) простирались от Днепра до Волги и от Закавказья до Оки. В X. в. (977 г.), после побед Святослава, каганат распадается.

Хазары не были народом определенной национальности. Население хазарского царства представляло из себя самую разнородную этнографическую смесь. Религии исповедывались хазарами тоже самые разнообразные: и язычество, и иудейство, и магометанство, и христианство. В руках хазар было много богатых торговых городов (Итиль, Саркел, Семендер и др.). Но так как города их были разрушены до основания, то количество памятников, оставшихся после хазар, немногочисленно: осталось несколько могильников на территории бывшего каганата. Укажем на Верхне-Салтовский могильник (на берегу Донца в Харьковской губ.). Погребения этого могильника имеют вид катакомб. Хотя в могильнике и найдено

---

[1]) См. подстрочное примеч. у В. О. Ключевского, курс, ч. 1 стр. 124.

много разных предметов, но все эти предметы не носят определенного стиля. Хазарская культура и отмечается именно отсутствием в искусстве определенного стиля.

Печенеги, торки, половцы. Ослабление могущества хазар открывает дорогу в южно-русские степи племенам тюркских кочевников: печенегам, торкам и половцам. Все эти племена в X веке уже были в России.

Печенеги вначале жили между Волгой и Уралом. Но потом, теснимые с востока торками, прорвались через владения хазар (70—80 г.г. IX в.) и поселились уже между Доном и Дунаем, откуда и нападали на русских славян. Но в 1034 г. они потерпели, наконец, решительное поражение от русских и рассеялись,—отчасти по Балканскому полуострову, отчасти же слились с торками.

Торки частью перешли русские владения и удалились в Венгрию, а частью осели на территории Киевского княжества, вступая в союзы с племенами славян для борьбы с половцами.

Половцы—самое многочисленное племя по сравнению с торками и печенегами. Их жестокие набеги на земли русских славян оставили по себе печальную память в наших летописях. Господство половцев над южно-русской степью длилось до XIII в., когда татары заставили их уйти в Закавказье, на Балканский полуостров и в Венгрию.

Все упомянутые племена не имели никакого культурного значения, т. к. жизнь этих племен проходила в грабежах и разрушении культуры древних народов. Самое характерное из курганных находок половецкого периода—кривые сабли и широкие стрелы. Интересны еще серьги, так называемого, половецкого типа, в виде кольца с звездообразной подвеской. Покойников своих эти кочевники хоронили в курганах, причем часто пользовались скифскими курганами, ставя на вершинах их „каменные бабы"—грубо сделанные из камня мужские и женские фигуры.

Греки. В V в. под власть Византийской империи подпадает северное побережье Черного моря. Херсонес или Корсунь, где стоял греческий гарнизон, становится главным городом побережья. Херсонес был и торговым городом и городом, откуда греки распространяли христианство и свою культуру среди язычников.

В X в. Владимир Св. взял Корсунь. Он вывез оттуда не только ценные вещи, но и—священников и мастеров разного рода, благодаря чему упрочил культурную связь Херсонеса с Русью. Главным образом, русские заимствовали у византийцев церковную архитектуру, но также немало и в сфере домашнего быта, костюма, украшений и пр.. Так, напр., если мы возьмем украшения, то столкнемся с характерной для византийского стиля перегородчатою эмалью, которой украшались и вещи церковного и домашнего обихода. Изготовлялась эта эмаль таким образом: мастер брал золотой листик и загибал его края, придавая ему желанную

форму; в полученной коробочке ставились перегородки из тонких золотых пластинок, а между перегородок сыпался порошок разных цветов; потом вся коробочка ставилась на огонь, эмаль плавилась, затем остужалась и остывала. Вся эта работа была очень сложной, т. к. эмаль разных цветов плавилась не при одинаковой температуре.

Русские славяне. Откуда пришли славяне в Европу—об этом факте нет ясных исторических указаний. Проф. Нидерле, один из лучших знатоков истории и археологии славянских народов, указывает, что славяне занимали пространство между Одером и Днепром. Уже в доисторическое время славяне не были единым племенем,—тогда уже они разнились и по языку и по телосложению и по культуре. Разбросанные на громадном пространстве, славяне распались на три группы: одна распространилась на запад от Вислы и Карпатских гор (ветви: полабская, поморская, польская, лужицкая, чешско-славацкая), вторая передвинулась на юг Карпатских гор (ветви: словенская, сербо-харватская и болгарская) и третья, жившая в бассейне Днепра, мало-по-малу распространилась к самым верховьям Днепра, к Волге, Оке, Дону, к Черному морю, к низовьям Дуная и к Финскому заливу. Эта третья группа была родоначальницею русского народа.

Геродот, в V в. до Р. Хр., упоминает о народе генетов, которые обитали на р. Висле. В этих генетах некоторые историки узнают славян венедов. В I в. по Р. Хр. о привислянских славянах говорит Плиний Старший. Латинский писатель VI в. Иорнанд, в своем описании Скифии, говорит о славянах и антах. В X в. о восточных славянах пишет араб Масуди в своем географическом сочинении „Золотые луга". Мы опускаем целый ряд имен византийских и восточных писателей, упоминавших о славянах. В XI-м веке, наша „Повесть временных лет" рассказывает нам о разных славянских племенах и о том, как они расселялись по русской равнине.

Во время аварского нашествия восточное славянство сосредоточивалось на склонах и предгорьях Карпат. Там они сомкнулись в военный союз, под предводительством князя племени дулебов, для нападения на Византию (в V в. по Р. Хр.). Эта-то борьба с Восточной империей и сомкнула славянство в нечто целое. В течение VII в. славяне постепенно двигаются от Карпат в сторону русской равнины, где и оседали в более удобных пунктах. С этого VII в. расселяясь с Карпат, восточные славяне „вступают под действие особых местных условий, сопровождающих и направляющих их жизнь на протяжении многих дальнейших столетий [1]) и, т. об., обособляются от родственных им ветвей славянства. В X в. киевские князья об'единяют под своей властью все племена, которые и составляют одно государство—Русь [2]).

---

[1]) В. Ключевский—Курс, ч. 1, 1911 г., стр. 130.

[2]) О слове „Русь" см. Ключевский, ук. соч. (стр. 150 и 200). М. Покровский—Очерки по истории русской культуры, ч. 1, 1917 г. и у др. авторов.

Выяснив в общих чертах вопрос о появлении славян на территории Европ. России, мы не станем останавливаться на их дальнейшей судьбе— эта тема чисто историческая трактуется в общих курсах [1]). Здесь же мы коснемся лишь вопроса о славянских древностях.

Сравнительно недавно в Черниговской, Киевской, Волынской и др. губерниях открыта оригинальная культура—поля погребальных урн. Погребения эти датируются вещами, относящимися к II—V вв. нашей эры, и некоторыми археологами считаются первыми признаками присутствия славян на территории Евр. России. Поля погребальных урн не имеют никаких могильных насыпей. Покойник или пепел его клались в глиняный сосуд, обыкновенно хорошей работы и украшенный орнаментом, который зарывался в землю.

Вещи, встречаемые в этих погребениях, к сожалению, не дают нам возможности составить общую картину жизни людей, оставивших нам эту культуру. Некоторые вещи походят на римские, другие напоминают своим видом готские.

Несомненно, славянские древности датируются, приблизительно VII в. К этому периоду относятся вещи языческой славянской эпохи, которую сменила следующая эпоха—христианская.

Древности языческого периода добываются при раскопках курганов, в которых наши предки хоронили или труп или пепел своих близких. Вместе с останками, в курган клались и разные вещи, которые могли понадобиться покойнику в загробной жизни, которая мыслилась в формах земной жизни. Особенно много находят в курганах мужских и женских украшений. Украшения эти изготовлялись из бронзы или серебра и состояли, главным образом, из скани или филиграни. Филигранью называлась работа из скрученной серебряной или, золотой нити, которой или обматывалась вещь или же на поверхности вещи этой нитью выкладывался узор. Иногда две таких нити ссучивали, расплющивали молоточком и тогда верхняя каемка давала как бы зернь. Были и иные работы из филиграни.

Древности христианского периода, охватывающего промежуток времени от X до XII в. в., отличаются по своему характеру от древностей языческих. Покойники уже не снабжаются предметами домашнего обихода; выводится и самый обычай хоронить в курганах. Быт славян-христиан изучается при помощи предметов, добываемых при раскопках их городов или же тех драгоценных вещей (кладов), которые прятались славянами в землю из боязни неприятельского нашествия. Культура христианской эпохи по сравнению с предшествующей культурой была, несомненно, более богатой и утонченной.

На славянских древностях можно видеть влияние культур тех народов, с которыми наши предки вступали в торговые сношения,—и ара-

[1]) В. Ключевский, ук. соч. Н. Рожков—Русская история, т. 1, 1919 г., М. Н Покровский—История России с древних времен и др.

бов, и Византии, и Скандинавии и Западной Европы. Это влияние выражается или в предметах работы иноземных мастеров, находимых среди славянских древностей, или же в зарубежном стиле, который заимствовался и перерабатывался туземными мастерами. Влияние арабов (гл. обр. в течении VIII в.) об'ясняется оживленными торговыми сношениями с ними. Эти сношения падают с разрушением хазарского царства и с открытием арабами более короткого, нежели через Русь, пути в Европу. Потом начинается влияние Византии через Корсунь и Царьград. Значение Скандинавии очень ограничено: оно имело значение для северо-восточного района Руси. Влияние же стран западной Европы (Польши, Англии, Германии) сказывалось в областях Новгорода, Пскова, Смоленска, Владимиро-Суздальской земли.

Сделав общую характеристику славянских древностей, перейдем к обзору некоторых категорий этих древностей, имевших известное значение в жизни наших предков.

Города. Города развились из тех древних городищ, которые приобрели политическое или экономическое значение для той или иной области.

Вот, напр., белгородское городище (теперешнее село Белгородок, Киевской губ.). Оно находится на высоком берегу реки Ирпень. От реки городище было защищено высоким обрывистым берегом; с остальных сторон—валами и рвами, за которыми тянулись болота—„бор велик". Внутри города был особо укрепленный пункт „детинец", расположенный на самом высоком месте города, отделенный от города валом и рвом, а со стороны обрыва защищенный частоколом. Валы сооружались из глины, дубовых брусьев, необожженного кирпича и земли; все эти материалы располагались в определенном порядке. В детинце находились дом князя, его приближенных и епископа. Наряду с земляными, строились и каменные укрепления,—в 1114—1116 г.г. была построена крепость в Старой Ладоге. Развалины этой крепости сохранились и до настоящего времени, вызывая у нас удивление своими размерами и прочностью постройки. Судя по способу кладки, староладожскую крепость строили иноземные мастера.

Жилище. Относительно древних жилищ наших предков раскопки почти ничего не говорят. Правда, около Десятинной церкви (в Киеве) наткнулись при раскопках на каменный фундамент какого то здания не церковного типа. Возможно, что это остатки „Ольгина двора", о котором упоминает летопись. Частные лица, повидимому, обитали только в деревянных жилищах, от которых, вполне естественно, ничего не сохранилось до нашего времени. Но все же, благодаря литературным источникам (арабские и византийские писатели, былины, иллюстрации из памятника XII в.: „Сказания о жизни св. кн. Бориса и Глеба" и пр.), изображениям на Трояновой колонне в Риме жилищ даков, обитавших на низовьях Дуная и, вероятно, не отличавшихся бытом от русских славян и

т. д.,—мы можем составить общее представление о жилищах того времени.

Обыкновенно жилище состояло из одной клети или сруба. Такая клеть называлась избой и имела печь, которая топилась „по черному“ (без трубы). Более зажиточные имели вторую клеть, холодную—для жилья летом, соединявшуюся с избою сенями. Такая группа построек называлась палатами. Богатые и знатные имели просторные хоромы; при хоромах было много служб и все это обнесенное тыном составляло двор.

Внутреннее убранство богатых палат, можно думать, было очень красиво. Так, при раскопках упоминавшегося каменного здания в Киеве, а также в Белгородке найдены каменные плитки с затейливым и изящным рисунком,—ими, повидимому, облицовывали стены и пол. Возможно, что стены и потолок в княжеских палатах обтягивались, по восточному обычаю, материей,—один древний памятник упоминает „небо полотняное с лутовяными звездами“.

Мебель в жилищах была очень проста: лавы (скамьи), столы, редко стольцы (стулья); спали на подстилках, кровати появились позже; в ходу были сундуки и лари, где хранилось добро, имелись и ковры.

Посуда. Посуда была, главным образом, глиняная (горшки и пр.) и деревянная (ведра и пр.). У богатых имелась посуда и из бронзы, серебра и даже золота—иногда очень искуссно сделанная. При раскопках одного могильника (Гнездовского, под Смоленском) найдена бронзовая лампа прекрасной работы, представляющая женское лицо. Находят турьи рога в серебрянной оправе, украшенной орнаментом. В период византийского влияния появилась роскошная посуда,—об этом мы знаем из обличительных церковных поучений XII в. Знатные люди употребляли ножи и метал. ложки. Дома простых людей освещались, конечно, лучиною; дома же зажиточных—масляными лампочками и свечами.

Одежда. Сведения наши об одежде славян языческого периода крайне скудны (указания писателя X в. Ибн-Фадлана, византийца Льва Дьякона и др.). Платье славян этого периода не отличается разнообразием: сам Святослав одевался, как и его дружинники, в простую белую полотнянную одежду и только в ухе его была серьга с драгоценными камнями.

Но об одежде следующего, христианского периода, мы имеем более подробные указания и даже иллюстрации (в упоминавшемся житии св. Бориса и Глеба).

Так, все платье простых людей состояло из длинной рубахи, подол, рукава и ворот которой иногда обшивались каймой из другой материи. Рубаха подпоясывалась кушаком. Узкие штаны иногда заправлялись в мягкие сапоги. Поверх рубахи надевалась свита полотняная же или из грубого сукна, которая называлась „орницею“. Одежда знатных лиц делалась из дорогих тканей—напр., сорочка—из шелка, кайма—из позу-

мента, свита—из бархата с вышивками из золота. Носили еще плащ, называемый „корзно“, который накидывался на одно плечо и скреплялся на груди застежкой, часто драгоценной. Меховая одежда изготовлялась из овчины, а также и из дорогих мехов—соболь, куница и пр. На ногах носили: онучи или же носки, называвшиеся „копытцами“, лапти или же сапоги из сафьяна, расшитые иногда драгоценными камнями. Голову покрывали шапками из разнообразных материй.

Женщины носили сорочку, поверх—более узкую одежду, стянутую поясом и запястьями у кистей рук. Выходным платьем был плащ. Замужние женщины волосы прятали под волосняки (особые шапочки); на волосник надевалось широкое и длинное покрывало—убрус или повой.

Вооружение. Хотя предки наши и отличались мирным нравом, но общая обстановка требовала, чтобы почти каждый гражданин имел оружие и умел с ним обращаться. Так, напр., Ибн-Фадлан говорит, что купец-славянин никогда не расстается с мечем, и это понятно, т. к. пути сообщения были полны опаностей.

Вооружение состояло из кольчуги или более тяжелой брони, которая одевалась на тело. Ноги (ступня, колено) защищались тоже металлом. На голову надевался шлем или шишак. Нос иногда защищался особой пластинкой-переносицей. Но главным оборонительным оружием был щит, изготовлялся он из дерева и обтягивался кожей или железом. Копье и топор были самым древним наступательным оружием славян. Но наиболее древним оружием вообще была, безусловно, палица, которой пользовался еще человек неолитического века [1]). Употреблялись луки и стрелы, причем Новгород славился изготовлением стрел, которым, как говорит былина, „цены нет: колоты из трость дерева, строганы в Новеграде, перены перьицем сиза орла“. Стрелы помещались в тулы или колчаны, которые делались из дерева и обшивались дорогим мехом. Позднее стали употреблять мечи; лучшими считались привозные—франкские, аварские, варяжские и т. д. Мечи были самой разнообразной формы; у некоторых мечей клинки были волнообразные, наносившие сильные удары. Были в ходу ножи, кинжалы. Из осадных орудий известны тараны, стрикусы и пороки,—ими разбивались стены и состояли они из бревен, подвешенных на канатах.

Как боевое, так и парадное вооружение (последнее было более легким) часто богато украшалось художественным рисунком. Для примера укажем на шлем вел. кн. Ярослава (Федора) Всеволодовича [2]). Это, вероятно, тот знаменитый шлем, о котором говорит автор „Слова о полку Игореве“. Шлем найден в 1808 г. во Владимирской губ., в лесу, под

---

[1]) Г. Шурц, в ук. соч., стр. 514 говорит: „главное отличие палицы от палки заключается в том, что конец, наносящий удар, утолщен; через это оружие приобретает свою раздробительную тяжесть“.

[2]) Памятники русской вещевой палеографии, 1913 г., стр. 33, а также: Толстой и Кондаков—Русские Древности, вып. VI.

пнем дерева. Место находки, по историческим розысканиям, совпадает с местом, где в 1216 г. происходила знаменитая Липецкая битва. Шишак железный. Начольник украшен изображением Архангела Михаила на золотом листе. Кругом венца—чеканная серебрянная пластинка с изображением птиц, львов и пр. Серебрянное подвершье имеет вид звезды, представляя Спасителя, св, Георгия, Федора Тирона и Василия. Надписи греческие; одна из них гласит: въликый архистратиже Гнь Михаиль помози рабу своем Ѳедору". Шлем работы самого начала XIII в., что доказывается стилем чеканной работы.

Средства передвижения. Вследствие плохих дорог,—вернее полного их отсутствия,—самым удобным средством передвижения был конь. Конский набор у богатых людей был роскошным, украшался подвесками, бляхами. Зимой ездили на санях. Летом—на колесной повозке. По воде ходили однодеревки—суденышки, выдолбленные из одного ствола, челны, насады, струги; суда эти были гребные. Были и парусные суда, вмещающие человек по 40-50, на которых русские славяне доходили до Царьграда. Лодки богатых людей изукрашены орнаментом, коврами и пр.

Орудия производства. Славяне занимались рыболовством, охотой, земледелием и пчеловодством или бортничеством [1]). Какой нибудь определенной смены в способах добывания средств к жизни не существовало—занимались тем или иным в зависимости от местных условий. Рыбу ловили гарпунами, крючками, острогами, а также мережами (сетями) и бреднями. Охотились при помощи оружия, которое употребляли и против человека; кроме того, для ловли зверья употребляли тенеты (сети), сетями же ловили и птиц. Для обработки земли употребляли мотыги, сохи, бороны с деревянными зубьями. Пахали на лошадях и волах.

На этом мы закончим наш обзор первобытной и бытовой археологии и перейдем к изложению других отделов исторической археологии.

[1]) Бортничество—пчеловодство без специальных ульев, когда мед достается из дупла дерева.

Славяно-русская палеография.

Задачи науки. Слово „палеография“ составлено из двух греческих слов и в переводе на русский язык означает—древнее письмо. Самого слова „палеография“ в греческом языке не существует. Это слово было придумано ученым Манфоконом для древнего греческого письма, которое он изучал. Потом слов „палеография“ стали прилагать ко всякому древнему письму того или иного народа.

Палеография, как одна из вспомогательных исторических дисциплин, имеет своей задачей установить такие условия, при помощи которых можно было бы определить по письму время и место написания недатированной рукописи [1]).

На основании почерков датированных рукописей палеография находит характерные черты для почерков разных периодов, причем почерки новгородские, смоленский, полоцкий и т. д. рассматриваются отдельно.

Не следует думать, что время написания рукописи определяется точно. Какой нибудь писец, выучившийся писать в конце XIV в. и усвоивший традиции письма этого века, станет, конечно писать именно таким почерком и в течении следующего века. Поэтому, в лучшем случае, палеография указывает лишь полустолетие, а обычно,—тот век, к которому относится написание рукописи.

Место же написания рукописи определяется благодаря тщательному изучению различных знаков строчных и подстрочных, употребления особых слов, способов сокращения, разности в правописании и пр.—что свойственно местному письму.

История науки. Первыми русскими палеографами были братья Денисовы, старообрядцы, доказавшие подложность „Соборного деяния на еретика Мартина“,—это было в XVIII в. Но действительно научная разработка палеографии началась не раньше XIX в., а именно—с учреждения в 1815 г., при Московском Университете Общества Истории и Древностей Российских. Тогда целый ряд ученых и любителей (Паллас, Мусин-Пушкин, Оленин, Калайдович и др.) приняли участие в издании русских летописей и памятников древней литературы.

---

[1]) Проф. Брандт определяет палеографию как науку о писальных приемах, т. е. о том, как, чем и на чем в прежние времена писали (см. его Лекции по слав.-русск. палеогр., 1910 г., стр. 4). Проф. Щепкин говорит, что палеография есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследущая письменные памятники с внешней их стороны с целью определения времени и места их возникновения. (См. его Учебник русской палеографии, 1920 г., стр. I).

Из всей плеяды блестящих имен начала XIX в. имя К. Ф. Калайдовича (1792—1832) наиболее значительное для истории нашей науки и заслуживает быть особо отмеченным. Страсть Калайдовича к древностям обнаружилась еще во время студенчества, и он отдался своей страсти всецело. Тяжелая болезнь (помешательсто) прервала его работу на три года. Выздоровев в 1815 г., он, в течение десяти лет, издает много интересных памятников (два тома государственных грамот, описание рукописей Ф. А. Толстого, законы вел. кн. Ивана Васильевича и пр.). Все время Калайдович испытывал крайнюю нужду в средствах для существования. Его покровитель, гр. Румянцев, был скуп: так, за обстоятельное исследование об Иоанне, экзархе Болгарском, граф заплатил Калайдовичу лишь 25 р. ассигнациями. И вот, нужда и громадная работа окончательно подорвали здоровье ученого, и он умирает на 40-м году, не оставив даже чем похоронить себя [1]). Правда, Калайдович не обнимал истории в целом, он был любителем частностей. Но это вытекало из тогдашнего состояния русской исторической науки,—в тот период собирались данные совместно с кропотливой разработкой деталей.

За первыми пионерами на поприще палеографической науки появились и другие солидные силы: Погодин, издавший много образцов древнего письма; Востоков, изучивший Остромирово евангелие; Срезневский, большую часть жизни посвятивший изучению языка и письма древних славяно-русских памятников; Соболевский и др.

В результате соединенной работы поколений ученых было открыто и издано такое количество палеографического материала, которое позволило уже выяснить условия древнего письма, что в свою очередь дало возможность изучать материал по определенной системе.

Происхождение славянского письма. Арабский писатель X в. Ибн-Фадлан говорит, что в Булгаре славяне ставили над своими покойниками столбы с надписями [2]). Это было до принятия русскими славянами христианства и, следовательно, до знакомства наших предков с алфавитом, изобретенным для них, по преданию, св. братьями Кириллом и Мефодием.

На одной рукописи XV-XVI в. в. уцелела приписка, сделанная на подлиннике в 1047 г., с которого списана рукопись: „Слава Тебе, Господи, Царю Небесный, яко сподоби мя написати книги си искоуриловице“. Так как автор приписки писал кирилловицей, то выражение „искоуриловице“ означает, как предположил в свое время Востоков, „из Кирилловой редакции“.

---

[1]) С большой любовью отзывается о Калайдовиче М. П. Погодин в своей ст. „Судьбы археологии в России“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1869 г., стр. 37-38).

[2]) А. Я. Гаркави—Сказание мусульманских писателей о славянах и русских 1870 г., стр. 101: „Потом построили они...... что то подобное круглому холму, вставили в середину большое дерево халандж (бук или береза), написали на нем имя умершего человека и имя русского царя“. Нам могут указать, что руссы—это норманны, а не славяне. Для нас,—да. Но кто были руссы для Ибн Фадлана,—вопрос этот не решен наукой; целый ряд ученых склонен видеть в руссах Фадлана именно славян.

На одном евангелии, хранящемся в Ватиканской библиотеке, которое, в общих чертах, сходно с Остромировым евангелием, написанном в 1056-57 г. г., имеется заметка писца о том, что он писал „с зело кривых книг“ [1]). Эти „зело кривые книги“, повидимому, не были книгами кирилло-мефодиевой редакции, так как последняя не могла быть так испорчена вскоре после братьев переводчиков.

Сравнивая Остромирово евангелие с памятником ему современным или, м. б., и еще более древним—с Савиной книгой, мы убеждаемся, что что до XI в. существовали разные редакции божественных книг, т. к. оба упоминаемых памятника различаются и по языку, и по правописанию и по изложению евангельских чтений. Эти разные редакции не могли исходить от Кирилла и Мефодия. Нельзя также предположить, чтобы одна из этих редакций была испорченной, т. к. тогда характер самой „порчи“ был бы иной.

Можно было бы привести и еще ряд подобных фактов, но и уже изложенные дают нам право сказать, что в XI в. несомненно существовали не только кирилловская, но и другие редакции священных книг.

Сделанный вывод находит подтверждение в летописи преп. Нестора, где он рассказывает о том, что еще до посылки братьев к славянам, Кирилл, живя в Корсуни, „обрете ту евангелие и псалтирь роськыми писмены писано и человека обрет глаголюща тою беседою и беседова с ним, и силу речи пріим, своей беседе прикладаа различная письмена, гласнаа и согласнаа, и к Богу молитву творя, въ скоре начат чести и сказати“. Тут говорится, повидимому, о том, что Кириллу попало греко-славянское письмо, которое он уразумел, разобрав писанное при помощи живой речи.

Так как Русь имела оживленные торговые сношения с Византией, то невозможно предположить, чтобы русским славянам была совсем чужда греческая письменность. И, действительно, палеографический анализ древних из дошедших до нас рукописей говорит, что образцом первобытному славянскому письму послужило греческое уставное письмо [2]).

Изобретенная Кириллом слявянская азбука есть не что иное как азбука греческая, дополненная новыми буквами для выражения тех звуков славянского языка, которых нет в греческом. К 24 греческим буквам Кирилл присоединил 14 новых и получил алфавит из 38 букв. Эти новыя буквы, после Кирилла несколько умноженныя, суть: б, ж, ѕ (зѣло), ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѩ, ѭ (юсы); после прибавлены ꙗ или нынешняя

---

[1]) И. И. Срезневский—Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, стр. 79.

[2]) В памятнике X в.—в „Сказании черноризца Храбра о письменах“ говорится, что славяне издавна (до принятия христианства) употребляли для своей письменности римские и греческие буквы (см. И. И. Срезневский—Слав.-рус. пал. XI-XIV в., 1885 г., стр. 43).

„я“ и иотированные или смягченные юсы ѩ и ѭ; э—есть наша весьма поздняя буква. Новые буквы Кирилл не выдумал, а взял отчасти из священного алфавита еврейского: Ц, Ч, Ш и Щ. Первая есть еврейская буква цаде, употребляемая в начале и середине слов, вторая то же цаде в ея форме, употребляемой в конце слов, третья есть еврейская шин, а четвертая образована из этой последней по подобию первой цаде, отчасти из того же греческого алфавита через некоторое изменение букв, через их сложение и через употребление нескольких начертаний одной и той же буквы.

Кириллу ничего не стоило бы изобрести новые буквы, но он не хотел делать этого, как необходимо думать, потому, что в древности придавалось великое значение начертаниям букв (еврейская азбука послана Сифу Богом с неба чрез архангела Гавриила) и что он хотел избегнуть укоризны за дерзновенное в этом отношении творчество. Единственная буква, начертание которой изобрел Кирилл, есть „ж“. Оставлены с греческими названиями: у, ферт, хер (читаемые под ряд в переводе с греческого буквы эти значат: несносная рука).

Буква ѣ изобретена Кириллом для звука я, который был ему известным в говоре солунских славян; эти славяне, как и поляки поныне, говорят: бяда, бялый, свят, сяно, язда; это ѣ в церковно-славянском (позднейшем) и в нашем русском заменено было е.

Юсы ѧ ѫ изобретены были Кириллом для выражения носовых звуков говора солунских славян „ен“ (ем) и „он“ (ом), а по исчезновении из церковнославянского языка этих звуков они употреблялись вместо „я“ и „у“. Из всех славянских языков носовые звуки вполне сохранились только в польском языке. Наши слова: голубь, дуб, муж, глубокий, зуб, рука, месяц, пятно, святый, горячий, ряд, по польски: голомб, домб, монж, гленбоки, земб, ренка, месенц, пентно, свенты, горонцы, ржонд. Некоторые следы носовых звуков сохраняются и в нашем русском языке. Существительные имена среднего рода, кончающиеся на „мя“: бремя, время, имя, племя кончаются в родительном падеже на „ени“: бремени, времени, имени и т. д., потому что некогда произносились с носовым звуком „ен“: бремень, времень, имень, племень и др. [1]).

В заключение мы должны сказать, что Кирилл и Мефодий, упорядочив славянский алфавит и переведя некоторые священные книги с греческого языка на славянский, имеют громадное значение для славянской письменности, но легенду об их исключительном значении наука должна отвергнуть.

Кириллица и глаголица. Если образцом для первобытного славянского письма послужило греческое уставное письмо, то литературный язык

---

[1]) История Русской церкви. Е. Голубинского. Том I, вторая половина тома. Изд. 2. Москва. 1904 г. 340—342.

первоучителей дошел до нас в двух азбуках—в „глаголице“ и „кириллице“. Термин „глаголица“ означает азбуку вообще; „кириллица“—очевидно, „азбуку, изобретенную Кириллом“. Самые ранние памятники, по которым мы знаем обе эти азбуки,—это памятники X века.

Кириллица—точное повторение греческого устава IX-X в.; глаголица основана на греческой скорописи приблизительно того же периода. Если в кириллице мы и видим несколько новых знаков [1]), то они все же в духе и стиле греческого письма. Знаки же глаголицы ясно делятся на два класса: 1) знаки, свойственные греческому языку и алфавиту и 2) знаки, чуждые греческому языку и алфавиту.

Первоначально преобладающее большинство ученых высказывалось за первенство кириллицы, за большую ее древность. Относительно глаголицы говорилось, что она изобретена учениками Мефодия при начале гонения на церковно-славянское богослужение в Моравии, потом была перенесена в Болгарию, где употреблялась в IX-XI в. наряду с кириллицей. Эту глаголицу мы и находим в некоторых, очень немногих древне русских рукописях.

В настоящее время по затронутому вопросу признается господствующей гипотеза чешского ученого Шафарика, который полагает, что глаголица древнее и изобретена Кириллом (Константином) [2]). Наши русские ученые считают, что глаголица, как греческое обиходное письмо, которым славяне по нужде пользовались „без устроения“, древнее кириллицы. Но впоследствии глаголица была усовершенствована под влиянием той же кириллицы, приспосабливаясь для церковных целей к староболгарскому языку. Но такая усовершенствованная глаголица просуществовала не долго,—с XII в. она окончательно вытесняется более удобной для письма кириллицей [3]).

Церковно-славянский язык. Предки наши в своей письменности употребляли два языка: 1) церковно-славянский— для книг богослужебных и в духовно-нравственной литературе и 2) русский, народный—для грамот, законодательных памятников и частной переписки.

Вопрос о происхождении церковно-славянского языка долгое время был нерешенным в науке. Теперь же считается, что этот язык—язык древних славян-болгар. Он был распространен на сравнительно большой территории и уже в IX в. делился на говоры. Но в XIV-XV в. в. живой разговорный язык болгар был далек от языка болгарских изводов (текстов).

---

[1]) Монах Храбр говорит, что к 24 греческим буквам было прибавлено 14 новых знаков (см. Срезневский, ук. соч., стр. 71).

[2]) Щепкин, ук. соч., стр. 13, говорит, что весь наличный материал до того отрывочен, что допускает только гипотетическое решение вопроса.

[3]) См. Брандт, ук. соч., стр. 40; Карский—Очерк слав.-кирилл. пал., 1901 г. стр. 379.

Русские познакомились с церковно-славянским языком в X в.: так, в договоре Игоря с греками, от 945 г., упоминается „соборная" церковь св. Илии в Киеве, где богослужение совершалось, конечно, на церковно-славянском языке. Церковно-славянские тексты появились среди русских в большом изобилии и после принятия Русью христианства. Тексты эти, повидимому, шли из Болгарии, которая тогда была под властью Византии.

Рукописные собрания. Рукописные книги и грамоты, оставшиеся нам от древней Руси, и составляют тот материал, который изучает палеография.

Число книг от XI в. до XIV в. включительно более 700 (по подсчету И. А. Шляпкина), а за время с XV в. по конец XVII в. не меньше 15000. Что касается общего количества грамот, то оно чрезвычайно велико: напр. в Киевском Центральном Архиве их около полумиллиона, а в Московском Архиве бывш. Мин. Юстиции их в несколько раз больше. Но имеется еще целый ряд хранилищ рукописей: Публичная библиотека в Петрограде, Румянцевский музей и т. д.

Древнейшими памятниками нашей письменности, сохранившимися до настоящего времени, являются: Остромирово евангелие, написанное в 1056-57 г. г. диаконом Григорием для новгородского посадника Остромира и найденное в Турове; изборник Святослава от 1073 г., представляющий из себя сборник статей богословского и светского характера, переведенных с греческого и др.

Книга, свиток, грамота. Наши предки различали книгу, свиток и грамоту.

Книга сшивалась из тетрадей, состоящих обыкновенно из 8 листов или 16 страниц пергамента или бумаги. Эти тетради, составляющие книгу, часто покупались в разное время, по мере написания книги. Поэтому, старые рукописи наши нередко написаны на бумаге с разными фабричными клеймами (водяной знак на бумаге или филигрань)[1]. Число строк на страницах было не всегда одинаково. Иногда страница вертикальною чертою посредине делилась на два столбца. По написании, книга „крылась"— переплеталась в ткань или кожу. Встречаются роскошные переплеты,— напр. переплет Мстиславова евангелия от 1115 г., который был изготовлен в Константинополе, куда Мстислав отправил с евангелием своего тиуна; на евангелии имеется даже надпись этого тиуна: „много труда подъях и печали"..... и т. д. и в конце: „цену же евангелия сего един Бог ведает".— Формат книг был самый разнообразный: самый большой формат, в целый развернутый лист, имеют Четьи-Минеи митрополита Макария (половина XVI в.); как курьезные вещи, встречались книги миниатюрных размеров. Небольших книг, по числу листов, в старое время не было,—они соединялись в один переплет. Из больших книг известны Четьи-Минеи в 1759 и в 1762 листа. Цена книг была недешовой: дорог был переплет, да и

[1]) Н. П. Лихачев—Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, 1891, стр. 10, прим. 2.

бумага, привозный товар (бумагу стали изготовлять в России во второй половине XVII в., хотя попытки устроить у нас бумажные мельницы были еще при Иване IV [1]),—была недешева. Так, новгородские летописи отмечают под 7063 (1553) г.: „в лето того же бысть дорога бумага......лист полденьги....писшая“ [2]. Если мы возьмем среднюю цену рубля XVI в. в деньгах конца XIX в. [3]), то узнаем, что напр. в 1555 г. лист бумаги писчей стоил (приблизительно, конечно) на наши деньги (конца XIX в.) 16-17 коп [4]). Цена не маленькая... Помимо писчего материала, нужно было принять во внимание и стоимость оплаты труда писцов: напр. на евангелии, хранившемся еще недавно в Боровском Пафнутьевом монастрые, имеется приписка: „доброписцу чернописному (т. е. писавшему текст) заплачено 8.000 сребряниц, живописцу иконному (т. е. рисовавшему лики)—400 среб., златописцу, заставочному писцу и статейному писцу — 1.400 сребрениц“. Из сказанного о цене книг понятно, что они были таким же сокровищем, как драгоценные металлы и во время неприятельского нашествия прежде всего спасают книги: „.....книг множество снесено с всего города и з сел в соборных церквах многое множество наметано, съхраненіа ради спроваждено“..... говорит летопись под 1382 г. [5]) Укажем для наглядности такой пример: кн. Владимир Васильевич (во второй половине XIII в.) купил село за 50 гривен кун, а маленькую книжку-молитвенник он же купил за 8 гривен кун, т. е. стоимость шести молитвенников равнялась, приблизительно, стоимости села [6]). Древнейшая русская книга, писанная на бумаге, есть Исаак Сирин 1381 г. [7])

Свитком называлась длинная полоса пергамента или бумаги с текстом на ней, намотанная на палку. До нас дошел лишь один свиток с постановлениями московского собора 1655 г. Но т. к. в летописи слово „свиток“ употребляется довольно часто, то, вероятно, в свое время свитки были в большом ходу.

Грамотою назывался всякий небольшой письменный памятник-документ, письмо. Самая старинная грамота из сохранившихся до нашего времени—грамота новгородского князя Мстислава Юрьеву монастырю от пер-

---

[1]) Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 84 и 86.

[2]) Новгородские летописи, 1879, стр. 88.

[3]) Стоимость рубля в начале, середине и в конце XVI в. см. у Н. Рожкова—Сельское хозяйство Московской Руси в XVI ст., 1899 г., стр. 234 и у В. О. Ключевского—Русский рубль XVI-XVIII в. в его отношении к нынешнему (сб. Опыты и исследов. 1919 г., стр. 183).

[4]) Е. Ф. Карский, ук. соч., стр. 104, в связи с приведенными летописным текстом, указывает цену листа в 20 к.; нам это вычисление кажется не совсем верным.

[5]) Полное собрание русских летописей, т. VII, стр. 45-47.

[6]) За одно бумажное евангелие в 1560 г. уплочено около 600 р. на наши деньги (мирного времени, конечно). Писцу же за написание платили: за одно евангелие XIV в. в 160 листов—80 р. на наши деньги; за евангелие конца XIV в. в 183 листа—125 р, (см. Карский, ук. соч., ст. 286).

[7]) Щепкин, ук. соч., прим. на стр. 10.

вой половины XII в. Вначале грамоты были небольшого размера, но потом размер их в длину увеличивался путем приклеивания новых и новых листов и достигал даже 22 арш. напр.,—правая грамота от 1625 г. (правая грамота излагала обстоятельства дела и ход судебного процесса). Оригинал же Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. имеет 434 арш. длины. Грамота, относящаяся до одного дела, тоже склеивалась одна под другою и тогда получался, так называемый, столп. Были столпы, которые в свитом виде имели до аршина в диаметре.

Писцы. Переписывание книг считалось в древней Руси делом богоугодным, т. к. книги, по своему содержанию, были, главным образом, священного характера. Поэтому среди переписчиков было не мало лиц духовного звания. Но контингент переписчиков из духовных был, повидимому, не особенно велик, т. к. монастыри нередко заказывали переписывание книг писцам-мирянам. Писцы-миряне стали заниматься своим ремеслом очень рано: так, в записи Путятиной Минеи XI в. читаем, что ее „Путята псал"; на Юрьевском Евангелии XII в. обозначено: „Угриньць псал",—т. к. этим именам не прибавлено никаких титулов, то, значит, писцы эти были мирянами.

В XV-XVII в. в. класс писцов-ремесленников был уже настолько значителен [1]), что книги писались не только на заказ, но и для продажи на рынке. Часто над одной книгой работало несколько человек: один писал „черное письмо", т. е. чернилами, другой киноварью писал заглавные буквы, третий рисовал заставки, концовки, иллюстрации. Иногда же, если книга была большая, и „черное письмо" писало несколько человек, делившие между собою работу. Есть книги, написанные одним почерком с пометами вроде такой: „Се аз, раб Божий, Яков написал евангелие се.... А псал Явело". В подобных случаях первое имя принадлежит „строителю" книги, заказавшему написать ее, а второе имя—писцу.

Грамоты писались обыкновенно не теми писцами, которые писали книги,—об этом говорит различие в письме книг, с одной стороны, и грамот—с другой. В конце концов, из лиц, занимавшихся писанием грамот, образовался целый класс дьяков, которые, в московский период нашей истории, заполняют канцелярии всех приказов, причем некоторые из них, в XVIв., (напр. Андрей и Василий Щелкаловы) достигают могущественного положения в государстве [2]).

Запись. В конце книги писец часто помещал заметку, из которой явствовало имя писца, время и место написания книги. Эта заметка называлась записью.

Нужно иметь в виду, что не редкость встретить в книгах подложные записи. Происхождение подложных записей об'ясняется разными причинами: 1) делали их из корыстных целей, чтобы поднять цену рукописей,

---

[1]) Карский, ук. соч., стр. 308-325, приводит список известных писцов, переписывавших книги до 1500 г.; в этом списке несколько десятков имен.

[2]) Н. П. Лихачев—Разрядные дьяки XVI в., 1888 г. стр. 191 и др.

2) писцы, списывая текст оригинала, переписывали, вместе с ним и запись оригинала—благодаря этим записям до нас дошли сведения о книгах давно утраченных, но в то же время создалась опасность принять копию за оригинал; 3) часто писцы пользовались старыми витиеватыми записями, т. к. сами не могли сочинить подобных; но не всегда чужие записи использовались умно: так, некий Василий Жугаев из Ярославля, переписывая в XVI в. труд доктора Франциска Скорины, вставил в запись оригинала свое имя и получилось: „......я, Василий Жугаев сын, из Ярославля, в лекарских науках доктор....."

Были у писцов излюбленные записи, которые встречаются довольно часто. Напр.: 1) „...рад заяц, тенета избыв, тако же рад писец последнюю строку дописав...", или 2) „Яко же возрадуется жених о невесте, тако же радуется писец, видя последним лист" и др.

Приписка. В старинных книгах часто встречаются приписки, сделанные читателями на полях книги. Иногда эти приписки имеют связь с содержанием книги, иногда же в приписках сообщаются сведения о разных событиях. Некоторые приписки делались самими писцами и были, подчас, довольно курьезными: напр. „О, Господи, помози! О Господи, поспеши! Дремота неприменьная, а всем ряде (строке) помешахся (спутался)", или—„Како ли не объестися.... поставят кисель с молоком"—делится с нами автор приписки своими впечатлениями о какой то трапезе, или—„Лихое перо, не вольно им писати." и т. д.

Тайнопись. Встречаются записи, написанные тайнописью или криптографией, понятной только для посвященных [1]).

Один из способов тайнописи—писать слева сзади наперед; его мы находим в соловецком списке слов Исаака Сирина XIV в.: ьданегйыншерг ласипа—а писал грешный Генадь.

Не только записи, но даже целые книги (Псалтирь XIV в., хранящаяся в Ватиканской библиотеке) писались полусловицей, т. е. часть букв в слове имела свой обычный вид, а другая часть—напоминала греческие скорописные буквы.

Иногда из букв делалась вязь: гласные буквы выносились вверх строки. Такой вязью написан весь текст Слов Григория Богослова XIV в. (рукопись хранилась в Чудовом монастыре).

Употреблялся еще такой способ: одни буквы славянской азбуки употреблялись вместо других по известной системе. Напр., согласные буквы азбуки делились на две половины и подписывались одна под одною:

а б г д ж з к л м н
ш щ ч ц х ф т с р п

буквы первого ряда употреблялись вместо соответствующих букв второго ряда и наоборот.

---

[1]) Щепкин, ук. соч., стр. 132: „....тайнопись....употреблялась старыми писцами главным образом в качестве забавы».

В тайнописи пользовались и цифрами; тогда определенные цифры заменяли определенные буквы; или же из цифр составлялось нечто вроде загадок и шарад.

Был и еще целый ряд способов тайнописи [1]).

Между прочим, тайнописью или шифром, как говорят теперь, при дипломатических сношениях у нас, на Руси, стали пользоваться лишь с конца XVI в. В 1589 г. прибыл в Москву посол германского императора, который сообщил, что ему приказано писать своему государю „мудрой азбукою, которую он от себя в науку дал, чтобы опричь цесарского величества никто не разумел." В Москве немедленно „уразумели" эту азбуку и стали ею пользоваться, конечно, изменив ее [2]).

Материал для письма. Старинные русские рукописи написаны на пергаменте и бумаге.

Пергамент слыл в московской Руси под названием „харатья", откуда „харатейный список" и т. д.; назывался он также просто кожей или телятиной (пергамент русской выделки приготовлялся из телячьей кожи, в то время как в Зап. Европе его изготовляли из бараньей кожи). Выделка пергамента заключалась в том, что верхние слои обеих сторон кожи счищались; затем материал вытягивался или выравнивался. Иногда в дело употреблялся пергамент, с которого уже было снято одно письмо (палимпсест); так, одно евангелие XIV в., хранящееся в Публичной библиотеке, написано на пергаменте по славянски по смытому греческому тексту.

Борьба между бумагой и пергаментом началась в XIV в., причем в XV в. бумага уже быстро вытесняет пергамент, а в XVI-XVII в. пергамент употребляется лишь для наиболее важных грамот.

В старом русском языке термин „бумага" мог обозначать и бумагу писчую и бумагу хлопчатую. Так, в летописи под 6949 (1441 г.) читаем рассказ о смерти кн. Дмитрия Юрьевича: „.... отец же его духовный, Іосіа именем, священноинок, заткну бумашкою ноздри его...." [3]) Здесь речь идет о том, что Іосіа употребил для приостановления кровотечения из носу хлопчатую вату. В XVI-XVII в. в. были в ходу выражения вроде: „кафтан стеган на бумаге", дошедшия до нас в грамотах; здесь, конечно, имеется в виду вата.

Бумага к нам ввозилась: 1) восточная—через Астрахань, 2) итальянская—через Кафу, 3) французская и голландская—через Ригу и Новгород, 4) германская и польская шла через Польшу [4]).

Древнейшая бумага, восточная, приготовлялась из хлопка. Позднее, в Зап. Европе, стала выделываться бумага тряпичная или льняная. Древнейший акт, писанный на хлопчатой бумаге, из дошедших до нас,—новго-

---

[1]) В тайнописи пользовались и глаголицей.

[2]) См. А. Н. Попов—Дипломатческая тайнопись времен царя Алексея Михайловича (Из книги: Русское посольство в Польше 1673-77 годах, изд. 1854 г.)

[3]) Полн. собр. Русских Летописей, ч. VШ, стр. 110.

[4]) Н. П. Лихачев—Бумага и бум. мел., стр. 9

родская купчая от 1359 г. [1]) Первый акт из дошедших до нас на тряпичной бумаге—это ряд сыновей Калиты от 1341 г.

Тряпичная бумага имеет водяные знаки или филиграни. Изучение филиграней может дать полезные указния о времени написания рукописи (хотя бы в столетиях).

В виду недостатка и дороговизны бумаги, для черновиков и писем в Моск. Руси употреблялась береста, а так же лубок; на последнем изображали чертежи и планы.

Чернила, краски и перья. Для изготовления чернил служили старые гвозди (или железо), вишневый клей, квас или кислые щи.

Для заглавий и начальных букв употреблялась красная краска—киноварь. Для этих же целей, но значительно реже, брали также синюю, зеленую и желтоватую краску. Роскошные же книги (Остромирово евангелие, Мстиславово евангелие и др.) имеют письмо (заглавия и начальные буквы) золотом; реже—серебром.

Как известно, стальные перья стали изготовляться лишь в XVШ в. (в Мюнхене). До изготовления их писали птичьими перьями, а еще раньше—кисточками, заостренными палочками и т. д. Наши рукописи писались, главным образом, гусиным пером. В псковском Апостоле 1307 г. имеется приписка: „псал есмь павьим перомь".

Для линования бумаги употреблялась доска с туго натянутами нитями—керакса.

Как видно из иллюстраций наших старинных книг, писцы писали, подобно античным грекам и римлянам, положив бумагу не на стол, а на колено.

Орнамент книг. Орнаментированы в книгах были заставки и инициалы (заглавные буквы).

Русские художники копировали орнамент из болгарских и греческих оригиналов, а также (северно-русские рукописи XVI в.) на орнаменте заметно влияние и Зап. Европы—повидимому, Италии.

Византийский орнамент, который непосредственно или через болгарские рукописи попал к нам, состоял из растительных элементов и лишь отчасти из животных.

Встречаются в наших рукописях, в орнаментации, животные и растительные элементы не в естественных, а в утрированных, уродливых формах. Такой, так назыв., чудовищный стиль встречается в орнаментации вещей датско-скандинавского происхождения (IX и X в. в.). Западно-европейское влияние выражалось в том, что сверху и с боков заставки снабжались отдельными цветочками или даже целыми гирляндами.

Миниатюры. Миниатюры, служившие иллюстрациями к тексту, отчасти были копированы с греческих оригиналов, отчасти же составлялись

[1]) Напечатана в А. Ю. №71; упоминается у проф. И. Е. Андреевского—Наука об архивах (литогр. курс 1885-87 гг.); хотя А. И. Соболевский (см. Слав. русск. палеограф, 1901, стр. 29) говорит, что до нас не дошло рукописей на хлопчатой бумаге.

самими славянскими иллюстраторами. Вначале (до XVI в.) миниатюры занимали немного места, с XVI же века они стали увеличиваться на счет текста.

Вязь. Вязью называется соединение нескольких букв в одно целое, или же помещение в букве, написанной крупно, букв более мелких. Вязь мы находим в целом ряде наших рукописей: напр. в Киевском евангелии 1411 г. и пр.

Кирилловские почерки и русская письменность. Кирилловское письмо имеет три главных типа: 1) устав, 2) полуустав и 3) скоропись.

Уставное письмо, вероятно, значило первоначально письмо по уставу; буквы его похожи на печатные; это письмо—медленное, имевшее целью красоту, правильность и церковное благолепие. Устав характеризует эпоху, когда письменность носила преимущественно литургический характер; это письмо, как и всякое письмо, имеет свои варианты.

В полууставе буквы менее тщательные, с закруглениями вместо углов. Полуустав характеризует эпоху, когда письменность перерастает литургические рамки и обнаруживает более широкое литературное развитие. Потребность в книгах возросла, появились писцы, работающие на заказ и на продажу, возникло письмо, хотя и четкое, но более скорое (в полууставе больше сокращений, нежели в уставе, почерк полуустава имеет наклон—таким почерком скорее писать, чем вертикальным).

Скоропись имеет начертание более упрощенное по сравнению с полууставом. Скоропись характеризует эпоху, когда письмо широко распространено, когда оно служит в качестве орудия для чисто практических целей. Существенное ускорение процесса письма достигается в скорописи особыми приемами, которых не знает ни устав, ни полуустав [1]).

Русский устав употребляется в рукописях XI-XIV в., причем в более ранних рукописях (XI-XII в.) буквы не прижаты одна к другой, они широки и не высоки, а в более поздних (XIV в.)—буквы стоят на строке тесно, они стали уже и выше. В XIV в. русский устав дает начало русскому полууставу, который появляется в половине XIV в. Русский полуустав, с наплывом к нам книг южно-славянского происхождения, вытесняется полууставом южно-славянского типа [2]). Скоропись у нас возникает одновременно с полууставом, она по преимуществу письмо грамот и в период XV-XVII в. имеет два типа, резко отличающиеся друг от друга: северно-русский (московский) и юго-западный русский.

Если вначале кирилловская азбука имела тесную связь с азбукой греческой, в чем убеждает нас сравнение начертаний букв греческих и

---

[1]) Интересный анализ письма с точки зрения цели его дается Щепкиным ук. соч., стр. 93—95.

[2]) Наплыв этот можно поставить в связь с падением в конце XIV в. юго славянских государств Сербии и Болгарии. На Балканах устанавливается турецкое иго. Много грамотных церковных людей бежит с Балканского юга в Россию, принося с собою и свои книги и свои почерки, и свою литературную манеру и пр.

славянских в древних рукописях, то в дальнейшем, развиваясь, славянская транскрипция отошла от греческой. С XI же века русская графика начинает понемногу приобретать свои характерные черты, во многом отличающие ее от графики юго-славянской, под влияние которой она временно подпадает к началу XV в.

Изводы и их значение. Изводами называются местные варианты старославянского литературнаго языка. Местные особенности языка, при списывании с какого нибудь старо-славянского памятника, всегда проникали в список и получалась новая редакция (извод). Известны изводы: сербский, болгарский, русский и пр.

Изводы имели большое влияние на качество текста списка. Русским писчикам часто приходилось иметь дело с сербскими и болгарскими изводами. И лучшие переписчики приходили в недоумение, имея перед собою малопонятные оригиналы; писцы же ремесленники исправляли непонятные выражения, как бог на душу положит. Не только иноземные изводы, но даже тексты новгородские, псковские и пр., представляли трудности для писцов, незнакомых с особенностями местного языка; напр. новгородцы писали: „чвет", вместо цвет и пр.; псковичи же—„вшими" вместо всеми, „часю" вместо чашу, „тержая", вместо терзая и т. д.

Погрешности писцов, литературные вкусы и пр. Посмотрим, к чему, в общих чертах, сводились погрешности писцов.

Переписывая рукопись, язык которой устарел, писец подновлял язык, что вело иногда к искажению смысла: напр., во всех списках Несторовой летописи, вместо первоначального „бѣ Якун сь лѣп" (был Якун этот красив), стоит: „бѣ Якун слеп". Желая какое нибудь непонятное слово заменить более понятным, писцы не всегда производили подобную замену удачно: напр., евангельский текст „иже бо речет брату своему ракà (безумный)" в одном евангелии 1393 г. переписан так: „иже бо речет брату своему кърсто" (кърсто зват. пад. от корсто—гроб, так как слово ракà было понято как рáка—гроб).

Когда писцы не могли подобрать подходящего, по их мнению, слова для замены непонятного им выражения,—они оставляли чистое место в книге, но последующие писцы (т. е. переписывавшие данный список) писали все подряд и пропуск становился незаметным. Бывали и чисто механические пропуски: пропускалась буква, строчка, а иногда и страница.

В течении X—XVII в. было не в моде писать „простой речью". Писали запутанными периодами, с употреблением разных мудрых слов.

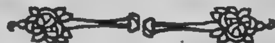
В результате чтения плохо переведенных книг или книг витиевато написанных получалось, что „глаголы шумят внѣ, о устах и о слусѣх" (слова шумят около губ и ушей), не проникая в ум.

До XVI в. слова писались слитно, т. е. одно слово не отделялось от другого. Скоропись наша не знала раздельного написания даже до

конца XVII в. Знаки препинания появляются раньше раздельного написания: так, запятая вводится уже в XV в. [1]).

Критика текста. Критика текста занимается восстановлением подлинных чтений и устранением погрешностей. Критика эта бывает двоякого рода: 1) полеографической—когда путем сличения нескольких списков одного и того же памятника, один из списков признается правильным или же на основании имеющихся списков составляется новый вариант и 2) коньектуральною,—когда все списки признаются неудовлетворительными и новый вариант составляется при помощи данных языка или содержания.

На этом мы и закончим наш очерк палеографии.

1) Карский, ук. соч. стр. 232 и 244.

Эпиграфика.

Эпиграфика имеет тесную связь с палеографией, т. к. она изучает надписи, начертанные на твердом материале—на камне, дереве, кости, металле и т. д.

На изучение надписей наука обращает серьезное внимание, т. к. надписи являются для нас иногда более важным историческим источником, нежели даже литературные произведения.

Раньше, когда для распространения тех или иных сведений еще не существовало такого дешевого материала, как бумага, надписи были в большом ходу. Народы древнего Востока, примеру которых следовали позднее греки и римляне, вырезали на камнях, а то и просто на скалах, в местах наиболее посещаемых, правительственные распоряжения, международные договоры и пр.

Особенной любовью к надписям отличались египтяне. Они покрывали ими стены храмов, гробницы, вещи домашнего обихода и т. д. Напр. в 1887 г., в Египте, около нынешнего селения Эль-Амарны, где когда то была столица Аменхотепа IV (Эхнатона), в особых тайниках, был случайно открыт дипломатический архив фараона в виде глиняных дощечек, исписанных клинообразными письменами. [1]) Дошедшая же до нас литература ассиро-вавилонская почти вся написана на твердом материале.

Все древние надписи, по своему содержанию, распадаются на два отдела: государственные (напр. договор между Элладой и Гереей, около VI в. до Р. X.) и частные (напр. духовные завещания, отпускные рабам и пр.). Уже во времена Аристотеля признавалась вся важность надписей и собирались колекции их: так, Кратер собирал решения народных собраний. Академии наук, в новое время, издают надписи разных народов,—так по инициативе А. Бёка, Берлинская академия наук издала греческие надписи и т. д.

Обращаясь к надписям, встречаемым в России, должно заметить, что пока они даже не приведены в надлежащую известность, что, конечно, тормозит изучение их.

Прежде всего укажем, что в России встречаются, так называемые писаницы—группы разного рода букв и знаков на скалах. Наибольшее количество их в верховьях Енисея и Оби. Некоторые из этих надписей (но в немногих случаях)—поздние монгольские или тибетские. Писаницы—

[1]) А. Морэ—Во времена фараонов, 1913, стр. 65 (популярная, но интересно написанная книжка).

иные вырезанные резцом, иные исполненные красною или черною краскою—помещаются на видных, но недоступных частях береговых скал. В последнее время производится зарисовка минусинских и томских писаниц, но т. к. они, обычно, находятся вдали от жилищ, то обнаружение их стоит большого труда. Из писаниц Евр. России известна одна на камне у Бесова носа, на Онежском озере.

Из надписей на камне в России известны: клинописные, найденные в Закавказье, восходящие к VIII в. до Р. Хр.; греческие и римские, начиная от V в. до Р. Хр., собраны на юге России и тоже на Кавказе; арамейские и еврейские—на сев. Кавказе, около Тамани и в Крыму; орхонские, заходящие в Сибирь из монгольских степей; рунические, скандинавские, армянские и грузинские, арабские и татарские, уйгурские, употреблявшиеся в Золотой орде; сирийские—из средней Азии; русские и славянские, начиная с XI в.; зырянские, польские, шведские, литовские, китайские и пр. и, наконец, неизвестные, подобные орхонским, найденные в верховьях Дона и Днепра.

Снимки с надписей изготовляются так: на хорошо промытый и смоченый водою камень накладывается слой шведской пропускной бумаги (или даже несколько слоев), твердой щеткой бумага плотно прибивается к надписи и на ней получаются отчетливые изображения букв; когда бумага просохнет, ее пропитывают белым лаком, чтобы предупредить сглаживание букв, затем бумагу свертывают в трубку и доставляют ее специалисту, который уже и читает надпись. С надписей мелких снимают кальку на тонкую бумагу помощью штриховки карандашем.

Отметим интересный наскальный рельеф, которые, вообще, редки в России,—это рельеф на скале у р. Буши на Днестре, при входе в пещеру. Он изображает дерево с петухом, коленопреклоненную человеческую фигуру и оленя. Над фигурами—следы надписи, повидимому, греческой.

Наиболее старая из русских надписей—надпись на Тмутороканском камне 1068 года, гласящая об измерении кн. Глебом по льду моря (пролива) между Тмутороканью (Таманью) и Корчевом (Керчью), причем получилось 14.000 сажень того времени.

Упомянем здесь о некоторых наиболее интересных надписях, сделанных на разнообразном материале [1]).

XII в.: потир св. Антония 1106—1157 г г.; оклад Мстиславова евангелия 1117 г., Стерженский крест 1133 г.; Рогволодов камень 1171 г.

Недатированные памятники: камень „Степан", находящийся в Тверском музее.

XIII в.: шлем вел. кн. Ярослава (Федора) Всеволодовича; крест князя Святослава Всеволодовича.

---

[1]) Со всеми указанными ниже памятниками можно познакомиться по книжке (издана на правах рукописи) М. И. Михайлова—Памятники русской вещевой палеографии, 1913 г.

XIV век: сосуд Моисея, архиепископа Новгородского, 1323 г.; Людогощинский крест 1359 г.; Ковчег страстей Христовых 1382 г.

XVI век: Надгробная плита Пелагеи Деденевой.

Подробнее мы остановимся лишь на двух—трех из перечисленных памятников.

Вот, напр., Стерженский каменный крест, хранящийся в Тверском музее. В музей он поступил из погоста Стержа, Осташковского уезда. Сделан он из красноватаго песчаника и на нем имеется следующая надпись: „6641 (1133 г.) месяца Июля 11 днь почах рыти рзк (у) сю аз Иванко Павловицъ и крст сі поставх". До перенесения на погост крест стоял на горе, находящейся при впадении реки Волги в о. Стерж. Местность, где стоял памятник, принадлежала, в свое время, к Деревской пятине Великого Новгорода. Так, по писцовым книгам этой пятины, от 1495 г., видно, что погост Стерж составлял вотчину Аркажского монастыря, основанного в 1153 г. Крест не был, повидимому, межевым или граничным памятником, т. к. иначе он упоминался бы в межевой грамоте вел. кн. Ивана Васильевича (1483 г.) о рубеже между его Новгородскою землею и Ржевскою землею брата его, кн. Бориса Васильевича, в числе межевых знаков между пограничными волостями Стерженской и Кличенской. Принимая во внимание, что слово „рыть" в окрестностях Новгорода и в настоящее время употребляется вместо слов „бросать", „топить", можно предположить, что надпись рассказывает об устройстве запруды, м. б для мельничной плотины. Иванко же Павловиць, по всему вероятию, был тем Новгородским посадником, которому Новгородцы дали посадничество въ 1134 г. [1]).

Рогволодов камень, большая плита, хранится в церкви Бориса и Глеба, в Копысском уезде, Могилевской губ. Свое название он получил от сохранившейся на нем надписи: "в лѣ (то) 6679 (1171) мѣсяца Маія в 7 день доспен кръ (а может быть: хр или даже жръ) сиі ги помози (ра) бу своіему Василію в крещени (и) именемь рогволоду сыну Борисову". Кроме этой надписи на плите высечен 6-ти конечный крест со словами „іс, хрс, ни, ка". Камень этот найден в 1792 году. Об этом камне Кеппен дает такие сведения: кн. Рогволод (в крещении Василий) Борисович в 1151 г. был свергнут полочанами с престола, через 7 лет снова вернул престол, но потом опять его потерял. После Рогволода княжил сын его Глеб (умер в 1235 г.); Карамзин слово „доспен" понимал в старинном смысле глагола „доспеть", т. е. сделан, совершен. Поврежденное слово" „кр" вероятно означает „крест" (а если стояло „хр"—то храм; если „жр"—жертвенник). Роскрывая титлы, всю надпись можно прочесть так: "в лето 1171, месяца мая в 7 день (7-ое мая как раз праздник воспоминания знамения на небеси явившегося креста Господня во Іерусалиме) сделан крест сей. Господи, помози рабу своему Василиию в крещении

[1]) А. К. Жизневский—Описание Тверского музея.

именем Рогволоду сыну Борисову". Над этим камнем в 1805 г. была построена церковь, раззоренная в 1812 г. [1]).

Если, как мы говорили выше, надписи на твердом материале народов Востока, Греции и Рима рассказывают нам о государственных и частных актах, которые впоследствии было принято фиксировать на бумаге, то у нас, в древней Руси, надписей о подобных актах на твердом материале почти не встречается. Это и понятно: когда наши предки вошли в тесное соприкосновение с культурными народами, имелся уже в употреблении более дешевый и удобный материал для письма—бумага. Поэтому, наши всякого рода акты изображены, главным образом, на бумаге или на пергаменте.

Но все же, если мы обратимся к древним памятникам, то узнаем из них, что иногда некоторые сделки (заем и др.) заносились на доски. Так в 1-й Новгородской летописи, под 1209 г., читаем: „Мирошкин двор и Дмитров зажгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изъискаша и поймаша без числа, а избыток разделиша по зубу, по три гривне по всему городу и на щит; аще потая похватил, а того един Бог ведает, и от того мнози разбогатѣша; а что *на дсокахъ*, а то князю оставиша". [2]) В этом отрывке расказывается, повидимому, о предании двух новгородских граждан наказанию, именуемому в „Русской Правде" „потоком и разграблением", причем кредитором должников, занесенных на „доски", вместо Мирошки и Дмитра, стал князь.

В целом ряде статей Псковской Судной Грамоты, составленной в XV в., доски тоже упоминаются. Так, в статье 14 читаем: „а кто подожит доску на мрътвого о зблюдении....." (если кто предъявит на умершего доску); ст. 28: „а кто на ком имеет сочити съ судного серебра по доскам...." (если кто будет искать на ком долга по доскам) и др. статьи [3]).

Большой интерес представляют пограничные камни. На них, помимо разных знаков, иногда бывают вырезаны и надписи.

Так как за последнее время изучением надписей занимаются более ревностно, нежели еще в недавнее прошлое, то, надо ожидать, что отдел эпиграфики, в недалеком будущем, обогатится новым материалом.

[1]) П. Коппен—О Рогволодовом камне и двинских надписях, статья в Уч. Зап. Акад. Наук, т. III, вып. I, 1855 г.

[2]) Цитировано по Неволину—История гражд. законов, т. I стр. 50.

[3]) М.—Владимирский—Буданов—Христоматия по истории русского права, вып. I, 1908, стр. 132, 137 и др.

Дипломатика.

Дипломатикой называется учение о документах и актах в смысле установления подлинности их происхождения, текста и даты [1]).

Самый термин „дипломатика“ происходит от греческого обозначения слова „удвоять“. Римляне словом „diploma“ называли бронзовые пластинки, складывающиеся вдвое: они служили чем то вроде паспортов или подорожных курьерам, дающим последним право требовать почтовых лошадей; подобные же пластинки выдавали солдатам, отслужившим свои сроки и получившим, по закону, известные привилегии [2]). В средние века термин был забыт, но в эпоху возрождения он появился опять,—им стали называть торжественные акты верховной власти, устанавливающие те или иные привилегии. Наш Генеральный Регламент термин „диплом“ переводит словами: „жалованная грамота“.

Дипломатика возникла в связи с исследованием старинных актов и документов, как источников, впоследствии же она перешла к выяснению их развития, как явлений народного правосознания, в их зависимости от данных условий места и времени, состояния культуры и пр.

Из определения задач дипломатики явствует, что она не может не иметь тесной связи с другими отраслями исторического знания: с палеографией, с хронологией, с сфрагистикой, с геральдикой и пр.; изучение дипломатики требует знакомства с археологией, нумизматикой, метрологией, истор. географией и т. д. И, действительно, при решении вопроса о подлинности того или иного документа или акта необходимо принять во внимание целый ряд обстоятельств и условий, а именно: материал письма (камень, глина, металл, папирус, пергамент, бумага—водяные знаки, если речь идет о бумаге); орудия письма (стилет, карандаши, перо, чернила); орнаментацию (инициалы, заставки, концовки, миниатюры); способы начертания, формы почерков, формы языка; стиль разных эпох, документов и авторов; особые формы собственных имен и названий мест, свойственные странам и эпохам; способы обозначения времени и пр.

Особенно остро потребность в услугах дипломатики почувствовалась в эпоху Возрождения, когда общее оживление в области искусств и науки коснулись и исторических наук. Дело в том, что в эпоху предшествующую, в средние века, появилось громадное количество поддельных грамот. Гра-

---

[1]) Н. П. Лихачев (Из лекций по дипломатике, 1905—1906, стр. 9) именует дипломатику актологией, т. е. наукою об актах, изучающей документальные памятники письменности с их внутренней и внешней стороны.

[2]) Интересный снимок римского диплома помещен у Лихачева, ук. соч., стр. 11.

моты подделывались с целью легализировать захваченные права. Подлогами занимались: папы, чтобы оправдать свои растущие притязания, светские властители,—чтобы бороться с притязаниями пап; епископы,—чтобы оттянуть у соседа кусок земли для своего монастыря и т. д. Уже в XIII в. появились специальные руководства с изложением приемов для разоблачения подлогов. Гуманист Лоренцо Валла (1407—1457) блестяще доказывает подложность знаменитого „Константинова дара" и т. д.

Твердые основания дипломатика получила с изобретением книгопечатания, когда появилась возможность оперировать с большими массами документов. В период же реформации, когда, с одной стороны, критиковали, а с другой, защищали, различные „документы", дипломатика получила надлежащее развитие. Окончательно же система науки сложилась благодаря выступлениям Папебрука, оспаривавшего подлинность большинства хартий и дипломов, изданных в Acta Sanctorum, и ученого Мабильона, защищавшего опороченные документы; последний в 1681 г. опубликовал сочинение по дипломатике, играющее видную роль в истории этой науки.

На Руси и на западе появлению специальных трактатов по дипломатике предшествовали отдельные критические опыты,—практически необходимое критическое отношение к актам, вызывавшим сомнение в их подлинности. Так, напр. в 1488 г. скончался брат вел. кн. Ивана III—Андрей Васильевич Вологодский; оказалось, что после его смерти были подделаны грамоты от его имени и в результате, разсказывает летопись: „Тое же зимы архимандрита Чюдовского били на торгу кнутьем, и Ухтомского князя, и Хомутова, про то, что сделали грамоту на землю после княжа Ондреева смерти Васильевича Вологодского, рекши: дал к монастырю на Каменное к Спасу" [1]).

Как на самую раннюю попытку дипломатического обращения с актами, можно указать на один сборник XVII в., где, вслед за житием митроп. Алексея, составитель поместил копии с ярлыков, выданных ханами русским митрополитам, снабдив эти ярлыки описанием [2]).

Но если откинуть практически-необходимые критические опыты и отдельные попытки дипломатического обращения с актами, вроде только что указанной, то следует отметить, что научное изыскание с документами и актами стало возможным и принесло известные плоды лишь после надлежащего обследования местонахождения документов и актов и опубликования последних.

Общий очерк местонахождения разнаго рода грамот дан нами в обзоре архивоведения. Здесь же уместно сказать, что XIX в., в своей археографической деятельности, обратил особое внимание на акты, происходившие из монастырей. Монастыри, которые, как известно, были в

[1]) У Лихачева, ук. соч., стр. 21—31, по одному делу из времен царя Ивана Грозного изложен процесс определения ложных грамот.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевский—Очерк русской дипломатики частных актов, 1920, стр. 70.

старой Руси не только наиболее безопасными местами от всякаго рода насилий, но также—и крупными центрами просвещения и хозяйственной деятельности, являлись, таким образом, огромной исторической силой, оставившей глубокий документальный след своего былого значения.

Ф. И. Миллер первый заметил всю важность актов из монастрских архивов [1]). Первый же начал разработку этого громадного и чрезвычайно ценного материала митр. киевский Евгений Болховитинов (1767—1837), [2]) которого Милюков называет „неутомимым бенедиктинцем". Скажем несколько слов об этом замечательном человеке. Образование Болховитинов получил в Славяно-Греко-Латинской Академии и в Московском университете, где и приобрел громадную эрудицию. Имея всего 21 г. от роду, он начинает печататься. Будучи епископом (с 1804 г.) он, волею высшего начальства, часто переводится из епархии в епархию, что шло ему на пользу, так как он в каждом новом месте своего служения ревностно изучает и описывает местные древности. Правда, он не вдавался в оценку и критику собранных им фактов, предоставляя это делать другим; его манера—манера летописателя-сводчика, которую он принял сознательно и которая, пожалуй, именно и была как раз нужна в тот момент развития нашей исторической науки, когда последняя нуждалась, главным образом, в сыром материале. Благодаря трудам митр. Евгения из темных закоулков монастырских архивов и библиотек было извлечено на свет Божий большое количество важных исторических грамот.

Мы лишены возможности останавливаться на других блестящих именах отечественной археографии, пользующихся даже большей известностью, нежели скромное имя митр. Евгения (напр. имя гр. Н. П. Румянцева, П. М. Строева и др.). Скажем лишь, что с появлением издания „Собрания Государств. Грамот и Договоров" (первая часть вышла в 1813 г.), присоединившего к томам начатой Н. И. Новиковым „Древней Российской Вивлиоѳики" обильное число документов и актов, образовался базис, необходимый для разработки дипломатики, как науки. С печатанием актовых изданий Археографической Комиссии (печатание началось с 1834 г.) в научный оборот была пущена масса нового материала и уже указывается на важность опубликованного в отношении дипломатическом, [3]) хотя и по настоящее время литература по дипломатической обработке изданного материала не может быть названа богатой. [4]).

---

[1]) П. Н. Милюков—Главные течения русск. истор. мысли, т. I, 1898, ст. I21; заметим, что с ук. соч. Милюкова, а также с книгою М. О. Кояловича—Опыт русского самосознания по истор. памятн. и научн. сочин. 1893 г., необходимо познакомиться, чтобы ориентироваться в истории развития русской истор. мысли.

[2]) Милюков, ук. соч., стр. 235—242, слишком строг в оценке значения митр. Евгения; с большей теплотой о последнем отзывается Н. П. Лихачев—см. его литогр. лекции—Из истории разработки дипломатики в XIX в., 1902 г. стр. 22—48.

[3]) Напр., указание П. М. Строева от 1838 г.—см. Лихачев, ук. соч. стр. 113—114.

[4]) По русской дипломатике, в точном смысле этого слова, следует указать на труды: Н. П. Лихачева, С. А. Шумакова и А. С. Лаппо-Данилевского.

Прежде чем поднимать вопрос о подлинности какой либо грамоты, она должна быть правильно прочтена и верно истолкована. Толкование или интерпретация акта стремится установить то значение, какое составитель акта хотел придать ему.

Для того, чтобы правильно прочесть документ, нужно иметь достаточно ясное представление о том, какие именно буквы надлежит разуметь под теми начертаниями, которые стоят в подлинном рукописном тексте. Напр., известный текст из договора Святослава с греками читается так: „хочю имѣти мир и свѣршену любовь с всякым и великим царем Грѣцьким". Оказывается, как разъяснил И. Срезневский, летописец, в свое время, смешал несколько сходных по начертанию глагольческих букв и вместо „с Иваном Великим царем Грецьким" прочел—„с всякым и великим царемь Грѣцьким".

Интерпретация текста не ограничивается правильным чтением текста: она должна установить правильное понимание прочитанного, которое зависит между прочим от надлежащего расчленения речи: в древнейших грамотах, как мы указывали в очерке палеографии, слова писались слитно друг с другом; расчленение их требует некоторого внимания; да и при чтении позднейших возможны ошибки. Известны случаи, когда ученые вместо „инако не учини" читали „и на конѣ учини" и пр. Нужно умело разставить точки, чтобы отделить друг от друга клаузулы (отдельные мысли) грамоты, а также—и прочие знаки препинания. Интерпретированы должны быть и те географические и личные имена, которые встречаются в грамоте. В сущности говоря, истолкование должно касаться каждого отдельного слова, так как следует помнить, что одни и те же слова подчас имеют разное значение в древности и теперь.

После того, как документ прочтен и истолкован, устанавливают, путем критики, научную его ценность.

Прежде всего возникает вопрос о возрасте акта.

В числе внешних признаков, устанавливающих дату, служат материал и почерк.

Напр., пергамент на Руси употреблялся с XII по XV в., а после—бумага. Бумага же служила материалом для письма в такой последовательности: сперва писали на итальянской бумаге, потом на французской, затем—на польской и немецкой, со второй половины XVII в.—на голландской и московской. На бумаге, как известно, имеются филиграни (водяные знаки, фабричные клейма), которые дают возможность судить о возрасте бумаги; так из часто встречающихся филиграней отметим: для XV в.—винсградную ветвь, корону, якорь, ножницы; для XVI в.—перчатку, кувшинчики, свинью, тиару; для XVII в.—голову шута, герб города Амстердама; для XVIII в.—русский двухглавый орел, гербы: ярославский, ростовский, московский, различные даты водяными знами и пр. Конечно, материал и филиграни лишь приблизительно датируют рукопись, не исключая возможости существования даже во второй половине XVII в. документов,

писанных на бересте[1]) или, скажем, в XVIII в. употребляется залежавшаяся бумага, бывшая в большом ходу в XVII в.

Почерк тоже дает только приблизительные указания на время написания документа, т. к. писец, который, напр., выучился писать в конце XVI в., перенесет характерные черты почерка этого века и в XVII в.

Что касается внутренних признаков, по которым можно судить о подлинности или подложности грамоты, то среди них необходимо указать, главным образом, на формуляр грамоты и ея содержание.

Формуляр акта требовал известных правил составления акта, включения в его состав определенных формул и в определенной последовательности и т. д. Так, государь обычно упоминается ранее иерарха, общий государь или иерарх—ранее местного; в удельный период титул государя был прост—„князь", в конце же XIV в., под южно-славянским влиянием, князь именуется пышнее—„благоверный и христолюбивый князь великий" и т. д. Или, возьмем дату: в начале письменности она вводится термином „в лето", в XIV же веке в Белоруссии и Малороссии появляется выражение „у лето", „под лето", а в XVII в. там же—оборот „рок".

Содержание грамоты, упоминание в ней тех или иных лиц, некоторые бытовые подробности и пр.—все это, в своей совокупности, дает материал для суждения о ея подлинности.

Упомянем, что в составе подлинных актов следует различать акты: черновые, беловые, умноженные и возобновленные. Черновые, содержащие первоначальную редакцию беловых, могут пояснить иногда многое непонятное в последних; умноженные акты, изготовлявшиеся для каждой из сторон (напр., при купле—продаже), назывались в старину „противнями; возобновленные акты заменяли утраченные подлинные.

Поддельным же исторический источник, вообще говоря, признается тогда, когда можно приписать обманщику злое намерение подделать именно исторический источник, т. е. совершить подделку самого факта его существования, как источника, и выдать результат своей подделки за действительно существующий источник или за его часть.

Некоторые виды документов подделывались чаще сравнительно с другими. Так, особенно часто подделывались купчие, закладные, вкладные и пр., т. е. документы, где речь шла об укреплении наиболее важного из прав, права собственности. Мотивы подделки ясны: напр., арх. Киево-Печерского монастыря Мелетий, с целью упрочить начинавшее подвергаться колебаниям влияние Киево-Печерской обители относительно Пустынно-Никольского монастыря, подделывает грамоту с соответствующим содержанием, якобы данную в 1159 г. вел. кн. Китаем, во святом крещении Андреем (Боголюбским).

---

[1]) В Сибири, в 1776 г.—см. К. Неволин, Сочинения, т. IV, стр. 50.

Дадим беглый обзор разного рода грамот, с которыми оперирует дипломатика.

Грамоты эти можно подразделить на три категории: 1) грамоты, даваемые правит. властью, 2) грамоты из области церковного права и 3) частные грамоты.

1) **Грамоты, даваемые правительственною властью**: а) по внутренним делам, которых две больших группы, а именно: грамоты жалованные и наказные.

Преобладающий мотив жалованных грамот в широком смысле— льготы. Наиболее древние из жалованных грамот отражают в себе финансовые и судебные цели. Из первоначального типа развились уставные грамоты местного правительственного управления; затем—земские, судебные и, наконец, губные.

Наказные грамоты давались различным органам управления по отдельным вопросам управления и суда. К этой категории принадлежат грамоты: отказные, сыскные, межевые и пр.

б) Процессуальные грамоты,—некоторые из них относятся к области наказных грамот, другие—к жалованным. Сюда же следует причислить: ввозные и послушные грамоты, челобитья и приставные памяти, поручные, срочные, зазывные и т. д.

в) По внешним делам: грамоты взметные, разметные и складные, которыми объявлялась война; договорные и докончальные, определявшие отношение великих и удельных князей между собою; опасные—давались иностранным послам на свободный въезд в московское государство; проезжие, которыми снабжались лица, желающие по каким-либо делам выехать за рубеж и пр.

II. **Грамоты из области церковного права**: благословенные, которые давались новопоставленному священнослужителю перед отправлением его в приход; ставленные, уставные, настольные, представительные, увольнительные и др.

III. **Грамоты частные**: Сюда относятся все те письменные акты, в форму которых облекались юридические сделки. Поэтому грамоты эти содержат в себе обозначение субъектов, объектов и существа сделки. К обширному отделу частных грамот относятся: вкладные и данные, передававшие монастырям и церквам право собственности на недвижимости; духовные, содержащие завещательные распоряжения; разного рода кабальные записи—служилые, заемные, закладные, причем все они означали заемную росписку; записи. кортомные, купчие, меновые, мировые, поручные, порядные, раздельные и т. д

Сделав примерное перечисление грамот, с которыми приходится иметь дело дипломатике, мы должны напомнить,—о чем уже говорили в очерке палеографии,—что в старину грамотами назывались не только документы, но и письма. Грамоты-письма лежат вне сферы ведения дипломатики; она занимается только грамотами-документами, разумея под по-

следними исторические остатки с нормативным, в особенности с правовым содержанием.

Непременно следует отметить, что в виду сравнительной слабости государственной власти в до-петровской Руси очень важное значение имеют наши старинные частные акты. Они являлись в значительной мере продуктами народного творчества, отражая в себе потребности и интересы обыденной жизни общества, давая много ценных сведений о народной, как материальной, так и духовной жизни.

И, действительно, если мы возьмем, напр., духовных князей и частных лиц с их подробными сведениями о движимом и недвижимом имуществе завещателя, о тех имущественных отношениях, какие существовали между ними и другими членами семьи; если мы возьмем полные и служилые кабалы, порядные и ссудные, дающие нам понятие о развитии крепостного права и пр., мы, в конце концов, получим почти полную картину хозяйственного быта старой Руси.

В частных актах встречаются иногда весьма характерные данные, касающиеся социальных отношений. В свою духовную 1627 г. Пантелеимон Солнцов, пожертвовавший много вкладов в Нижегородские церкви и монастыри, счел нужным внести следующие строки:

„такоже и сирот моих, которые мне служили, мужей их и жен и вдов и детей, чем будет оскорбил во своей кручине, боем, по вине и не по вине, и к женам их и ко вдовам насилством, девственным растлением, а иных есми грехом своим и смерти предал, согрешил во всем и перед ними виноват: простите меня грешного и благословите и разрешите мою грешную душу в сем вѣцѣ и в будущем, а вас, государей моих, во всем Бог простит и благословит в сем вѣцѣ и в будущем; також крестьян моих и крестьянок, чем кого оскорбил в своей кручине, лаею и ударом и продажею, по вине и не по вине, во всем перед ними виноват: простите меня и благословите и разрешите мою грешную душу в сем вѣцѣ и в будущем, а вас, государей моих, во всем Бог простит и благословит в сем вѣцѣ и в будущем".

На этом мы и кончим наш краткий обзор русской дипломатики.

Нумизматика

Нумизматика имеет своим предметом изучение монет и медалей. Значение нумизматики, как вспомогательной исторической науки,—огромно; но, помимо истории в узком смысле слова, наука эта дала не мало важных указаний в области истории искусств, филологии и пр.

Уже в эпоху Возрождения отдельные лица принялись за коллекционирование монет и медалей, сознавая всю важность для науки наличности подобных собраний. Первым таким коллекционером был знаменитый Петрарка. В настоящее время нумизматические кабинеты имеются почти в каждой стране, но наиболее интересные по подбору материала и самые богатые по количеству экземпляров—это кабинеты Парижа, Берлина, Вены, Лондона, Мюнхена и др. Между прочим, в Парижском Госуд. Нумизм. кабинете хранится самая дорогая из древних монет—золотая монета второго века до Р. Хр. царя Бактрии Евкратида, которая была приобретена в 1867 г. за 30.000 франков. У нас, в России первый нумизматический кабинет был организован при Академии Наук, куда было передано на хранение Модерсово собрание монет и медалей, купленное в Гамбурге в 1721 г. и дополненное в 1727 г. монетами, медалями императорского двора, Колекции Академии постепенно росли. В 1775 г. возник еще нумизматический кабинет при Эрмитаже, куда в 1894 г. были переданы все греческие, римские и западно-европейские монеты из Академии. В Эрмитаже теперь собрано свыше 200.000 экземпляров монет и медалей. Имеются более или менее интересные коллекции при университетах и др. учреждениях; были богатые собрания и у частных лиц,—напр. до 60.000 экз. монет и медалей было у графа А. С. Строганова.

Но одно дело собирать известный материал, другое—научно обработать его. Принципы нумизматики, как науки, были впервые изложены в самом конце XVIII. в. аббатом Экелем, который в своем сочинении „Doctrina Numorum Veterum“ (1792—98 г.г.) дал определенную систему для класификации и изучения монет и медалей. В XVIII же веке была открыта первая кафедра нумизматики в г. Упсале. Теперь нумизматика читается во многих высших учебных заведениях.

Сейчас мы скажем несколько слов о медалях, а все дальнейшее изложение посвятим монетам, т. к. последние играют в области социально-экономических отношений такую роль, которую медали, если мы примем во внимание назначение их, и не могут играть.

Назначение медали—сохранить память в потомстве о каком либо лице или событии, в честь которых и выбивается медаль. Изготовляется

медаль из металла и обычно бывает в форме кружка разной величины; бывают, впрочем, медали и не круглые, а четырех и многоугольные. По художественности замысла рисунка и тонкости работы медали стоят гораздо выше монет. В этом отношении особенно замечательны медали эпохи Возрождения, когда целый ряд талантливых и даже гениальных медальеров, вроде Витторио Пизано, посвящали свой труд изготовлению медалей. Нужно отметить, что именно в эпоху Возрождения медали получили широкое распространение, что вполне понятно, если мы вспомним яркий индивидуализм этой эпохи и жажду личности увековечить себя. Самыми древними медалями являются медали XIV в.—одна с изображением Константина Великаго, другая—имп. Ираклия.

Самой древней из русских медалей является свинцовая медаль по величине немного больше копейки с изображением головы в короне; точная дата медали не установлена. Известно, что Лжедмитрий I, в 1605 г., выбил медаль штемпелями, изготовленными в Польше,—мы имеем несколько экземпляров этих мадалей. Ряд медалей было выбито при Петре Великом, а особенно много было их выбито при Екатерине II, когда, в 1772 г., были даже учреждены специальные комитеты, на обязанности которых было разработать проекты изображений на медалях истории России и при Екатерине II была выбита одна серия, состоящая из 63 медалей; впоследствие серия эта была продолжена. Имеются медали выбитые общественными учреждениями [1]) и даже частными лицами.

Переходя теперь к монетам, мы прежде всего должны познакомиться с некоторыми терминами и специальными обозначениями, принятыми в нумизматике.

Лицевая сторона монеты называется аверс, оборотная—реверс, надпись—легенда. Знак C (commune) обозначает, что монета обыкновенной распространенности, R^1—часто встречается, R^2—монета несколько более редкая, R^3—довольно редкая, R^4—редкая . . . . . R^8—в высшей степени редкая и Rx—уник, т. е. известная лишь в одном экземпляре. Металл. монеты тоже имеет свое обозначение: AN—золото, AR—серебро, Æ—медь или бронза, Ni—никель, Pb—свинец и т. д.

Мы не станем здесь останавливаться на вопросе о происхождении монеты или, вернее, денег, т. к. вопрос этот не входит в круг нашего ведения. Заметим мельком, что еще Адам Смит считал деньги продуктом стихийной социальной силы. [2]) Позднейшие писатели, как экономисты, так и историки культуры, также согласно отмечают, что деньги не были чьим либо изобретением, а возникли путем естественного отбора некоторых товаров в особую категорию, которая и стала выполнять функции денег. [3]).

[1]) Напр. медаль от V Археолог. С'езда гр. А. С. Уварову.

[2]) А. Смит—Изследование о природе и причинах богатства народов, изд. 1866 г. кн. I, стр. 123, 124, 125 и др.

[3]) В. Железнов—Очерки политической экономии, изд. 1912 г. стр, 500, с сл. Г. Шурц—История первобытной культуры, изд. 1910 г., стр. 408, и сл. М. Туган-Барановский—Основы политической экономии, изд. 1917 г. стр. 24.

До появления монет у разных народов деньгами являлись самые разнообразные предметы: напр. предметы украшения—раковина каури (в Бенгалии, западной Индии, Китае, в Африке), бусы (острова Палау, некоторые области Африки), предметы непосредственного потребления—соль (Аббиссиния), треска (Новая земля), табак (Виргиния), а также—металлы, меха, скот, рыба и пр. Вследствие того, что классические народы к металлическим деньгам перешли от оценки скотом, возникла теория, что скот всюду и у всех народов первоначально заменял деньги. Теория эта была возможна при господстве определенной схемы хозяйственного развития, а именно той, наиболее научную форму которой дал Лист, где пастушеская стадия предшествовала земледелию и промышленности. Но когда была доказана априорность этой схехы, когда были указаны даже целые страны, в которых скотоводство фактически невозможно (напр. Полинезия), то теория первоначальных денег в виде скота пала.

Когда металлы мало по малу вытеснили из группы товаров, игравших роль денег, все другие предметы, то вначале они употреблялись в виде слитков. Потом на этих слитках появились клейма, свидетельствовавшие качество, т. е. пробу металла, но сами слитки принимались по весу, т. к. клеймо не могло ручаться за вес слитка; напр. Авраам, платя Ефрону 400 сиклей за Махпельское поле, отвесил ему эти сикли серебра, хотя сикли и считались ходячей монетой [1]). Но постоянно заниматься взвешиванием монеты было неудобно; тогда ввели чекан, т. е. на монету стали накладывать штемпель, который охватывал монету с обоих сторон, а иногда и ребро ее. Чекан являлся гарантией не только добротности металла, но и веса его. Впервые золотые и серебрянные деньги, в виде чеканной монеты, появились за семь веков до Р. Хр. в городах греческих малоазиатских колоний, откуда перешли сперва в Грецию, а потом распространились по всему миру. Вначале название монет было точным обозначением их веса: римский ас (фунт), английский пенс ($^1|_{240}$ фунта), французское су (тоже часть древнего французского фунта) и т. д.

Иследуя вопрос о русских деньгах, мы должны отметить, что в древней России, в качестве денег, обращались, с одной стороны, разнообразные меха и части их, а с другой стороны,—привозная монета. Первым из русских государей стал чеканить монету вел. князь Киевский Св. Владимир, но чеканка туземной монеты прекратилась со смертью Ярослава (1054 г.) и снова возобновилась лишь в 1384 г. при Дмитрие Донском.

Почему у нас, особенно при внутреннем обмене, роль денег выполняли меха, ответ, конечно, ясен: древняя Русь изобиловала лесами, а, следовательно, и пушным зверем; меха же обладали большой делимостью и могли долго сохраняться без потери в своей ценности. Для внешней

---

[1]) Цитировано по ук. соч. А. Смита, стр. 128. Да и наша гривна была весовой единицей—см. В. Ключевский—Курс русской истории, изд. 1911 года, ч. 1, стр. 265 и у мн. др. авторов.

же торговли удобнее было иметь в качестве денег драгоценные металлы. А так как рудники у нас начали разрабатываться лишь с середины XVIII в. (золото и серебро добывалось уже при Петре I [1]), то мы ввозили монету, главным образом, с Востока, с которым имели оживленные торговые сношения. [2])

Обильные свидетельства наших древних памятников и иностранных авторов согласно подтверждают, что меха у нас являлись деньгами. Об этом говорят летописи: 1) Ипатьевский список под 859 г. " . . . . . . а Козаре имахуть (дань) на Полянех, и на Сѣверех и на Вятичих имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ тако от дыма"; 2) в Кенигсбер. списке под 883 г. речь идет о том, что дрѣвляне платят дань Олегу по черной куне; 3) целый ряд статей „Русской Правды" напоминает о меховых денежных единицах: (кунах, ногатах и т. д.) 3) Ахмед Туси, писатель XII в., говорит, как о наших деньгах, о шкурках куницы; Герберштейн, описывая начало XV в., говорит, что русские, до введения монет, употребляли мордки и ушки белок и т. д. Как пережиток делекой старины и средство выйти из затруднительного положения из за недостатка мелкой разменной манеты, кусочки кожи, „кожанные жеребья", употреблялись у нас в провинциальных городах даже в начале XVIII в., об этом говорит указ Петра I от 1700 г., повелевающий делать мелкие медные монеты, чтобы прекратить обращение, вместо монеты, кусочков кожи.

Одним из главных денежных знаков у нас была „Куна". [3]) От слова „куна" произошел целый ряд производных слов: кунное—подать, кунщик—сборщик податей, кунолюбие—заменяло позднейшее „сребролюбие" и т. д. В виду того, что в некоторых памятниках вместо куны употреблялось слово „рѣзана" (напр. Академический список „Русской Правды"), в других же памятниках слово куна заменяется словом „долгея" (договор новгородцев с тверским князем от 1308 г.), из этих наименований можно заключить, что куна наша была мехом куницы („куна") продолговатой формы („долгея"), обрезанная с боков („рѣзана"), т. е. выглядела точно также, как и поныне выглядят куньи шкурки—денежные знаки Памира. Второй нашей меховой денежной единицей является „ногата", которая, как это можно вывести из сопоставления отдельных мест наших памятников, равнялась $2^1|_2$ кунам; должно сказать, что ногата нигде точно в памятниках не описана. Наконец, памятники упоминают еще одну денежную единицу—„мордку", причем были „мордки простые" и „мордки обеушные".

Перейдем теперь непосредственно к металлическим деньгам.

---

[1]) П. Милюков—Очерки по истории русской культуры, ч. I, изд. 1909 г., стр. 119.

[2]) В. О. Ключевский—Боярская дума древней Руси, изд. 1919 г., стр. 19—20, но Н. Рожков (Русская история, т. I, изд. 1919 г., стр. 80) вносит в положение об оживленной торговли некоторые ограничительные поправки.

[3]) В. Ключевский. Курс, ч. I, стр. 265.

Мы уже упоминали, что привозная монета, циркулировавшая среди населения древней Руси, была восточного происхождения [1])—арабская и персидская. Потом, когда мы завязали торговые сношения с западом, у нас появились и европейские монеты.

В России пока найдено около 400 кладов с серебрянными монетами и всего лишь три—с золотыми, причем последняя находка клада с золотыми монетами относится к 1899 г. Общее количество монет, находимых в том или ином отдельном кладе, бывает иногда очень велико: напр., в Муромском кладе, открытом в 1868 г., было свыше 11.000 монет.

Восточные монеты назывались „диргемами", как их звали арабы, заимствовавшие греческое название „драхмы" и исказившие его. Диргем—это серебряная монета, величиною, приблизительно, в наш полтинник, но только тоньше его. Этими диргемами восточные купцы расплачивались за наши предметы вывоза—пушной товар, янтарь и пр. В России диргемы шли как серебро—их принимали на вес. В кладах находят части диргемов—половинки, четверти и даже сороковушки. Повидимому, части диргема служили мелкой разменной монетой. Диргемы к нам шли не только с востока, но изготовлялись и в самой России—последнее обстоятельство было вызвано широким применением диргемов в торговле. В 1892 г., в Витебской губ. были найдены каменные формы для отливки поддельных диргемов, причем надписи (легенды) на диргемах, вследствии незнакомства русских с восточными языками, коверкались, представляя, подчас, полнейшую безсмыслицу. Так как экземпляры поддельных диргемов изготовлены из надлежащаго сплава, то это убеждает, что фабрикация таких диргемов не преследовала корыстных целей. Большинство арабских монет относится к VIII—X в. в., персидские же—V—VI в. в.

Если вначале мы завязали торговые сношения с востоком, то несколько позже, около X—XI в. в., мы завязываем аналогичные сношения и с западом. Об этом, помимо других исторических источников, [2]) свидетельствуют клады с европейскими монетами, находимые на территории России. Монеты эти были, главным образом, германские и англо-саксонские,—последние назывались у нас „шляг" или „шеляг", от английского слова „Shilling". Кроме восточных и западно-европейских монет в России обращались и серебряные византийские монеты.

Наряду с монетами, в России обращались в качестве денег слитки серебра, которые назывались „гривнами". Эти слитки были у нас в ходу с VIII в. по XV в. Название свое слитки получили от слова: „загривок", т. к. первоначально гривны имели вид обруча и носились на шее. Гривны такой формы сохранились и до настоящаго времени. Большинство гривен,

---

[1]) Самые древние из иностранных монет, найденных у нас—римские динарии I—III в. в. по Р. Хр., но общее их количество очень невелико по сравнению с числом найденных восточных монет.

[2]) О наших, напр. сношениях с Ригой и Готландом свидетельствует договор Новгородцев с Готландом от 1195 г.—см. Н. Рожков, ук. соч., стр. 154.

особенно позднейших, не имели вида обруча: так, напр., киевская и черниговская гривны имели шестигранную форму, были гривны в виде палочки, в виде лодочки, т. е. палочка, но полая внутри,—этот вид придавался гривне для того, чтобы предупредить подделку, совершающуюся вливанием внутрь свинца. Гривны были разного веса: черниговская весила 1/3 фунта, новгородская—1/2 фунта и т. д. Вес одной и той же гривны, напр., новгородской варьировался на протяжении известного времени вследствие изменения прилива драгоценных материалов из заграницы: так во второй половине XII в. серебро вздорожало, ибо привоз его сократился, и вес гривны с 1/2 фунта упал до 1/4 фунта. По мере надобности, гривну рубили: если она рузрубалась пополам, то получались рубли. В наших летописях мы найдем целый ряд мест, где упоминаются гривны, например Лаврентьевский список под 882 г. говорит: „Олег устави дань даяти триста гривен". В статьях „Русской Правды" и в других памятниках мы тоже найдем немало упоминаний о гривнах.

Из русских великих князей, как мы уже упоминали, первым стал чеканить монету киевский князь св. Владимир. Сравнительно большой клад его монет, в 200 штук, был найден в 1852 г. близь г. Нежина. Эти монеты были золотыми и серебряными. Видов золотой монеты было несколько: одне имели на аверсе изображение князя, а на реверсе—Христа, легенда гласила: „Владимир на столе" или „Владимир, а се его злато", и прочее.

Мотивами чеканки монет русскими князьями надо признать: 1) необходимость, т. к. прекратился подвоз восточных монет (с 1015 г.), которые исчезли вследствие финансового кризиса в восточных государствах и 2) в Киеве усвоили византийский взгляд, что чеканка монет есть осуществление прерогативы высшей власти.

Чеканка русских монет прекратилась со смертью Ярослава (1054 г.) и, как мы уже говорили, возобновилась снова в 1384 г. при Дмитрии Донском (1362—1389). Причины прекращения чеканки монет неясны, летописи молчат об этом факте. Нам кажется, что по поводу даннаго факта можно высказать такое предположение: вначале русские князья прекратили чеканку монеты из за той междуусобицы, которая возникла со смертью Ярослава, а после, подпав под татарское иго, князья были лишены права чеканить монеты от своего имени. Это предложение подтверждается тем обстоятельством, что, после битвы при р. Калке (1224 г.), татары стали выпускать монеты своей чеканки—клады с такими монетами найдены.

С XI в. по XIV в. у нас обращались монеты европейские, слитки серебра и монеты татарского чекана.

С Иоанна III (1462—1505) вводится общерусская монета с надписями: „Государь всея Руси" и „Осподарь всея Руси".

Здесь небезполезно будет пояснить происхождение некоторых слов, имеющих связь с монетами.

„Деньги“ от индусского названия монеты „танка“. Эта „танка“ перешла к татарам как „тэнка“ и потом уже перешла в русский язык как „деньга“.

„Копейка“—слово тоже татарского происхождения. Есть татарское выражение „динарь-копеки“, т. е. динары джагатайского хана Копека.

„Алтын“—слово тоже татарское от „алтун“, каковым словом обозначалась золотая монета. Наш алтын серебряный.

„Чекан“—слово тоже восточное. По арабски „сикке“ означает монетный двор и штемпель чеканки монет; видоизменяясь, „сикке“ превратилось в „чекан“.

В XV в. (1424) появилась чеканка новгородских монет, которых имеется несколько типов. В Новгороде монета чеканилась не на монетном дворе, а простыми „ливцами“, т. е. серебряных дел мастерами. Скоро (1447) обнаружилась выделка монеты из низкопробного серебра. Народ возмутился и 19 человек подделывателей было брошено в Волхов [1]).

Чтобы избежать порчи монеты, были учреждены должности „денежников“—особых чиновников, которые наблюдали за правильной выделкой монеты „ливцами“. „Денежник“—их было 5 человек—ставил на монете свои инициалы, т. к. нес ответственность за доброкачественность монеты. Новгородская монета, „новгородка“, как ее называли, составляла $^1/_{200}$ часть гривны (фунта серебра) или $^1/_{100}$ рубля (рубль $= ^1/_2$ фунта серебра).

Вслед за Новгородом, стал чеканить монету и Псков, во всем подражавший своему „старшему“ брату. Почти одновременно с Новгородом и Псковом стала чеканиться монета в великом княжестве Тверском, в княжествах Микулинском, Кашинском, Городенском; другие княжества: Рязанское, Суздальское и пр. тоже имели монеты своего чекана.

Скажем о типах русских монет XV в., когда, как мы видели выше, разные княжества стали чеканить свои монеты.

Обычно монеты были снабжены изображениями князя. Легенда состояла в большинстве случаев из слов: „печать князя“, или „печать княжа“, или „печать князя великого“. Надписи эти указывают, что изображение, а если такового не было, то сама надпись, является „печатью“ для предупреждения и затруднения подделок.

На одной из монет великого князя тверского Ивана Михайловича (1399—1425) имеются такие надписи: на аверсе—„печать князя великого Ивана“, на реверсе—„ростожа на безумного человека“. В последней надписи является загадочным слово „ростожа“. После долгих недоумений, ученые, в конце концов, выяснили, что в слове „ростожа“ просто неправильно раставлены буквы, это слово надо читать „сторожа“. „Безумными“ же памятники называют подделывателей монет. Так в Софийском Вре-

[1]) В Московском государстве подделывателей казнили обыкновенно вливанием в рот расплавленного металла поддельной монеты. О таком способе казни говорит целый ряд русских памятников и даже иностранные писатели,—напр. Корб—Дневник путешествия в Московию, изд. 1906 г., стр. 108.

меннике [1]) говорится о мерах, принятых правительницею Еленою (1533—1538) против подделки монеты: „а своему богомольцу архиепископу Великого Новгорода и Пскова, Владыке Макарию, и своим наместником и дьяком повелѣша тѣ новые деньги накрѣпко беречи, чтобы безумнiи человѣцы не мало бы не исказили и старый бы злый обычай оставили и на покояние пришли“. Таким образом „печать великого князя Ивана“ является „сторожею на безумного человека“—предосторожностью против подделывателей.

Остановимся на одной деньге внука князя Ивана Михайловича—тверского великого князя Бориса Александровича (1425—1461). Легенда аверса: „печать князя великого Бориса Александровича“, на реверсе изображен крылатый дракон с змеиным хвостом и вокруг легенда: „а кто подопише буд осу . . .“, на двух других экземплярах имеется вариант последней легенды „ . . . . . . подопиш . . . . . “ (вместо „подопише“), а на другой монете: „. . . . . от буде. . . . . . .“ Сопоставляя эти варианты, получим надпись: „а кто подопише тот буде осу“. Нужно заметить, что в древнем русском языке, согласно Академическому словарю, слово „подписка“ означает „ложную или фальшивую подпись“, а подписчик—лицо занимающееся подделкою разного рода документов. Таким образом „а кто подопише“ будет значить: „а кто подделает подпись великого князя на монете“. Но как надлежит понимать вторую часть легенды: „тот будет осу“. Что значит это последнее слово, от которого уцелели лишь первые буквы . . . Повидимому, в этой фразе содержится угроза подделывателю монеты. Обратимся к практике наказаний XV в. за подделку монеты. Фальшивомонетчикам не только лили в горло расплавленный металл, или топили их в реках, о чем мы уже упоминали, но им также отсекали руки,—этот род казни был, в свое время, очень распространен в Египте и Византии, откуда перешел и к нам. [2]) Приняв это во внимание, мы уже фразу: „тот буде осу . . . . “ прочтем так: „тот буде осѣчен“, т. е. ему будут отрублены руки, ибо слово „осекать“ употреблялось в старину в значении „отсекать“.

Итак, в разсмотренных двух случаях („ростожа“ и „подопише“) мы видим, что легенды имели содержание угрожающее для фальшивомонетчиков.

Но не только надписи, но в громадном большинстве и сами изображения на монетах были таковы, чтобы ужаснуть „безумных человѣков“. Так было в ходу изображать на монетах отрубленные руки, человека с секирою или мечем, отрубленную голову, которую клюет ворона и т. д.

Если два примера с тверскими монетами интересны с точки зрения борьбы правительства старой Руси с порчею монеты, с „лихими деньгами“

---

[1]) Том II, стр. 388.

[2]) См. Софийск. Временн., II, стр. 387; Чертков - описание р. монет, стр. 54; Археол. Вестник 1867, № 2; Карамзин, VIII, гл. I, прим. 67.

то приводимый ниже случай показывает связь некоторых надписей на монетах в древне славянской мифологеи [1]).

Перед нами монета времен Василия Дмитриевича, вел. князя московского (1389—1425). На аверсе—изображение человека по пояс; в левой руке он держит топор, в правой—меч. Позади его, вдоль спины и головы, надпись: „papai". На реверсе—круг, а внутри его слова: „князь вели василей". На некоторых экземплярах, на аверсе имеются только четыре первых буквы; т. е. „papa". Произведя надлежащие изыскания в области славянской мифологии [2]), мы узнаем, что у славян верили в Рарашко, который был мелким божком в игре и корысти, причем он был так мал, что его можно было держать в кошелке. Божок этот был покровителем всех денежных игр и, в конце концов, встал в такую тесную связь с деньгами, что сделался олицетворением для славян самих денег, а имя его стало синонимом слова: монета, т. к. татарское слово „тэнка" или „деньга" в письменных памятниках употребляется впервые лишь в XV в., а в разговорном языке оно могло появиться немного раньше. Между тем, из великорусского словаря Востокова мы убеждаемся, что слово „мара" в Костромской губ. означает гривну и „марашки" или „мурашки" однозначущи со словом „рарашки". Таким образом слово „рарашек" помещалось на монете, как впоследствии слова „деньга"—напр. „деньга московская" и т. д. Наша же надпись: „papai" есть, вероятно, начало слова рарашек. Дело в том, что денежники чеканили изображения слова от руки и часто чеканили так, что полная надпись не помещалась на монете—пятая буква в слове „papai", напоминающая i, есть, повидимому, начало буквы „ш" из слова „рарашек".

До 1535 г. в Московском государстве ходили деньги четырех родов: монеты московские, тверские, псковские и новгородские. Каждый мог отдать мастеру кусок серебра и от него, по весу, получить определенное количество монет, заплатив небольшую сумму за работу. Низшею счетною единицею была деньга, из которой, путем сложения, образовались высшие единицы. Чеканили монету из привозного серебра путем переплавки иностранной серебрянной монеты или же,—правда, реже-путем наложения штемпеля, „царской печати", благодаря чему иностранная монета становилась туземной и повышалась в курсе [3]). Серебро ввозили, главным образом, через Архангельск [4]) По указу 1524 г. из фунта серебра

---

[1]) Мы взяли этот пример из „Сборника мелких трудов" гр. А. С. Уварова, т. II, изд. 1910 г., стр. 190—193.

[2]) Касторский,—Начерт. славянской мифологии, стр. 178.

[3]) В. Ключевский, Курс, ч. III, изд. 1908 г. стр. 287: „ефимок" (=рейхсталер с изображ. св. Іоакима, из гор. Іохимсталя, из Богемии; после „ефимками" назыв. вообще рейхсталеры, хотя бы и без упомянутого изображения) из 40-копеечника превращался в 64-копеечник.

[4]) В. О. Ключевский—Сказание иностранцев о Московском государстве, изд. 1918 г. стр. 306 и вообще вся XII гл. этой книги, посвященная монете Московского государства.

чеканили денег на 6 рублей. Монета наша была серебряной, золотая являлась исключением; медные деньги появились в большом количестве после окончания нашей первой войны с Польшей (1656), когда потребовалось большое количество денег для расплаты со служилыми людьми, а серебряной наличности не хватило и медь была выпущена как кредитные деньги, которые должны были ходить „с серебрянными заравно",—что, впрочем, скоро привело к большим неурядицам (московский бунт в июле 1662 г.). Золотая монета у нас, как мы только что упоминали, была редкостью. Некоторые иностранцы, говоря о серебре и меди, о золотой монете даже совершеноо не упоминали [1]), другие указывают [2]), что золотая монета у нас шла почти исключительно для специальных целей, а именно для подарков, которые царь делал своим приближенным. Кроме деньги, ходячими монетами были копейки, полушки, полденьги, весом от 6 до 4 долей. Все эти деньги были очень небольшие по размеру и обычно покупатели на рынке, опасаясь карманников, держали свои капиталы во рту, за щекою. Рубли и полтины, которые были у нас только счетными единицами, стали чеканиться лишь с начала первой польской войны.

Впоследствии, при Петре I, наше монетное дело было в значительной мере урегулировано.

На этом мы и закончим наш очерк нумизматики.

---

[1]) Напр. Корб, ук. соч., стр. 214.

[2]) Напр. Адам Олеарий—Описание путешествия в Московию, изд. 1906 г., стр. 227—228.

Сфрагистика.

Русская сфрагистика, как наука, только еще формируется. Она находится в стадии собирания и систематизации материала. Один из знатоков предмета говорит: „русская сфрагистика представляет ниву мало возделанную“ [1])... Другое, не менее компетентное, лицо заявляет еще решительнее: „русской сфрагистики совсем не существует“ [2]).

Термин „сфрагистика“ происходит от греческого названия печати. Еще иначе сфрагистика называется сигиллографией (по латыни—печать—sigillum). Начало этой науке положено Мих. Гейнецким в 1709 году. Сфрагистика имеет непосредственную связь, с одной стороны,—с Геральдикой, с другой же стороны—с Нумизматикой. С первой она связана вследствие того, что много изображений, прежде употреблявшихся на печатях, потом перешло на гербы. Со второй же наукой,—с нумизматикой, она связана тем, что на монетах часто ставилась печать князя.

Печати употреблялись с незапамятных времен. Так, если мы возьмем Библию, то в целом ряде мест прочтем упоминания о печатях. Напр.: „Он (Иуда) сказал (своей невестке Өамари): какой дать тебе залог. Она сказала: печать твою, которая в руке твоей [3]), или: „И написала она (Иезавель) от имени Ахава письма и запечатала его печатью и послала эти письма к старейшинам“ [4])..., или еще: „И пришел царь с Даниилом в храм Вила (идол вавилонский), и сказали жрецы Вила: вот мы выйдем вон, а ты, царь, поставь пищу и, налив вина, запри дверь и запечатай перстнем твоим“... [5]). Древнейшее упоминание о русских печатях мы найдем в договоре князя Игоря с греками от 945 г.: „Ношаху сли (послы) печати златы, а гостье (купцы) сребрени“ [6]). По поводу приведенного текста необходимо заметить, что судя по слову „ношаху“, послы и гости имели перстневые печати, причем купцы были отправлены вместе с послами, чтобы устраивать торговую сторону договора, как часть более им известную, нежели послам.

Восточные народы изготовляли печати из твердых цветных камней, придавая им форму цилиндров и пр. Подобных печатей не мало хранится

[1]) Н. П. Лихачев—Известия Рус. Генеалогического Об-ва вып. 1 стр. 160.

[2]) А. В. Орешников—Труды Московского Нумизматич. Об-ва, т. III, вып. I, стр. 108.

[3]) Книга бытия, гл. 38, стих 18.

[4]) III кн. царств, гл. 21, стих 8.

[5]) Книга пр. Даниила, гл. 14, ст. 11.

[6]) Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 47.

в европейских музеях. Греки и римляне заимствовали печати с востока. С X в. появляются висячие (или вислые)—на шнурках. Эти вислые печати изготовлялись из меттала (золото, серебро, свинец, олово), сургуча и воска. Невисячие печати были восковыми и сургучными, иногда с примесью смолы. Цвет воска и сургуча, а также и шнурков, которые были шелковыми, был самый разнообразный. Но все же государи клали печати преимущественно красного воска, Константинопольский патриарх—черного и т. д. В настоящее время в каждом государстве имеются, так называемые, государственные печати. Они бывают трех родов: большие, средние и малые.

Россия заимствовала обычай употребления печатей у Византии. Вначале право иметь печать принадлежало только великому князю, но потом оно перешло и к удельным князьям, к городам, родовитым боярам и др. частным лицам.

Печать вообще употреблялась в виде знака удостоверения: публичного—печать должностного лица и правительственного места или частного—печать частного лица.

Изображения на печатях князей, были самые разнообразные „Всякий князь выбирал то изображение, которое ему более нравилось из имевшихся под рукою“ [1]), но все же изображение это обычно выражало отношение князя к Орде, к великому князю и проч. Позже, когда удельные князья утратили свою самостоятельность, они сохранили в своих печатях эмблемы своих владений.

Что касается городских печатей, то воеводам, отправляющимся в свои области, нередко предписывалось вместе с ключами, пушками и казной принять и городскую печать. Города, построенные в XVI—XVII в.в., получали печать от правительства. У старинных же городов (Новгород, Псков, Полоцк и пр.) печати образовались самостоятельно.

Штемпеля на печатях духовных лиц, несмотря на все их разнообразие, следовали все же известным началам и сообразовались с саном и достоинством лица, употреблявшего печать. Так, на грамотах архиепископа новгородского Феоктиста (от 1305 и 1308 г.г.) было изображение Богоматери и надпись: „Феоктист архиепископ Новгородский“; печать Троице-Сергиева монастыря (от XIV в.) носила изображение Знамения Божьей Матери и надпись. „печать троицкая“. Но из этого общего правила известны и исключения: напр., у игумена того же Троице-Сергиева монастыря, Авраамия, жившаго в XV в., была печать „с изящным изображением нагой девушки, держащей в одной руке копье, а в другой—сердце“ [2]).

Изображения на печатях частных лиц часто, по крайней мере первоначально, были случайными.

---

[1]) А. Лакиер—Русская Геральдика, 1855 г. стр. 148.

[2]) М. В. Рубцов—Деньги Великого княжества Тверского (труды II Твер. Археологического С'езда, 1906 г., отд. I, стр. 123).

Самыми древними из известных нам печатей являются следующие. Серебряная печать, привешенная к жалованной грамоте[1]) князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода (1125—1132 г.г.), с изображением: на одной стороне лика Христа, на другой—Архангела Михаила, поражающего змея. Из городских печатей самая древняя—новгородская от 1426 г., приложенная к договорной грамоте, заключенной между Новгородом и Тверским князем Борисом Александровичем[2]); на этой печати имеется изображение животного с головою лошади и с задом и ногами льва, а на оборотной стороне надпись: „печать новгородская". Известна также печать города Пскова от 1510 г. с изображением барса на одной стороне и с надписью на другой: „печать господарства псковского".

Княжеские печати были двоякого типа: личные и оффициальные. Личные княжеские печати оттискивались на воске. Оффициальные же печати оттискивались на металле, и изображался на них лик того святого, которому князь был тезоименит[3]). Но так было до времен князя Василия Дмитриевича (1389—1425 г.г.), после которого князья перестали помещать на печати изображения своих святых покровителей.

Княжеские привесные печати были круглой формы. Как исключение встречается и иная форма этих печатей—напр. восьмигранная печать князя Ивана Калиты (1328—1341 г.г.)[4]). Золотые привесные печати появились лишь с XVI в. Серебряные печати состояли из двух кружечков, между которыми пропускался шнур и кружечки запаивались. Серебряные печати нередко золотились.

При князе обычно было особое должностное лицо—печатник, который и хранил печать князя. Так, летописи: (Воскресен. и Никон. под 1378 г.) дают характеристику печатника кн. Дмитрия Донского, священника Михаила, рисуя его человеком с разнообразными талантами: „и того ради", говорит летопись, избран бысть хотением и любовью в. к. Дмитрия Ивановича во отечество и в печатники и бысть поп Митяй (т. е. Михаил) отец духовный в. к. Дмитрию Ивановичу и печатник, юже на себе ношаше. Как видно из сообщения летописи, печатник носил печать князя при себе[5]). Само собою разумеется, что печатник был самым близким к великому князю лицом. Печатник, имевший при себе печать, которая заменяла подпись князя, пользовался неограниченным доверием князя. И, действительно, та же летопись разсказывает дальше, что когда Митяй поехал в Царьград ставиться в митрополиты, то получил от князя чистые листы „грамоты не писаны", с печатью князя, который сказал своему

[1]) Грамота напечатана в I томе дополнений к ист. актам, № 2.

[2]) Собрание государственных грамот, т. I, стр. 24.

[3]) А. В. Орешников—указан. соч., стр. 116.

[4]) Печать, приложенная к его духовной—см. Собр. Государ. Грамот. т. I, стр. 33 и 35.

[5]) Возможно, что Митяй носил эту печать даже на себе, если она была, как называли тогда такия печати „воротной", т. е. имела ушко для шнурка, чтобы носить ее на шее.

духовнику и печатнику: „Возьми сия; аще буде когда оскудение чего или какова нужа, и потребуеши что заняти у кого или тысяща сребра или вящие, в том буде во всем кабала моя и с печатью“... При великом князе Василии Дмитриевиче печатником был некий Дементий, печатником в. к. Ивана III был Юрий Грек. При Иване Грозном в должности печатника с 1561 г. состоял дьяк Иван Висковатов, которого, после, в 1570 г. Грозный казнил, заподозрев в измене. Печатники являлись хранителями не одной печати, но и всякого рода драгоценной письменности, имевший политическое и иное значение. У высшаго духовенства тоже были свои печатники; летопись, под 1435 г. (1-ая и 2-ая Псковские летописи), упоминает печатника Новгородского митрополита Евфимия и пр.

Выше мы говорили о связи сфрагистики с нумизматикой. Тщательное изучение печатей помогает нам в об'яснении многих, непонятных с первого взгляда, типов монет. В литературе имеются специальные статьи, посвященные этому вопросу [1]). Знаток русской нумизматики, гр. И. И. Толстой говорит, что, сравнивая штемпель печати со штемпелем монеты, убеждаешься в том, что первый всегда искуснее сделан нежели второй. Это об'ясняется тем, что одна печать обычно служит лицу всю его жизнь,—поэтому заплатить хорошему мастеру за изготовление штемпеля одной печати сравнительно небольшой расход, нежели оплачивать труд того же хорошаго мастера, если бы поручить ему резать штемпеля для монет, каковые штемпеля вследствие небрежной чеканки монет разбивались почти ежедневно. Экономия в расходах заставляла вырезание штемпелей для монет поручать малоискусным мастерам, а последние, как и все неталантливые люди, старались подражать и в технике и в теме работы своим более талантливым собратиям—резчикам штемпелей для печати. Отсюда и произошло сходство типов на штемпелях монет и печатей. Кроме того, оттиск на монете свидетельствовал ее подлинность, а подлинность чего либо лучше всего удостоверяется подписью, а в древности—печатью того лица, кто ручается за подлинность монеты, т. е. печатью князя,—это второе обстоятельство, побуждавшее к копированию типов печати для монет [2]). В качестве примера укажем на печать великого князя Тверского Бориса Александровича (1425—1461), приложенную им к договорным грамотам, от 1447 г. и 1451 г., с московским великим князем Василием Васильевичем. На этой печати—изображение всадника в брони. Среди монет князя Бориса Александровича имеется как раз монета с изображением того же всадника [3]). Подобных примеров заимствования типов штемпелей можно привести не мало.

---

[1]) Напр. ст. гр. И. И. Толстого—Случай применения Византийской сфрагистики к Русской нумизматике (см. труды 7 Археолог. с'езда, т. II, стр. 73).

[2]) Гр. И. И. Толстой—Русская до-Петровская нумизматика, т. II, 1886 г., стр. 16.

[3]) Этот пример взят из монографии М. В. Рубцова—Деньги Великого княжества Тверского, стр. 183, 190.

На связь сфрагистики с геральдикой мы укажем в очерке геральдики.

Частные лица иногда заимствовали изображения для своих печатей с типов монет, но только изображения на печатях изготовлялись тщательнее, нежели на прототипе. Вот напр. изображение схватки грифона со змией на печати некоего Прокофия Зиновьевича, приложенной им к грамоте 1501 г. Такое же изображение находим мы на одной суздальской деньге XV ст. [1]). Иногда же печатью для того или иного частного лица служила какая нибудь камея, попавшая в Россию из Византии или с Запада, вставлявшаяся в именной ободок.

В быту частных людей печать до начала XVIII в. имела громадное значение. При почти поголовной безграмотности населения она заменяла подпись. А так как собственная печать имелась далеко не у всякого рядового человека, то акт припечатывался, чем попало. Так, духовная некоего Степана Лазарева от 1473 г. заключает следующее указание: „А запечатали есмя духовную поп и мужи все и дьяк деньгою Ноугороцкою" [2]); если же под рукою не было даже „деньги Новгородской", то припечатывали хотя бы „хресцем, тельником поповым" (нательным крестом священника) [3]). Конечно, подобные печати были не распознаваемы и потому, для предупреждения отпирательства от нея, служили те свидетели, которые „стояли у печати", т. е. находились в момент припечатывания акта; они всегда обозначались в грамоте. Иногда, в качестве особой скрепы, к грамоте частного лица прикладывалась печать князя,—об этом тоже упоминалось в самой грамоте. В Псковской судной грамоте сказано: „вольно инде написати, а князю запечатать" [4]). И, действительно, на одной грамоте XIII в. (грамота частного лица) мы видим свинцовую печать с изображением на одной стороне св. Тимофея, на другой—шестиконечного креста—это печать в. к. Довмонта (Тимофея) [5]). Нередки были случаи, когда совершитель акта был грамотным, но подпись его на акте все же отсутствовала, а имелась печать, о чем в грамоте опять таки помещалась оговорка. В качестве примера укажем на память (запись) сына знаменитого Козьмы Минича Сухорукова—Нефеда, который дал запись в 1615 г. некоему „хрестьянину села Богородцкова Ѳетке Колеснику". Запись кончается так: „А память писал яз Нефедко Кузмин сына Минича... А у памяти печать наша Кузмы Минича". Кстати сказать, печать эта была перстневая, оттиснутая на черном воске, с изображением сидящей на стуле фигуры человека с чашею в руках и с кувшином впереди. Это изображение было в стиле II—III в.в. Описанное изображение прекрасно подтверждает случайность его выбора.

1) В. А. Орешников—ук. соч., стр. 110.
2) Акты Юр., № 411.
3) Духов. зав. 1482 г., там же № 412.
4) Псковская судн. грамота, 1847 г., стр. 9.
5) Зап. Имп. Арх. Об-ва, т. III, стр. 221—267.

Подводя итог сказанному, видим, что часто, благодаря типичности известного изображения на печати, мы можем указать приблизительно время написания рукописи, если она не датирована. Во всяком случае, данные сфрагистики, вместе с выводами других вспомогательных исторических дисциплин, приносят нам большую пользу при разборе исторического материала.

В своем изложении мы не отметили, что изучение печатей может служить дополнительной страницей в истории искусства страны. Если же штемпеля для печатей были не туземного изготовления, то все же изображения штемпелей характеризуют вкус общества в тот или иной период. Все это—немаловажные сведения для историка культуры страны...

Геральдика.

Геральдика, нумизматика и сфрагистика—эти три дисциплины тесно между собою связаны, так как многие из изображений, употреблявшиеся раньше на печатях, потом перешли в гербы [1]): напр. удельные князья, утрачивая свою самостоятельность и переходя на службу к великому князю, удерживали печати тех уделов, где они княжили, а впоследствии эмблемы печатей переходят в гербы их рода; часто владетельные особы гербы оттискивали на монетах.

В настоящее время геральдика составляет определенный отдел истории культуры. Как система знаний всех правил составления гербов и пользования ими, она возникла среди герольдов, которые еще в средние века пытались изложить основные начала этой науки. В XVII в. содержание геральдики значительно расширилось с появлением ряда сочинений, дающих, кроме перечня гербов и правил составления их, и символическое толкование гербов. Но в конце того же XVII в. связь с символикой прерывается и к геральдике применяется исторический метод исследования. В 1706 г. при Академии в Берлине учреждается специальная кафедра геральдики; геральдика постепенно входит в университетские курсы преподавания, освещающие не только историю и теорию геральдики, но и роль гербов в искусстве и быте.

Стремление человека отличить себя внешними знаками кроется в зачатках первобытной культуры (вспомним тотемизм). Определенное же появление гербов, как таковых, должно быть отнесено к эпохе крестовых походов, когда рыцари, сплошь закованные в стальную броню, не могли узнавать друг друга без тех или иных внешних знаков; постепенно ими усваивались отличительные эмблемы, помещавшиеся на щите или на шлеме; кроме того, удержанию постоянных эмблем не мало помогло и то обстоятельство, что лица, выдающиеся по своей личной доблести, чтобы выделиться из массы, стали помещать на вооружении, а потом и на одежде, особые изображения в память своих деяний, и эти изображения, мало по малу, стали наследственными, превратившись в гербы [2]). Когда гербы сделались наследственными, то уже нельзя было произвольно выбирать себе герб, а надо было довольствоваться семейным.

С течением времени появились лица, обладавшие необходимыми сведениями, помогавшими им разбираться в уже существующих гербах и

---

[1]) Ю. В. Арсеньев—Геральдика, 1908, стр. 292.

[2]) П. фон-Винклер—Русская геральдика, вып. I, 1892 г. стр. 2, (предисловие).

дававшими им возможность составлять новые гербы, жалуемые за военные подвиги. Лица эти—герольды [1]), а нормировка гербов, материальная основа которых состояла из сочетания эмблем, схематично, заключалась в следующем. Главная часть герба—щит; основные элементы, кроме щита: шлем, корона, нашлемник и пр. Щиты были разной формы, начиная с древнейшего, нормандского, треугольного. В геральдике приняты два благородных металла: золото (изображалось или золотом, или желтой краской или точками) и серебро (изображалось или серебром или же совершенно не заполнялось краской и штриховкой). Красок было пять: красная, голубая, черная, зеленая и пурпур (фиолетовая), которые, как и металлы, изображались или натуральными красками или условной штриховкой. Меха два: горностаевый и беличий, тоже изображавшихся условно. Для расположения разных фигур, щит делился на части. Фигуры на щите располагались по определенным правилам.

Не только лица благородные, но с течением времени и различные общества, аббатства, городские гильдии и ремесленные цехи стали иметь свои гербы. Так, напр., цех золотых дел мастеров г. Парижа получил от короля Филиппа Валуа герб, заключавший в себе королевские лилии в соединении с крестом и эмблемами их ремесла.

Что касается происхождения слова „герб“, то следует указать, что во многих славянских наречиях встречается слово herb, erb, irb в значении наследник или наследство. Трудно судить коренной ли это славянский звук или же слово это произошло от немецкого erbe или французского heritage [2]).

Геральдика славянская отлична от геральдики западно-европейской. В последней преобладало личное начало [3]), которое на первых порах было выражено очень резко [4]). Так, в Западной Европе, до XII—XIII в., гербы не были наследственными; каждый потомок получал по наследству лишь щит для герба и должен был своими собственными доблестями украсить этот щит соответствующими эмблемами. У западных народов почти до XIV в. не было даже наследственных фамилий (не говоря уже об эмблемах), а каждый потомок, деля наследственные владения отца, получал свою фамилию от имения или замка, ему доставшегося. В славянской же геральдике преобладало начало родовое [5]). У славян та или

[1]) На обязанности герольдов лежало описывать герб, проверять и записывать дворянские права рыцарей; они также распоряжались различными придворными торжествами и церемониями, руководили рыцарскими состязаниями и турнирами, до XVIII в. герольды имели корпоративную организацию, с XVIII в. герольд—это уже почетная должность.

[2]) А. Лакиер—Русская геральдика, 1885, стр. 207.

[3]) См.: Лакиер, ук. соч., стр. 10; фон-Винклер, ук. соч., стр. 2 и пр. Ю. В. Арсеньев—геральдика, 1908, стр. 266.

[4]) Ф. Родзевич.—О русской сфрагистике (Вестник археолог. и истории, 1886 г., вып. VI, см. стр. 209 и 210).

[5]) Фон-Винклер, ук. соч., стр. 2; Ю. В. Арсеньева—Геральдика, 1908, стр. 266.

иная эмблема (в большом ходу были рунические знаки—род букв, связанных с мистическим значением) сперва отмечалась на станичных жезлах, а после на знаменах, под которые собиралось много окрестных семей и родов,—отсюда, напр., в польской геральдике один герб принадлежит целому ряду семей, которые не находятся между собою даже и в отдаленном родстве, а связаны лишь происхождением из определенной местности, все жители которой когда то должны были сражаться под одним знаменем.

Личное родовое начало, соединившись вместе, образовало русскую систему, в которой гербы не только служат отличием одного рода от другого, но и указывают на происхождение рода [1]).

Широкое распространение гербы получили у нас со второй половины XVII в., когда в царствование Алексея Михайловича, постоянно сносясь с западом, мы, изучая по необходимости (при дипломатических сношениях) титулы и гербы иностранных государей, познакомились и с геральдикой.

Форма герба была нами заимствована изчужа, причем положению фигур, цвету и проч. не придавалось особенного значения. Но эмблемы гербов тех родов, которые происходят от удельных князей были древние, а не заимствованные—это были эмблемы родовой собственности—чаще изображения с печатей удельных князей, с печатей городов, рисунки со знамен и т. д. Инородческие же дворянские роды имеют в гербах иные начала: татарские роды—луну, саблю; польские—подкову и пр. В конце XVII в., с распространением в русском обществе польских обычаев, русские роды пользуются для своих гербов польскими образцами.

В 1672 г. составлен был „Титулярник"—рукопись с изображением 33 гербов царств, княжеств и земель, названия которых входили в титул государя [2]). А через год, герольдмейстером имп. Леопольда I Курелич составил труд „О родословии российских великих князей и государей, с показанием имеющегося посредством браков сродства между Россией и осьмью европейскими державами...... и с изображением оных королевских гербов". „Титулярник" и произведение Лаврентия Курелича и являются первыми робкими попытками изложения русской геральдики.

---

[1]) Винклер, ук. соч., стр. 2; Лакиер, ук. соч., стр. 8, резко подчеркивает родовое начало, как исходный пункт для русской геральдики; считая необходимым (стр. 305, 326 и др.) для правильного понимания русской геральдики изучение истории русского дворянства, Лакиер (стр. 305) отрицает существование феодализма на Руси, совершенно искажая, таким образом, самый существенный момент в истории нашего дворянства. Работа Н. Павлова-Сильванского—Феодализм в древней Русси, 1907 г. устанавливающая, правда, факты не первостепенного исторического значения, успела, однако, разрушить исторический предразсудок о несуществовании в России феодализма. О феодализме на Руси см. М. Н. Покровский—История России, гл. III, т. I; Н. Рожков—Русская история, т. 1, гл. IV (изд. 1919 г.).

[2]) Издан в 1903 г. Петроград. Археологич. Институтом.

После уничтожения местничества, для приведения в ясность родов, Федор Алексеевич приказал установить общую родословную книгу, первая часть которой была окончена к 1687 г. (известна под названием „Бархатной“). Для внесения в нее требовались положительные доказательства.

Впервые вопрос о гербах нормируется государственной властью при Петре I [1]), когда он учредил герольдмейстерскую контору и указал порядок пожалования и сохранения гербов. Но, что Петр I уже застал гербы, которые, как мы говорили выше, появились у нас уже в XVII в.,—об этом можно судить на основании данных истории геральдики, как она изложена в манифесте Павла I от 1 января 1798 г., последовавшем по случаю издания первом части гербовника. При Петре же, при Академии, была учреждена кафедра геральдики, которую занимал Бененштейн, составивший в 1831 г. краткий курс теории этой науки [2]). Однако, до конца XVIII в. не было никакой системы в регистрации русских гербов. Указ Павла I (от 20 января 1797 г.) положил начало их учету и тогда же было приступлено к составлению „Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи“.

Научная же разработка русской геральдики начинается только с половины XIX столетия и первым трудом в этой области является исследоваиие А. Лакиера—русская геральдика, отчасти устаревшее для нашего времени (издано оно в 1855 г.), но тем не менее очень ценное. В последнее время у нас России учреждены кафедры геральдики при Археологических Институтах и написано уже не мало исследований по этой отрасли знания.

От герба родового надо отличать герб властительиый, перешедший на владение,—герб этот был связан с определенной территорией. Из этих властительных гербов потом образовались государственные гербы.

У нас на Руси, государственный герб появляется с XIV в., когда на печатях мооковских, тверских и др. князей появляется изображение всадника с мечом; это изображение всадника, получившего название св. Георгия Победоносца, поражающего змея, становится постоянным гербом великих князей московских.

В очерке сфрагистики, говоря о печатях князей, мы отмечали, что при всей случайности выбора изображения для своей печати, князь все же стремился выразить изображением свое отношение к орде, к вел. князю и т. д. Подобная же связь существовала между событиями жизни и тем, что представлял государственный герб. Так, упомянутый Георгий Победоносец появился на московском гербе не сразу. Вначале московский герб был изображаем в виде белого коня на красном фоне. После Куликовской битвы (1380 г.), подчеркнувшей безсилие татар—поработителей,

[1]) Указ от 24 января 1722 г., § 16 (текст указа см. хотя бы в Памятниках законодательства Петра Великого, 1910, стр. 116—117).

[2]) На немецком языке.

Дмитрий Донской, заиствовав изображение с печатей, вводит в герб всадника с мечом. Иоанн III заменяет меч копьем.

После брака Иоанна III с Софией Палеолог (1472), к Московскому гербу присоединяется государственный герб Византии—черный двухглавы орел. Нужно сказать, что фигура орла у многих народов пользовалась почетом—и на наших древних печатях было не мало изображений царственной птицы. Орел был издавна в гербе Римской империи. Две же головы у орла были введены на изображениях римского герба, относящихся к эпохе образования двух империй—Восточной и Западной, каждая из которых имела право на орла с одной головой, но так как они были соединены под одним скипетром, то оба орла составили одно тело, а память об их первоначальной раздельности сохранилась в двух головах. Этот орел и перешол к нам. И с этих пор двуглавый орел и св. Гсоргий Победоносец являются основными элементами нашего государственного герба, закон о котором был издан лишь в 1667 г., когда, после заключения Андруссовского мира, было велено сделать большую государственную печать с изображением на ней государственного герба. Герб этот, в течение XVIII и XIX в. подвергался некоторым изменениям, касавшимся, главным образом, положения крыльев и формы орла. Окончательная форма орла установлена в 1857 г. [1]).

Нынешний герб советской республики состоит из изображения на красном фоне, в лучах солнца, золотых серпа и молота, помещенных крест на крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью: а) Рос. Сов. Соц. Республика и в) Пролетарии всех стран соединяйтесь [2]).

Составление городских гербов должно быть отнесено к концу XVII века [3]).

Гербы частных лиц чрезвычайно разнообразны по своим составным частям. Упомянем, что изображения на них подчас бывают причудливы по своей форме. Дело в том, что при заключении брака гербы мужа и жены иногда соединялись: брали правую половнну от герба мужа и левую от герба жены,—таким образом получались самые странные соединения разных фигур: полу-лев, полу-орел и т. д. Можно отметить целый ряд гербов, соответствующих фамилиями лиц: Муравьевы—на гербе муравьи, Соколовы—сокол, Пушкаревы—пушка и т. д.

В заключение скажем, что геральдика и сама по себе и вместе с другими вспомогательными историческими дисциплинами (особенно с нумизматикой и сфрагистикой) часто выводила историка из затруднитель-

---

[1]) О гербе Российской Империи, см. ст. 61, ч. 1, т. I, Свода Закон. Российской Империи и приложение 1 к Основным Государ. законам.

[2]) Глава XVII Конституции Р. С. Ф. С. Р.—см. Собр. Узак. и Распор. Рабочего и крестьян. правительства за 1918 г., № 51, ст. 582.

[3]) На западе гербы появились уже в XI в., происходя от печатей и знамен городов (Арсеньев, ук. соч. стр. 16).

ного положения в его розысканиях. С распространением обычая употреблять гербы на монетах, на печатях и на разных предметах—изучение геральдики становится необходимым для историка. В западной Европе имеется целый ряд составленных собраний гербов, называющихся гербовниками. В России, 1797 г., издавался „Общий гербовник дворянских гербов Российской Империи" [1]; имеются специальные гербовники для царства Польского, для Финляндии, для Прибалтийского края. Само собою понятно, насколько важны для историка подобные издания. Сравнительно недавно (с 1913 г.) стал выходить журнал „Гербовед". На этом мы и закончим наш краткий очерк геральдики.

[1]) Пока вышло 10 выпусков и 6—находятся в рукописях.

Метрология и хронология.

Метрология—наука о древних единицах измерения: времени, ценности, поверхности, сыпучих и жидких тел (об'ем), веса и проч. Уже в нашем введении мы коротко отметили, что изучение древней русской метрологии ведет к более правильному пониманию быта Старой Руси с экономической стороны. Мысль эта, в том же введении, была пояснена соответствующими примерами.

Для историка одинаково важно основательное знакомство со всеми категориями древних единиц измерения. Но принимая во внимание, что чаще всего историку приходится сталкиваться с хронологией, мы на последней остановимся несколько подробнее, нежели на всех остальных единицах измерения.

Начнем с поземельных мер, которые имели большое значение при отбывании тягла.

Поземельные меры были двух родов: общие, имевшие силу во всех краях государства, и частные, пользовавшиеся значением только в отдельных областях и местностях.

К числу общих—принадлежала десятина и четверть или четь. Десятины были двоякими: 1) государева (по нынешнему—казенная), употреблявшаяся при измерении государственных земель, как черных, так и поместных, и 2) владельческая (по тогдашнему—казенная), которая имела главное значение во владельческих землях. Уложением 1649 г. государева десятина определена в 80 саж. в длину и 30 саж. в ширину—следовательно, она равнялась 2400 квадр. саж., причем сажень полагалась в три аршина [1]). Владельческая десятина была 3.200 кв. саж (80 на 40). Нужно иметь ввиду, что часто государевы земли мерялись владельческой десятиной и наоборот, но обычно при мере на десятины приводится и указание, какая именно разумеется десятина.

В крестьянских отношениях пашенная земля измерялась четвертями или четями [2]). Чети подразделялись по системе 3 или по системе 2. В первом случае подразделением служили: третник—треть чети, полтрет-

---

[1]) Трехаршинная или большая сажень сменила в XVI в. в древнейшую двухаршинную русскую сажень (см. Успенский—Византийскио землемеры в трудах VI Арх. с'езда, т. II, 1886 г., стр. 293).

[2]) В более древние времена каждое отдельное владение не измерялось ни четями и ни десятинами,—оно описывалось так' „куда мой плуг, ики соха, топор и коса ходили". См. Микляшевский—Древне-русские поземельные кадастры, стр. 34; отдельный оттиск из Зап. Ак. Наук, т. VI, 1903 г. № 4.

ник—одна шестая чети и т. д. Во втором случае дробными единицами были: осмина—полчети, полосмины—четверть чети, четверик—восьмая чети и т. д.

В отдельных областях, благодаря предшествующей особенной исторической жизни, выработались свои особые поземельные меры. В Новгороде, даже и в московское время, была поземельная мера, называющаяся коробьею, которая соответствовала двум четвертям (или четям), т. е. одной десятине. В Двинском краю была другая поземельная мера—веревка—равная двум третям десятины.

Так как крестьяне снимали земли в очень дробных размерах, а расчет разных повинностей удобнее было вести на крупные единицы обложения [1]), предоставив внутреннюю раскладку производить самим крестьянам, то общими тяглами единицами во всем Московском государстве были выть и соха. Выти были двух родов: поземельные и подворные. Поземельные выти заключали в себе определенное количество земли, не везде одинаковое, сообразовавшееся с качеством земли: хорошей земли в выти было меньше, чем худой. На выть полагалось доброй земли 6 десятин или 12 четвертей; средней—7 дес. или 14 четв. и худой—8 дес. или 16 четв. [2]).

Необходимо заметить, что так как, при трехпольной системе, пашенная земля разбивалась на три поля, то все указания количества земли относятся лишь к одному полю, в трех полях (озимое, яровое и паровое) земли будет в три раза больше, напр., выть в трех полях имеет: доброй земли—18 дес., средней—21 дес. и худой—24 дес. Это замечание одинаково относится, конечно, и к сохам, и к обжам и т. д.

Сохи, как единицы обложения, были тоже двух родов: поземельные и подворные [3]). Соха, подобно выти, представляла определенное количество земли, которое в разных случаях имело разную величину. Два главных обстоятельства имели влияние на это различие: 1) отношение поземельного владения к государству и 2) качество земли. В своей финансовой системе московское правительство старалось держаться одной и той же нормы податей для всех поземельных владений, которые существовали в стране. Но так как эти владения находились в различных условиях,—одни платили подати только государству, другие же вместе с тем и оброк в пользу землевладельца,—то одинаковый государственный налог лег бы на них различной тяжестью. В устранение этой неравномерности, правительство изменяло не норму налога, а величину податной, тяглой

[1]) Общий обзор окладных единиц см. в гл. 1, т. I Сошное письмо—С. Веселовского, изд. 1915 г.

[2]) В частных случаях на выть давалось и иное количесство земл, так вел. кн. Симеон Бекбулатович давал в своем имении Кушалино на выть (в одном поле) средней земли 9 дес. (см. И. Лаппе—Тверской уезд в XVI ст., 1894 г, стр. 39).

[3]) Говоря о сохах, вытях и проч., мы будем касаться их лишь как поземельных единиц обложения.

единицы. И вот, под влиянием различного отношения поземельного владения к государству, соха представлялась троякого рода: 1) сохою в черных землях, 2) сохою в землях дворцовых и монастырских и 3) сохою в поместных землях. Но правительство должно было принять во внимание и качество земли. Сообразуясь с обоими обстоятельствами, были установлены сохи следующей величины: в черных землях соха доброй земли содержала 500 четвертей, средней—600, худой—700. В дворовых и монастырских землях соха доброй земли заключала 600, средней—700 и худой—800 четвертей. Наконец, в поместных владениях соха доброй земли состояла из 800, соха средней земли из 1000 и худой—из 1200 четвертей.

Помимо сохи и выти, общих тяглых единиц, были и местные тяглые единицы. Так, в Новгородской области существовали соха, сошка и обжа. Обжа имела 10 четвертей (или четей), т. е. 5 десятин; 10 сошек составляли одну новгородскую соху, которая в XVI веке равнялась 300 четвертям. В Вологодском краю встречается плуг—эта была таже московская выть только под другим названием. В финских землях фигурировал лук, равнявшийся двум обжам [1].

Переходя к мерам жидких тел, укажем, что они измерялись бочками, которые и были основными единицами. Бочки делились на насадки, ведра, а в Пскове на ведра и корцы. Бочка (в Новгороде) считалась в 10 ведер, насадка же равнялась одной четверти бочки. Ведро содержало в себе по весу воды 33 фун. 66 зол. [2]). Ведро делилось на 10 кружек, в каждой кружке было по 10 чарок. Несколько позже, в XVIII веке, ведро имело 12 кружек.

Говоря о мерах емкости для сыпучих тел, следует заметить, что в княжеский период господствовала одна и таже система меры сыпучих тел—система кади, бочки или окова. Последнее название было усвоено главной едиинице системы от того, что кадь или бочка по краям обивалась, оковывалась железом, чтобы ее нельзя было обрезать и таким образом уменьшить величину меры. Кадь или оков содержал два половника, 4 четверти или 8 осмин. Вместимость же кади (считая на рожь) около 16 п. 13 ф. [3]).

В то время как в Восточной Руси, в течение всего княжеского периода, система меры сыпучих тел оставалась одною и той же,—в Северо-

---

[1]) В ст. А. И. Никитского—К вопросу о мерах в Древней Руси (см. Журн. Мин. Нар. Просв., за 1894 г., апрель), откуда мы заимствуем сведения о мерах поверхности величина одного лука не определена; определение лука мы взяли из ст. В. О. Ключевского—Хозяйст. деятельн. Соловецкого монастыря, стр. 12 (см. Сборн. Опыты и исследования 1919 г.)

[2]) Вес воды современного ведра, при $13^{1}/_{2}$ град. R=30 фунтам.

[3]) У Никитского, ук. соч. стр. 378, кадь весит 14 москов. пудов, но мы московские пуды перевели на современные, руководствуясь указаниями Д. И. Прозоровского—Монета и вес в России до конца XVIII в., 1865 г., приложение второе. В дальнейшем мы будем указывать исключительно современный вес с точностью до 1 фунта.

Западном крае, сообразно с развитием местной самобытности, возникают местные особенности и в системе меры. Так, в XV и XVI в. чисто новгородскою мерою была коробья. Коробья делились на четверти и четверники. Четверть была четвертою частью коробьи, а четверник—четвертою частью четверти (или четки). Вместимость же коробьи (считая на рожь)—8 пуд. 7 фун.

Коробьею измерялись, главным образом, хлебные произрастания. Другие же продукты, напр. соль (а за нее временами и рожь) мерялись рогозиной или рогожей. Рогозина соли весила или 28 или 21 пуд.

Двинские владения Новгорода располагали своею особою мерою сыпучих тел. Мерою этою был пуз. Пуз ржи весил 2 пуда 25 фун.

Единицею меры сыпучих тел в Пскове служила зобница, которая разделялась на два позобенья и на четыре четвертки. Одна зобница ржи весила 16 пуд. 13 фун.

По миновании княжеского периода, единицею меры сыпучих тел у нас была четверть. Время утверждения в жизни четверти, как самостоятельной меры, точно неизвестно. Можно полагать, что она утвердилась в практике во второй половине XVI в. С этого времени московская четверть господствовала, так как московское правительство, хлопоча об об'единении государства, не могло оставить без внимания областных мер, ибо тут были затронуты его собственные интересы.

Но московская четверть была не одинаковой по об'ему и весу. Источник различий скрывался в хозяйственных интересах. Все лица, имевшие свое значительное хозяйство, имели обыкновенно свою хозяйственную или, как тогда говорили. казенную или дворовую меру. На первом плане, конечно, стоит тут великий государь. Ведя обширное вотчинное хозяйство, собирая оброки с крестьян и платя своим слугам жалованье хлебными запасами, великий государь не мог обойтись без приспособления таможенной меры к своим хозяйственным нуждам. Этим приспособлением является государева казенная мера. В качестве раздаточной меры, т. е. такой, которою великий князь вознаграждал своих слуг, „государева“ четверть образовала в различное время разные доли таможенной. Так, в первую половину XVII в. государева раздаточная четверть составляла ровно половину таможенной. Подобно государю, и частные лица имели свои особенные меры, приспособленные к хозяйственным их нуждам и потребностям. Встречаются указания на монастырские, боярские казенные меры. По весу таможенная четверть ржи была равна, приблизительно, 6 пудам.

Что касается единиц веса, то история застает его уже с характером законности. В 996 г. Владимир святой, поручая заведывание весами духовенству, повелел: „пискупу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити, за все то дати слово в день суда великого, якоже и о душах человеческих“ [1]). В целом ряде договоров (в договоре немцев с Новгородом

[1]) Дополн. к актам историч., т. 1, стр. 2.

от 1270 г. и пр.) заключаются определенные законы о весе. Вывескою товаров занимаются должностные лица—весцы или весовщики. В XVI в. образцы весовых единиц устраиваются правительством и рассылаются по городам, причем, время от времени, подвергаются проверке.

Весовые орудия при Владимире Св. назывались „звесы". В Новгороде, при Иоаннопредтеченской церкви, весили „на крюк". При Владимире Св. вес разделялся на городской и торговый: для городских надобностей употреблялись более сложные гири (более мелкие—вследствие розничной продажи и пр.), для гостей же (купцов)—более простые. В XII в. был вес „иванский" и „вощаный", выражая собою не количественную разницу, а лишь юридическое право места на вывеску известного товара. Были веса „рижский", „литовский" и пр., различаясь чаще по месту нахождения, чем по тяжести. В XVII в. казенный вес назывался „государевым", но был вес и „монастырский" и „дворовый", так как частным лицам позволялось держать весы разных названий и небольших тяжестей. Нужно отметить, что торговый вес вообще отличался от монетного, а последний был тоже не одинаков в зависимости от пробы. С половины XVIII в., с укоренением нового порядка вещей, вся прежняя терминология исчезла, и вес монетного двора сделался образцом общего русского веса, не имеющего никаких подразделений по областям, или по правам, или по употреблению в монетном производстве или торговле. Русский вес хранит чистоту своего греко-римского происхождения, так что можно провести сравнение русских весовых единиц с древними римскими и греческими. Знаки весовых единиц назывались „ставилами"; в Смоленском и Новгородском договоре—„колоколами"; в XII в. иногда „гривенкою" и „пудом"; в XVII в.—„гирями", „безменами", „терезями" и проч.

Главнейшие весовые единицы в Древней Руси до XVIII в. были следующие: *золотник*—известен в нескольких значениях: нормальный—112 нынешних долей [1]), таможенный—100 долей; *фунт московский*—112 золот. иначе называется *гривенкой*; *ансырь*—112 золот. (равнялся московскому фунту); *безмен*—210 золот. (безмен существовал и как орудие веса и как весовая единица); *батман*—14 фунтов; *пудок*—$23^1/_2$ фун., употреблялся в Пскове и др. местах. *Пуд* имел разный вес: по новгородскому весу $46^7/_8$ фунта, по московскому—$46^2/_3$ фун., по таможенному—$41^2/_3$ фун., *контарь*—$2^1/_2$ пуда; употреблялся еще контарь до XV в. и позже. В XV и XVI в. была известна „контарная" пошлина; уничтожена эта единица в XVIIIв.; *капь* [2])—единица смоленская и новгородская, равнялась $4^1/_2$ пуд.; *четверть*

---

[1]) В дальнейшем мы указываем вес в нынешних единицах, как это делает и Прозоровский, у которого мы заимствуем сведения о весе (см. Д. И. Прозоровский, ук. соч.).

[2]) Интересный анализ происхождения данного названия, а равно и других названий древних единиц измерения дает Прозоровский в своем литографир. курсе лекций по древней русской метрологии (читались в Петроградск. Археолог. Институте в 1886—87 г.г.).

вощаная—$10^1/_2$ пуд., *берковец*—$11^2/_3$ пуд. (были берковцы полоцкие, новгородские и др.); *картауна*—$293^1/_3$ пуд.; возможно, что эта была единица шведского веса; у нас на Руси, картауною называлось орудие большого колибра, но есть основание предполать, что картауной называлась и тяжесть определенного размера, которая произошла от веса картаунного орудия; если картауна не была нашей наибольшей единицей веса, то таковой был *ласт*—сперва 140 пуд., в конце же XV в.—105 пуд.; самой же маленькой весовой единицей (употреблялась исключительно в монетном весе) был *пирог*—$^{21}/_{25}$ доли.

В нумизматике мы останавливались на описании металлических и иных единиц ценностей древней Руси. Здесь же мы коротко укажем сравнительную ценность их в переводе на наши деньги [1]).

Правильный ход монетной истории начинается с 1731 г., когда последовал первый указ, в котором монетная система точно обозначена по весу и пробе. И до этого указа монетные операции производились, конечно, по строгой системе, основанной на условиях взаимной связи между весом и пробою, из коих проистекала ценность, но связь эта законом не регламентировалась. Поэтому обнаружить ценность монетных систем допетровской Руси, т. е. установить их вес и пробу, очень трудно.

Мы приведем маленькую табличку стоимости на наши деньги некоторых, наиболее главных, денежных единиц старой Руси не только монетной, но и кунной системы.

Векша—$1\ ^1/_{27}$ копейки; это была самая маленькая единица в кунной системе; *лбец*—вдвое больше векши; *деньга*—основная единица ценности с XIV по XVIII в.; она имела до 40 разных тяжестей и до 16 различных проб, поэтому, смотря по пробе и весу, ценность ея колебалась от $2^1/_2$ до $5^1/_2$ коп.; название свое на монетах сохранила до 1711 г.; *копейка*—основная единица ценности после 1698 г., равнялась $1^1/_4$ коп.; *куна*—весила до 36 долей, известна в нескольких значениях: по „Русской Правде" стоила около $8^1/_3$ коп.; новгородская в XV в.—около $7^1/_3$ коп.; *бела*— в XV в. равнялась куне, а в XVI в. равнялась трем деньгам; *грош*—около 7 коп., как вещественная монета появилась у нас при Екатерине II; *резана*—около 14 коп.; *мордка*—в то время, как в Новгороде она стоила около 21 коп., в Пскове всего лишь 4 коп.; *алтын*—от $3^1/_2$ до 4 коп.; *ногата*—по „Русской Правде" около $41^1/_2$ коп., в Новгороде, в XV в. около 26 коп.; *гривна*—единица, делившаяся на многие виды; ценность ея варьировалась в зависимости от металла (золото, серебро), веса и пробы; она стоила приблизительно от 30 коп. до 20 руб.; в деньгах гривна заключала от 10 до 12 денег; *рубль*—делился на 2 полтины, ценность его варьировалась от 8 до 24 руб. [2]).

[1]) Говоря „на наши деньги", мы употребляем выражение Прозоровского, но его сочинение „Монета и вес в России" написано в 1865 г., что надлежит иметь в виду.

[2]) В цене же хлеба рубль (напр., хотя бы рубль 1500 г.) доходил до 100 нынешних (см. В. О. Ключевский—Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему, сбор. Опыты и исследования, 1919 г., стр. 183).

Теперь перейдем к изложению хронологии, которая, как учение об единицах измерения времени, является частью метрологии, но, в силу своего особенного значения для историка, она может быть выделена и в отдельную дисциплину.

Хронология.

Хронология, являясь очень важной вспомогательной дисциплиной, к сожалению, почти совершенно не разработана.

Хронология есть наука об измерении времени. Нужно отличать астрономическое измерение времени от исторического. Астрономическая хронология, имея дело с небесными явлениями, повторяющимися более или менее закономерно, служит опорой для исторической хронологии. Задача же исторической хронологии заключается в том, чтобы показать, как те или иные народы пользовались движением небесных светил для измерения времени, и как надлежит переводить на нашу систему исторические даты разных народов в самые разнообразные периоды их существования.

У каждого народа имеется определенный исходный пункт для его летосчисления—это эра. У евреев и у многих христианских народов эра считается от сотворения мира: по еврейскому счислению от сотворения мира до Р. Хр. будет 3761 г., по византийскому—5508 л. Китайцы ведут свою эру от сотворения первого человека, который жил за 2.267.000 л. до Р. Хр. Если мы возьмем только христианские эры, то и они разнятся между собою: если византийцы считают от сотворения мира до Р. Хр. 5508 л., то Александрийская эра (монаха Панодора) насчитывает всего за указанный промежуток 5493 г. У некоторых народов эры не носят такой произвольный характер и установлены вполне точно: напр. магометанская—от бегства Магомета из Мекки в Медину, происшедшего в 622 г. по Р. Хр.; греческая эра—от первых Олимпийских игр, бывших в 776 г. до Р. Хр.; впоследствии по олимпиадам (четырехлетние промежутки между сроками игр) греки стали вести свой счет времени. Некоторые эры—напр. эра г. Рима (753 г. до Р. Хр.) не имели гражданского значения.

Современную нашу христианскую эру ввел Дионисий Малый, который 248 год эры Диоклитиана приравнял 532 году после Р. Хр., эра же Диоклитиана возникла в Египте, где вообще было принято считать по правителям с 29 августа 284 г. после Р. Хр.

Взяв за исходную точку эру, народы, сообразуясь с различными астрономическими явлениями: сменою дня и ночи, времен года, фаз луны и т. д., строят определенную систему времяисчисления. Разнообразие этих систем об'ясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что ни тропический год (т. е. промежуток, через который солнце возвращается к точке,—напр. весеннего,—равноденствия), ни время оборота луны не заключают в себе полного числа дней; с другой же—удобствами повсе-

дневного обихода. Система времяисчисления называется календарем от calendae—название первого дня каждого месяца у римлян (calare—звать).

В России употребляется юлианский календарь, разработанный астрономом Созигеном в 46 г. до Р. Хр., установленный Юлием Цезарем и принятый Никейским собором. В юлианском календаре три года под ряд имеют по 365 дней, а четвертый, высокосный,—366 дней. Так как юлианский год равен в среднем 365,25 дням, а тропический год—365,2422 дням, то, в течение 128 лет, накапливается разница в одни сутки [1]). В Зап. Европе и Америке принят григорианский календарь, преобразованный из юлианского папою Григорием XIII в 1582 г.; этот календарь, в течение 4240 лет, тоже накапливает разницу в одни сутки по сравнению с астрономическим временем. У магометан принят лунный год, не согласованный с солнечным, имеющий 12 лунных месяцев; таким образом новый год у магометан наступает все раньше и раньше, так напр. 33 юлианских года заключают в себе 34 магометанских.

Кроме перечисленных календарей, история знает календари: индусский, халдейский, армянский, ряд греческих календарей, римский, еврейский, доисламский календарь арабов, французский республиканский календарь. История последнего, сравнительно недалекая от нас, довольно интересна. Календарь этот создан был по докладу депутата Ромма и утвержден 5 октября 1793 г., причем начало года положено было считать с 22 сентября—дня осеннего равноденствия. В году считалось 12 месяцев, в месяце 30 дней; к году присоединено еще 5 дополнительных дней. Месяцы были названы, согласно предложению Фабр д'Еглантена: вандемьер (жатвенный), брюмер (туманный), фример (зябкий)—осень; нивоз (снежный), плювиоз (дождливый), вантоз (ветреный)—зима; жерминаль (прорастающий), флореаль (светлый), прериаль (луговой)—весна, и мессидор (золотые злаки), термидор (теплый) и фрюктидор (плодовый)—лето. Через 4 года к дополнительным дням присоединялся еще один, уже шестой, дополнительный день. Республиканский календарь существовал до 1 января 1806 г., когда Наполеон заменил его снова христианским календарем.

Русская хронология, как наука, ведет свое начало с прошлого столетия. К сожалению вопрос о счислении времени у русских славян до принятия ими христианства остается пока для науки темным вопросом. Свое же теперешнее исчисление времени славяне заимствовали у Византии.

До XV века на Руси существовало два счисления времени: по одному год начинался с 1-го сентября, а по другому с 1-го марта [2]). С по-

[1]) Наш „старый" стиль, отставший от „нового" на 13 дней, был приравнен к последнему в период революции—см. Собр. Узаконений и Расп. рабоч. и крест. прав. за 1918 г., № 19, ст. 289.

[2]) Начинать год с 1 сентября было в обычае Византии, как как с этого момента начинался финансовый год государства. Обычай же начинать год с 1-го марта, по видимому, об'ясняется тем обстоятельством, что на март приходится первое весеннее новолуние,—и в Венеции очень долго началом года считалось именно 1-е марта.

следней даты начинался гражданский год, церковный же—искони, с 1-го сентября. Почему и когда мартовский год вытеснен сентябрским, мы не знаем [1]); знаем лишь, что в конце XV в. уже всеми началом года считается 1-е сентября.

Так, в Киевской летописи по лавр. списку, под 6634 г., читаем, что митрополит Никита, в октябре, поставил одно лицо епископом и „в то же лето", в марте, умер. Здесь, ясно, сентябрьский счет. А вот в Суздальской летописи, под 6745 г., читаем, что татары: „взяша городов 14 в один месяц февраль, кончевающуюся 45-му (т. е. 6745-му) году". Здесь февраль оканчивает год,—значит мартовский счет.

Некоторые памятники XVI—XVII в. датируются двойным летоисчислением. Так, в печатном житии Варлаама и Иоасафа указана такая дата появления книги: сентябрь 7188 и 7189 годы. Здесь и мартовский счет (7188) и сентябрьский (7189).

Иногда летописцы, говоря об одном и том же событии, датируют его одни—годом раньше, другие—годом позднее. Здесь может быть и ошибка, но может быть и разный счет для начала года.

Но, считая год с весны или осени, предки наши начало времяисчисления вели от сотворения мира. Первыми годами нашей хронологии являются: 859—год призвания князей и 862—год основания русского государства (по лаврент. списку).

Важное значение для русской хронологии имеют подвижные и неподвижные праздники и вообще дни посвященные тому или иному святому, так как очень часто в памятниках, вместо числа, когда совершилось событие, просто ссылаются на определенный праздник, или же называется имя угодника, память которого чтится в данный день.

Так, на одной каменной гробнице написано: „лета 7117 представился раб Божий князь Никита Андреевич Хованский в иноцех инок схимник Ниѳонт в память Св. апостола Карпа" [2]).

Петр I вводит январский год, существующий и теперь, и время считается с Рождества Христова [3]). Отметим, среди протестов против петровской реформы календаря иные были очень курьезными: „царь забыл, что в январе мир не мог быть сотворен—в январе яблоки были незрелы и змию нечем было бы искусить Еву" [4]).

При переводе с мартовского счета на январский поступают таким образом: так как мерилом времени является январский год, оканчивающийся на два месяца раньше мартовского, то для января и февраля мар-

---

[1]) По Карамзину, эта реформа произошла в 1492 г. на основании постановления Московского собора.

[2]) А. С. Уваров—Материалы для библиографии, т. III, стр. 27.

[3]) С 1 января год начинался по юлианскому календарю,—такое начало года совпадало с вступлением в должность консулов.

[4]) П. Милюков. Очерки по истории русск. кул., ч. II, 1916, стр. 53.

товского счета из старой даты вычитается 5507, а для совпадающих месяцев того и другого года (март—декабрь)—5508.

При переводе сентябрьского года на январский, месяцы сентябрь—декабрь относятся к предыдущему году и из старой даты вычитается 5509; для совпадащих месяцев того и другого года (январь—август)—5508.

Первый полный рукописный календарь-альманах появился у нас в 1664 г. До того же времени календарные сведения с разными заметками, приуроченными к определенным дням [1]), были разбросаны по святцам и др. рукописям. Первым печатным русским календарем считают „Святцы или Календарь“, изданные Копиевским в 1702 г. в Амстердаме.

В московской и до-московской Руси числа обычно обозначались буквами славянского алфавита, причем дальше десятков миллионов счета не знали—там уже следовало бесконечное число „колода“ (по тогдашней терминологи), о которой говорилось: „безчисленная лежит колода, ей же больше несть числа и чловеком от Бога утаено; невозможно бо есть чловеку тайну Божию ведети“.

Следует указать на об'ем понятия даты. Датой в узком смысле будет точное указание на время возникновения памятника; в расширенном понятии—датой называются все те указания, которые, будучи соображены друг с другом, в конце концов, более или менее датируют памятник. Дата бывает прямой, когда она содержит цифровые знаки, и косвенной, когда цифровые знаки отсутствуют, но имеется в памятнике упоминание фактов, современных созданию памятника и в то же время обладающих определенной датой.

Дата, вводящая в науку новый факт, подвергается тщательной поверке. Поверка эта бывает трех родов: палеографической, исторической и дипломатической. Палеографическая поверка устанавливает: писаны ли сам памятник и дата одновременно, соответствует ли характер почерка той эпохе, к которой дата относит памятник, нет ли где подчисток и исправлении и проч. Историческая поверка состоит в том, что для разнообразных фактов, помянутых в памятнике, подыскиваются их точные исторические даты, которые и сверяются как между собою, так и с датами, стоящими в памятнике: напр. известно, что патриаршество введено в 1589 г.; если, скажем, рукопись датирована 1550 г. и там упоминается о факте патриаршества на Руси—значит, эта рукопись написана не в 1550 г., а позднее 1589 г. Дипломатическая поверка заключается в поверке тех общих формул, которые, с течением времени, выкристаллизировались для передачи известных фактов, событий и проч. (особенно в таких памятниках, как летопись и проч.).

Отметим одну частность, знание которой очень может пригодиться при работе с раскольничьими памятниками. В 1666 г. состоялся собор осудивший противников патр. Никона. Со времени этого собора раскольники считают, что великорусская церковь отпала от православия. А, между

[1]) Напр. в Святославовом изборнике 1075 г. под 30 апреля указано: „репы не яждь“.

тем, в раскольничьих книгах годом отпадения указан 1658. Если мы знаем, что раскольники от сотворения мира до Р. Хр. считали не 5508 лет, а только 5500, то никакого противоречия в приведенных датах не будет [1]). Раскольники же вели такой счет по примеру многих в Москве, заимствуя его от греков. Мы найдем такое счисление в печатных требниках патриархов Филарета и Иоасафа. В святцах же Ундольского № 436 дата написания книги обозначена так: „в лето 7131, а от Р. Хр. гречески 1631, латински 1623". Впоследствии двойной счет уступил место единообразному,—стали считать от сотворения мира до Р. Хр. 5508 л.; греческий же счет удержался только у старообрядцев (кроме федосеевцев).

Несколько элементарных примеров выясняют нам необходимость для историка познаний в хронологии.

Постараемся перевести нижеуказанные даты на современные.

Договор русских с греками, заключенный при князе Олеге, оканчиваетсь так: „. . . . месяца сентября в 2, а в неделю 15, в лето создания миру 6420" [2]).

Начало променной записи поместья на поместье: „Се аз, Петр Иванов, сын Казимиров, в нынешнем 202 году, Генваря в 3 день дал я сию запись" [3]).

Окончание одной деловой грамоты: „. . . . а грамоту писал . . . . . . лет 9 сотьног (о) третьего, мсца июля 17 днь".

Окончание уставной королевской грамоты жителям Витебской земли: „Писан (грамота в тексте называется „листом") у Вильни, в лето 7011, месяца Июля в 16-й день, индикта 6" [4]).

Окончание уставной Белозерской грамоты: „А дана грамота лета девятьдесят шестого марта" [5]).

Чтобы не усложнять изложения, мы не приводим здесь примеров, иллюстрирующих полезность для лиц, занимающихся русской историей, знять времяисчисление существующее и у др. народов, так как какой нибудь арабский писатель, рассказывая о событиях на Руси, будет их, конечно, датировать на основании своей хронологии и т. д.

На этом мы и закончим наш очерк хронологии.

---

[1]) П. Милюков, ук. соч., стр. 44.

[2]) Владимирский-Буданов—Христ. по ис. рус. пр. вып. I, 1908, стр. 7.

[3]) Этот и след. пример взяты у того же автора из II вып. (1915) христом., стр. 313 и 318. Число, указывающее тысячи лет, часто опускалось, как это делается и у нас: говорят 915 г., 920 г. и, т. д. вместо 1915, 1920 и т. д.

[4]) Там же, стр. 49. Индикт—15 летний период, по прошествии которого в Римской империи совершалась перепись и взимались подати; индикт был впервые установлен Константином Великим, в память которого Никейский собор ввел этот период в церковные таблицы. Индикт считается от сотворения мира и в сентябрьских годах; находится он делением даты на 15: частное указывает число индиктов, протекших от сотворения мира, а остаток очередной год текущего индикта.

[5]) Там же, стр. 80.

Историческая география.

Задачей этой науки является изучение географии древних государств и исторических событий в их пространственном размещении.

Источниками для русской исторической географии служат: летописи, разного рода акты, грамоты и документы; оффициальные книги (писцовые, дозорные, ревизские и пр.); описания и дневники иностранцев, путешествовавших по России; данные археологии, т. е. предметы, находимые в курганах и могильниках, остатки древних сооружений и т. д.; изучение теперешних народностей (так наблюдения за чувашами помогли определению народности камских болгар).

Еще в XVIII в. наши историки понимали связь истории с географией, но решение историко-географических задач было им не по силам, так как они не обладали в достаточной мере научным методом, необходимым, чтобы справиться с тем хаосом легенд, который царил в хронографах [1]), в Грибоедовской истории [2]), в Синопсисе [3]) и пр. Так Татищев скифами считал тогдашних калмыков и татар, а сарматами—финские племена; Ломоносов потомками скифов считал племена чудские; князь Щербатов имя Киев производил, по созвучию, от персидского слова Кеа; тот же Щербатов не знал о существовании гор. Владимира-Волынского, относя все происходившие около него события к Владимиру на Клязьме. Шлецер, издав своего „Нестора“ [4]), устранил из русской исторической науки много неверных положений, ложных приемов и указал правильный путь к решению задачи. После Шлецера произвольное словопроизводство было уже оставлено в науке. В XIX в. усилиями Надеждина, Барсова, Замысловского и др., наука русской исторической географии получила свое надлежащее развитие. Общий обзор по нашей древней географии принадлежит Барсову [5]), по средней—Беляеву [6]), по новой—проф. Платонову [7]).

---

[1]) Хронограф: к Палее (священной истории) присоединяли летопись, и такой сборник назывался хронографом.

[2]) Дьяк Грибоедов написал в 1669 г. историю России (это первая история России). Труд его—напыщенное восхваление с пропусками всего, что не подходит под эту задачу.

[3]) В 1674 г. Киево-Печерский арх. Иннокентий переработал хронику Сафоновича—получился Синопсис, выдержавший до 1830 г. около 30 изданий.

[4]) Нестор на немецком языке издан в 1802 г.; на русском—в 1809—1819 г.г. (в трех частях).

[5]) Н. Барсов—Очерки русской исторической географии, 1885 г.

[6]) Беляев—О географических сведениях древней Руси (Записки Имп. Русск. Геогр. Об-ва, т. VI, 1852 г.).

[7]) Проф. С. Ф. Платонов—Очерки по истори смуты, 1910 г., стр. 1—114.

Русская народность в основе своей есть народность славянская; причем древнейшим районом расселения славян был нынешний Галицко-Волынско-Подольский лесостепной край. Отдельные племена, населявшие указанный край, судя по археологическим данным, составляли одну народность; народность эта не могла бы создать большое государство, если бы не была усилена иными славянскими племенами—тиверцами, уличами и др. Северные и южные племена русских славян были об'единены в обширные роды, не имея общего государственного устройства, которое внесено было норманнами, развившими в VI—IX в. обширную культурную и торговую деятельность. Первым оплотом норманнов был Новгород, откуда они двинулись дальше, основали в земле кривичей г. Смоленск и, по Днепру спустились до Киева. В Киеве установилось федеративное устройство из всех соседних славянских племен. При вел. кн. Владимире русское государство уже прочно сложилось, об'единив все разнородные племена связями экономическими (торговля) и культурными (вера).

Область южно-русских славян носила название Руси и Низа; северные земли назывались Верхом и Залесьем. Государство в великокняжеский период делилось на области, именуемые частью по этнографическим, отчасти же по географическим признакам. Такими областями были: область полян с городом Киевом, по дорогам к которому были расположены охранные укрепления: Вышгород, Белгород, Василев, Переяславль; область древлян, обитателей Волынского полесья, с городами: Искоростенем и Овручем (по р. Уше—приток Припяти), последний город считался настолько важным, что в нем сидел сын Святослава—Олег; дреговичи жили по Припяти и выше в Полесье и по Березине, имея города: Клеческ (верховья р. Лани), Случеск (на Случи), Турово и Пинск; волыняне имели главным городом Владимир, а также Велынь (на р. Буг, ниже Владимира), Червен и Белз; северяне жили по Десне, Сейме и Суле, причем главным городом их был Чернигов с пригородом Любечем, были еще города Ромны и Полтава; область радимичей находилась в районе реки Сожи, возможно, что Гомель и Чечерск были городами радимичей; вятичи жили по Оке и притокам ея: Жиздре, Упе, Угре и Москве, старейшие города их: Козельск, Рязань, Дедославль и Лобынск; наиболее обширной областью была область кривичей—курганы их обнаружены на верховьях Десны до Брянска, на верх. Днепра, на Западной Двине, в Новгородской и Псковской области, на Мологе и около Ростова. Племя это, легшее в основу великоруссов, имело города: Полоцк, Витебск, Псков, Новгород, Ладога, Ярославль, Ростов и Смоленск. При Владимире и Ярославе установились основные русские пути сообщения; эти пути были южные—Киевский (их было 9) и Новгородские (их было 11).

После Ярослава, как известно, государство разделилось на несколько крупных и малых княжений. Вначале наиболее сильным было Киевское, а после—Галич, Суздаль и Новгород.

Галичское княжество возникло в XI в., в нем утвердились внуки

Новгородского князя Владимира Ярославича—Ростиславичи, которые расширили пределы княжества вплоть до Дуная, установив непосредственные торговые сношения с Византией. По прекращении рода Ростиславичей, княжеством овладевает князь волынский Роман. После блестящего правления романовичей (1199—1323) на галичский стол, по родственным отношениям, попадают иноземные князья. В XIV в. княжество галичское было не менее сильным, чем Литва и Москва; оно являлось проводником русского и греческого влияния на Польшу и, в свою очередь, многое заимствовало из Польши и Венгрии. Галичане стали рано именовать себя Червонной Русью. Княжество потеряло свою самостоятельность в 1387 г., когда было присоединено к польской короне. Княжество галичское находилось в современной Галиции, которая делилась на Западную (города: Санок, Перемышль, Ярослав), восточную (города: Львов, Галич, Звенигород, Теребовль и Коломыя) и понизье (города: Ушица и Бакота) с Буковиной.

Владимиро-Волынское княжение, основанное в XI в., занимало часть нынешнего волынского края с реками: Горынем, Стырем, Зап. Бугом и верховьями Припяти, Вепря. Кроме Владимира, Червена и Белза, летописи упоминают еще города: Дубно, Кременец, Холм и др. На Волыни было много уделов—Дорогобуж, Острог, Шумск и т. д. Княжение принадлежало потомству сына Мономаха Мстислава. Исторической задачей Волыни была борьба с Литвою. При Гедимине Волынь вошла в состав Литвы через женитьбу сына Гедимина на дочери последнего волынского князя. С XIV в. она в русских летописях не упоминается.

Киевское княжество, в зависимости от событий, не раз изменяло свои границы. Наибольшие пределы его: течение Зап. Буга на значительном пространстве, Припять с притоками по Горынь, верх. Южн. Буга, Рось, течение Днепра до Березины и ея притока Свислочи, верх. Немана и Шары (это район полян, древлян и дреговичей). Кроме городов, перечисленных при описании отдельных областей, имели большое значение стоявшие на переправах Треполь, Заруб и Канев. В течение удельного периода Киев был средоточием и политической власти и культуры Южной Руси. В 1169 г. Киев был разорен Андреем Боголюбским, в 1203 г.—половцами, а в 1240 г.—татарами. Ольгерд, после удачной битвы с татарами (1362 г.), овладевает Киевом. В летописях упоминается Любеч и оз. Долобское, известные по важным княжеским с'ездам 1097 и 1103 г.г.

Из состава киевского княжения выделилось княжество Туровское (позднее Турово Пинское). Границы его с запада были определенными: р. Случ, устья Горыни и Стыри; в остальных же направлениях оно то расширялось, то сокращалось. Со временем княжество раздробилось на множество мелких уделов, утративших важное значение.

Переяславское княжество, тесно связанное с Киевским, часто подвергалось нападениям половцев. Его городами были: Переяслав (на Трубеже), на Суле—Горошин, Лубно, Ромен; Полтава, повидимому, была тоже переяславским городом.

Черниговское княжество составилось, главным образом, из северян, а так-же из радимичей, вятичей и частью кривичей. Протяжение княжества было значительным: верх. Псла, Сейма, Остера, Днепра, Сожи, Угры, низовья Протвы, Оки до Прони, верх. Дона и Тихой Сосны. Такое обширное княжество не могло не распаться на ряд уделов: собственно Черниговская область (города: Чернигов, Остер, Любеч, Стародуб); Новгород-северское княжство (Новгород, Трубецк, Сосница); Курское княжство (Курск, Рыльск, Путивль); вятичи (Козельск, Воротынск, Мосальск, Карачев, Мценск); рязанская область (Переяславль, после переименованный в Рязань, Коломна, Зарайск, Пронск, Елец). Собственно черниговской областью в 1356 г. овладел Ольгерд, присоединив его к Литве. Рязанское княжение, одно время соперничавшее с Москвою, было присоединено к московским владениям в 1520 г.

Смоленское княжество было известно удельными городами: Торопец, Ржев, Холм, Можайск, Вязьма, Орша, Рославль. В 1395 г. Смоленск был захвачен Литвой.

Полоцкое княжество обособилось рано. В XII в. оно было богато и вполне самостоятельно. Немцы, поставившие Ригу (в 1201 г.), с разрешения князя, уплачивали ему сборы с местного населения. Главными городами были: Полоцк, Витебск, Рогачев, Борисов, Минск, Изяслав, Ковно и др. Полоцкое княжество было первым занято Литвою.

Области Новгорода, мало населенные, делились на волости-пятины. Водская (между Лугою, Волховом и Корелою; г. г. Ладога, Капорье, Орешек, Ям, Корела), Шелонская (между Лугою и Ловатью с городами: Новгород, Русса, Дубровна, Порхов), Деревская (между Ловатью и Мстою; г.г: Бронницы, Деман, Торжок), Бежецкая (между Мстою от р. Мды, Колпью, Устюжной и г. Бежицами; города Боровичи, Устюжна), Обонежская (от Волхова и низовьев Мсты до Студеного моря, р. Свирь, Заонежье). Кроме перечисленных волостей, были еще волости, непосредственно управляемые вечем: Волок (Заволочье), Бежицы, Кола, Тре, Пермь, Печора, Югра. Пятины делились на рели, рели—на погосты, села и деревни. Все колонизаторское внимание Новгорода было направлено на Заволочье,—Двину. Колонизация эта находилась в тесной связи с эксплоатацией севера со стороны новгородских бояр. Под власть Москвы Новгород подпал в 1478 г.

Псков, по общей своей судьбе, близок Новгороду. Из пригород-крепостей известны: Остров, Опочка, Гдов, Изборск и др. Москва овладела Псковом лишь в 1510 г.

Ростовская область вначале была населена финнами. Норманны и славяне, торговавшие здесь, основали, Ростов, Ярославль и Муром. Значение этой области усилилось при Андрее Боголюбском, когда заселение края пошло много энергичнее, нежели раньше. В конце концов край стал не только благоустроенным и богатым, но и самым безопасным в государстве. В XII-XIII в. возникает здесь несколько десятков новых городов и среди них: Тверь, Москва, Кострома, Нижний Новгород, Белозерск и др.

После Всеволода Большое Гнездо княжество распадается на уделы: Ростовский, Суздальский, Стародубский, Костромской, Тверской, Переяславский, Московский. Некоторые из этих уделов впоследствии раздробились еще на ряд более мелких уделов. Из перечисленных уделов, кроме Московского, особенное значение имело княжество Тверское, оспаривавшее титул великого князя у Москвы, которая присоединила Тверь к своим владениям в 1485 г.

Немаловажную роль в истории России играла Литва, за помощью к которой всегда вынуждены были обращаться князья полоцкие в борьбе своей с Русью и Новгородом. В течение XIII в. Литва сорганизовалась в государство, достигшее при Гедимине (умер 1341) своего полного расцвета. В пределах Литвы сложилась отдельная народность—белорусская, в основе которой лежали полоцкие кривичи, к которым присоединилась часть дреговичей. Россия, по Андрусовскому миру и при разделе Польши, получила все русские и литовские земли до Немана и Буга, а в 1815 г.—царство польское.

Татары, перейдя в низовьях Дон (1224 г.), наложили на Русь свою тяжелую руку и держали страну под своим гнетом до половины XV в. Ханская ставка находилась в Сарае (Царев), кочевали же татары вдоль Волги и в южно-русских степях.

В период татарщины, значение тех или иных русских княжеств изменялось в зависимости от отношения к ним Орды. Так в XIV в. выдвигается Галичское княжество, получившее название Малой Руси; здесь крепнет и растет малорусское племя, распространившееся потом в сторону Киева, Полтавы и Донца. Возвышается понемногу Москва. Постепенно орда распалась на отдельные царства: Крымское (возникло в XV в.), Казанское (в 1399 г.) и Астраханское (в последней четверти XV в.). В Сибири образовалось царство сибирское.

Возвышение Москвы начинается при Юрии Даниловиче, внуке Александра Невского. Но первым серьезным собирателем окружавших Москву уделов был Иван Калита (умер в 1341 г.), овладевший всем районом между Окою и Протвою, на север—до Переяславля и имевший влияние на ряд иных областей. Дмитрий Донской уже прочно владел Галичем, Ростовом, Суздалем, Белоозером и т. д. Ряд приобретений последующих князей приводит к тому, что Иван IV начинает именовать себя царем. Быстрый рост Москвы об'ясняется главным образом двумя обстоятельствами: во первых, она имела прекрасное географическое положение в узле торговых дорог татарской поры; во-вторых, коренной реформой удельных порядков:—московские князья не раздавали уделов всем своим сыновьям поровну, младшие получали лишь то, что требовалось им на прожитие, и положение их стало приближаться к положению бояр.

Говоря о Московском государстве XVI-XVII в., мы разсмотрим отдельно все те области, из которых оно слагалось.

Поморьем называлась вся северная часть государства, включая Пермь и Вятку. В стране этой было много разнообразных естественных богатств,

которые, до известной степени, и эксплоатировались вплоть до ловли жемчуга в реках Белого моря и Колы. Русские застали в поморье корел, крещенных еще в XIII в., которые, под натиском русских, должны были подвинуться к северу (их исторический центр—Новгородск. область); край населяли также лопари, самоеды, коми и др. племена. Русское население увеличилось отчасти колонизацией, а, главным образом,—естественным приростом. Наиболее важными городами Поморья были: Устюг, Холмогоры (Архангельск был лишь морским портом для Холмогор), Хлынов (Вятка), Каргополь, Тотьма и пр. Через Поморье шли важные пути сообщения: Сибирский, Архангельский, Кольский и т. д. Поморьем управлял Новгородский приказ. Так как край почти не имел земель удобных для земледелия, то Поморье избежало крепостного права.

Замосковные города составляли область из княжений: Владимирского, Нижегородского, Тверского и Московского. Большинство государственных тягот падало именно на население замосковных городов. Важнейшими городами были: Москва, Вологда, развивавшая широкий торг с нашим севером и заграницей, Ярославль, Углич, Галич, Кострома; тверские города, благодаря относительной близости к границе, имели заметную военную окраску; Смоленская окрайна имела целую линию городов, носивших оборонительный характер. Главными Московскими путями были: 1) Москва—Вологда, 2) Москва—Белозерск, 3) Москва—Орешек—это старинная дорога за рубеж, 4) Москва—Новгород, 5) другая дорога на Новгород через Волок Ламский, 6) Москва—Смоленск, 7) Москва—Киев, 8) Москва—Тула, 9) Москва—Рязань, 10) Москва—Сибирь (знаменитая „владимирка“).

Заоцкие города—область, отданная нам Литвою при Иване III (между рекою Лужею, притоком Протвы, Окою и Жиздрою). Местность эта была очень хлебородной. Здесь были: Калуга, Козельск, Мосальск и др. города.

Украинные города составляли область, лежавшую за старым валом, проходившим вдоль Оки и Жиздры, от рязанского города Венева до Карачева. Главным городом области была Тула. Земля была хорошая, но край долгое время был небезопасен от татар.

Ядро рязанских городов был район между Проней, Осетром и Окой. Укрепленными пунктами края были: Переяславль (Рязань) и Зарайск.

Города от немецкой окраины имели во главе своей Новгород, противостоящий шведам и Ливонскому рдену, и Псков, но оба они были городами и против Литвы. Новгород в московский период уже не представлял собою того, что он значил раньше: войны с Литвой, шведами и Польшей, а также разоренье Грозного наложили на него свою печать. Были в области и еще города: Старая Русса, Ладога, Ям, Ивангород, Копорье, Орешек, Порхов.

Города от Литовской окрайны—эта была западная часть государства, занимавшая верховья рек: Великой, Ловати, Двины, Днепра, Сожа и Десны. В течении всего XVI и XVII в. область эта была яблоком раздора между Москвой и Литвой. Удобных земель было мало, край был лесистым, но по территории его пролегали торговые пути. Самым важным и наиболее

укрепленным городом был Смоленск. Вязьма и Великие Луки также были значительными городами.

Северские города—эта область старых черниговских городов, возвратившихся от Литвы при Иване III. Здесь было много лесу и хороших полей. Торговые пути через край шли в Киев и Польшу. Наиболее укрепленным был Путивль, стоявший на грани между Польшею, Русью и Полем. Население тяготело более к Киеву и было мало связано с Москвой. В крае чувствовалось военное настроение—он был свидетелем многих событий.

Польские города,—это была та область дикого „поля", которое тянулось за пределами Московского государства к югу и доходило до моря, Кавказа и Волги. Предприимчивое население окрайны государства выходило в поле на промысла и постепенно заводило здесь пасеки, пашни, ставило хутора. Является надобность в военной охране новопоселенцев—правительство ставит то один, то другой городок. Часть населения двигается дальше в поле—и военные города становятся все южнее и южнее. Так возник ряд городов: Орел, Воронеж, Тамбов и др.

Понизовые города это бывшие земли Казанского и Астраханского царств. Население края составляли: мордва, черемисы, чуваши, татары, ногайцы, башкиры. Земля здесь была плодородная, обширные реки (Волга, Кама, Яик)—богаты рыбою, на озере Эльтон добывалась соль. Вначале нужно было воздвигнуть ряд крепостей (Уфа, Малмыж и др.), чтобы усмирить край, так как инородцы долгое время не могли примириться с русским господством. Казань и Астрахань были главными торговыми городами. Для охраны Волги, как торгового пути, основываются города: Самара, Царицын, Саратов, Симбирск и др.

Что касается Сибири, то свое название она получила от татарского города этого имени, который находился близ нынешнего Тобольска. Первые торговые сношения с Сибирью завели пермские князья. Сибирское татарское царство, образовавшееся в XV в., располагалось по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Купцы Строгановы, желая открыть промыслы по Тоболу, организовали военную экспедицию в Сибирь во главе с Ермаком, который в 1581 г. разбил войска Кучума. Тюмень был первым русским городом в Сибири. Потом построили Тобольск, Березов, Томск и др. Страна была очень слабо населена (чем, отчасти, и об'ясняется успех русского завоевания): царство сибирское напр. имело не больше 30.000 населения. Особенно энергичное движение русских в Сибирь началось после смуты. При Алексее Михайловиче доход от Сибири был выше дохода Большой Казны.

После Люблинской унии (1569 г.) все южно-руссы собрались в составе одного польского государства. „Украйна" состояла из воеводства Киевского и Брацлавского. Район этот был небезопасным от нападения татар. Черниговщина отошла к Польше после Деулинского и Полянского договоров (1618-1634). Малороссия, называвшаяся также Гетманщиной, образовалась первоначально в бассейне рек: Сулы, Псела и Ворсклы, куда переселились украйнцы. В 1654 г. Малороссия присоединяется к Москве

В судьбах Малороссии большое участие принимало днепровское казачество, бывшее вольным братством и в конце XVI в. образовавшее Сечь на острове Хортице, а позднее—на реке Чертомлыке. Сечь была разрушена русскими (в 1709 г.), после того, как днепровские казаки примкнули к Мазепе.

Выходцы из Великороссии, занимавшиеся в районе Дона разными промыслами, в конце концов, об'единились в донское казачество. В конце XVII в. с Дона на Яик (река Урал) вышла часть казаков, которая сперва не теряла связи с Доном. Яицкое войско было переименовано в Уральское после Пугачевского бунта.

В заключение нашего очерка укажем, что при работах по исторической географии особенно пригодна Специаллная Карта России (10 верст в дюйме); кроме того—географич. словари Семенова, Шокальского; списки населенных мест; полезен также и атлас по русской истории Замысловского.

Архивоведение.

Слово „архив“ означает особое учреждение для хранения письменных актов и, вообще бумаг, имеющих какое-либо историко-юридическое значение [1]).

В указанном значении слова архивы появились в России, как отмечал в своих лекциях проф. Андреевский [2]), лишь с Петра I. Но Андреевский почти не останавливается на истории архивов московского и до-московского периода, истории очень интересной и поучительной. Этот пробел в истории наших отечественных архивов заполняет Маяковский [3]). Правда, последний автор, говоря о существовании в древней Руси архивов, как институтов обычных, предупреждает, что он не ищет в древнерусских архивах актохранилищ в современном строгом смысле этого слова, а видит в них как хранилище актов, так и хранилище книг [4]). Такой взгляд на древнерусские архивы является совершшнно правильным. Дело в том, что и наши предки (особенно до-московского периода) смотрели на каждую книгу, как на известный, пожалуй даже, если пользоваться современной терминологией,—юридический акт. Напр., чем была какая нибудь духовно-назидательная книга? Если хотите, это было своего рода условие между Богом и человеком, где указывалось, как человек должен жить „по Божески“, чтобы попасть в рай, что ждет его на том свете, если он не будет жить согласно правилам и т. д.

И акты, и книги, представлявшие большую материальную ценность [5]), при наличности всех тех неурядиц и опасностей, которые окружали нашего предка, должны были храниться в церквах и монастырях. Так, в Пскове, при соборе св. Троицы, уже с XII в., существовал особый ларь, который для псковичей был своего рода государственным актохранилищем и нотариальным архивом. Хранение в ларе св. Троицы того или иного документа сообщало последнему силу и значение акта, безусловно подлежаго исполнению [6]). Ларем заведывал ларник, который не только хранил документы, но также и удостоверял совершенные акты печатью. В Киеве

---

[1]) Воронов - Архивоведение, 1901, стр. 1.

[2]) И. Е. Андреевский - Наука об архивах, стр. 49 (Литограф. курс, читанный в 1885—87 г.г. в Петрогр. Археолог. Институтт).

[3]) И. Л. Маяковский—Историч. очерк архивного дела в России, 1920, стр. 39—105.

[4]) Там же, стр. 40.

[5]) См. наш очерк палеографии.

[6]) В Псковской судной грамоте указывалось (ст. 14, 32, 38 и др.), какого рода полагалось сдавать на хранение в ларь (Псков. суд. грам. напечатана у Владимирского-Буданова в Христоматии по истории русского права, вып. 1, 1908 г., стр. 128—172).

книги хранились в церкви св. Софии, в Новгороде—в Софийском соборе и знаменитой церкви св. Иоанна на Торжке, которая известна, как средоточие деятельности Ивановской купеческой общины [1]). Почти в каждом монастыре была своя „казна", где сберегали акты и книги.

Нужно полагать, что письменных памятников за период (до-московский) XI—XIV в. было не мало. Но до нас дошло (т. е. обнаружено пока) лишь 700 письменных памятников. (по подсчету И. А.Шляпкина). Куда же девались остальные?—Пожары, нашестве неприятеля (татары, напр. брали „в полон" и книги), междуусобицы, невежество людей, похищение (напр., саксонец,-проф. москов. ун-та Маттей похитил ряд ценных рукописей из московских библиотек, которые, уехав заграницу, и продал там)—вот главные причины, об'ясняющие исчезновение сокровищ. Но очень может быть, что после тщательного обследования всех русских и заграничных музеев, архивов, библиотек и пр. на свет появится еще много древних памятников, которые значительно превысят нынешнюю цифру 700.

В эпоху возвышения Москвы, последняя, собирая уделы и области, об'единяла в своей „казне" и архивы этих уделов и областей. Делалось это, конечно, не из любви к старине; „собирание" грамот входило в планомерные расчеты московских князей, ибо делало их обладателями не только земель, но и тех прав, которые были зафиксированы в грамотах. К этим документам присоединялись акты самих князей. По судебнику Ивана III (издан в 1497 г.) население обязывалось совершать определенные юридические акты в письменной форме. Если ко всему этому мы прибавим письменное делопроизводство приказов и провинциальных учреждений, то получим архивный фонд московской Руси.

В порядке иерархии, архивы московского периода можно разделить на провинциальные и центральные.

Провинциальное делопроизводство сосредоточивается в с'езжих избах, которыми ведали воеводы. Под воеводами, помощниками им, были дьяки, являвщиеся хранителями всей суммы документов данной избы; отдельными же „столами" заведывали под'ячие. Нужно иметь в виду, что в ту пору старые документы и дела обычно не отделялись от текущего делопроизводства.

Бытовые условия были таковы, что дела с'езжик изб погибали в огромном количестве, несмотря на бережное, в общем, к ним отношение со стороны приказных людей. Особых помещений для хранения законченных дел не существовали: все дела были размещены в с'езжей избе—по столам, скамьям, на полу. Когда дел накапливалось очень много и в избе становилось от них тесно,—их складывали в первый попавшийся чулан. Протекали крыши изб—дела уничтожались сыростью, горели избы—огонь пожирал и дела. Непосредственно же дела хранились в ящиках, коробах и связках.

[1]) В подвалах церкви делали обыкновенно товары, в притворе производилось взвешивание их и пр.

Что касается формы дел, то наиболее старинной формой был „столбец“. Столбец этот получался таким образом: лист бумаги разрезали пополам вдоль; будучи исписан с одной стороны, отрез склеивался узкой стороной с другим отрезом (составные части „столпа“ назывались „составами“ и „поставами“) и т. д.—в конце концов столбец мог получиться в длину даже до нескольких сот аршин (столбец Соборного Уложения 1649 г. имеет 434 аршина). Оборотная сторона столбца предназначалась для различных „скреп“, „рукоприкладства“ свидетелей, челобитчиков и пр. Другая форма документа „тетрадь“, получавшаяся тогда, когда исписывались отдельные листы, вшитые друг в друга, в один корешок. Если же несколько тетрадей подшивалось вместе, то получалась „книга“, а если последняя была в переплете, то называлась „книгою в досках“. Документы вне указанных форм сгруппировывались в свертки и связки.

Общая опись документов с‘езжей избы без поименования каждого в отдельности заключалась в сметных книгах [1]) и росписных списках [2]). Велась более и детальная опись, подчас с подробным указанием документов; такая опись была необходима как справочник для самих приказных каждой с‘езжей избы.

Центральными органами Московского государства были приказы. Их насчитывалось свыше 30, но главных было три: Посольский, ведающий дипломатические сношения, Разрядный, дававший назначения служилым людям и управлявший военным ведомством, и Поместный, распоряжавшийся раздачей поместий и вотчин, а также и учетом их.

Приказы имели свое делопроизводство, более сложное по структуре, нежели делопроизводство провинциальных учреждений. Помещались они сперва в очень тесных избах, а потом (с XVII в.) некоторые из них перешли в каменные здания. В задней комнате помещения приказов [3]) главным образом и хранились дела, причем, помимо описанного способа хранения (в ящиках, коробьях и пр.), дела сохранялись на особо устроенных полатях, куда вела лестница, в шкапах, сундуках, снабженных замками и печатями.

Описи приказных архивов отличались, по сравнению с провинциальными архивами, большой подробностью в определении содержания документов; кроме того, появляется нечто вроде алфавитных указателей дел и документов.

Судьба архивов московской Руси была не из радостных. Громадное количество дел было уничтожено пожарами; некоторые из этих пожаров были настолько грандиозны (напр., пожар 1626 г.), что ставили прямо в критическое положение государственную власть, которая вдруг лишалась почти всех документов, всего делопроизводства центральных учреждений.

---

[1]) Сметная книга—ежегодный отчет воеводы перед центром.

[2]) Росписной список представлялся воеводою в приказ при передаче дел своему преемнику.

[3]) Такие комнаты назывались „казенками“.

Немалый урон причиняли войны—так, в смутное время целые отделы московских архивов были увезены в Польшу. Другие причины—сырость, невежество и небрежность современников и пр. тоже играли заметную роль. Уцелевшее же было унаследовано архивами Петровской эпохи.

По Генеральному Регламенту Петра I [1]) актохранилища впервые получают наименование архивов, которые должны были стать особыми от канцелярий учреждениями для хранения оконченных дел. Ведать архивами определено было особым лицам—архивариусам. Срок сдачи дел в архивы тоже обозначался.

Сквозь хаос брожения, перетасовок и ломки петровской эпохи, что касалось и архивов, пробивались две важных идеи в области архивного дела: идея централизации архивов, осуществившаяся частично в форме концентрации некоторых прежних приказных и провинциальных архивов, и вторая идея—осознание научной ценности архивных материалов, отрешение от взгляда московской Руси, которая смотрела на оконченные дела исключительно с узкой практическо-канцелярской точки зрения.

Мы не станем следить за тем, как складывались, как перебрасывались из ведомства в ведомство те или иные архивы в период коллегий. Укажем, что способы хранения документов были сравнительно примитивными: отдельными помещениями для архивов служили подвалы тех домов, где находились учреждения; непосредственно для дел заводились шкафы и пр.

Помимо плохого оборудования архивов, недостаточно продуманного законодательства по поводу их, была еще важная причина, в силу которой архивное дело не могло прогрессировать: это полное отсутствие подготовленных архивных работников.

И только, когда начальником московского архива мин. иностранных дел сделался Миллер (род. 1705 г., ум. 1783 г.), у нас появляется целая школа архивистов, группировавшихся вокруг Миллера (Соколовский, Штритер, Бантыш-Каменский и др.). С этого времени начинается опубликование архивных документов, дававших новые сведения по русской истории.

В XIX в., в эпоху министерств, мы видим множественность и дробность архивов, как в центре, так и в провинции. Архивов расплодилось так много, что, напр., (сведения от 1814 г.) число отдельных архивов в некоторых губерниях доходило до 1.500. Общее же число их (по подсчету Самоквасова) по России было около 30.000.

Правда, уже с 1827 г. реакция против дробности архивов начинает выливаться в определенные конкретные формы (в 1827 г. был учрежден единый центральный архив для морского министерства). В 60-70 годах реакция эта наростает (в 1852 г. архивы Вотчинный, Разрядный и Старых дел сливаются в Московский архив Министерства Юстиции; по министерствам слагаются общие архивы для всех департаментов и пр.). Но так как с развитием и усложнением политической и общественной жизни

[1]) Издан 28 февраля 1720 г.; об архивах говорит 44 глава Регламента (см. Памятники законодат. Петра Великого, 1910 г., стр. 28).

страны абсолютное число разных учреждений в России возрастало, а коренной реформы архивного дела до самого последнего времени произведено не было, то реакция в сторону концентрации архивов не имела возможности выявиться в решительных формах.

Теперь, прежде чем перейти к дальнейшему изложению истории реформы нашего архивного дела, мы, в виду того, что вопрос о реформах, со второй половины XIX в. особенно тесно связан с теоретическим развитием архивоведения, как науки, считаем необходимым остановиться на изложении теоретических положений архивоведения.

Архивоведение, как особая научная дисциплина, имеет в виду две задачи: 1) выработать основы наилучшего и наипростейшего устройства, архивов, обеспечивающего не только сохранность архивных материалов, но и удобство пользования ими в интересах научных и деловых; 2) сделать содержание архивов известным и ввести его в научный оборот не только своего народа, но и международный.

Посмотрим, при помощи каких средств возможно осуществление намеченных задач.

Прежде всего вопрос о помещении.

К архивному помещению пред'являются следующие требования:

1) безопасность в пожарном отношении;
2) безопасность от сырости;
3) безопасность от похищения материалов злонамеренными людьми;
4) удобство для расположения архивных материалов и для занятия ими;
5) обилие света и воздуха;
6) безопасность для здоровья служащих и занимающихся в архиве лиц.

Помещение архива распадается на две части: 1) собственно архив и 2) внешнюю часть архива. Внешняя часть заключает в себе канцелярию архива, комнату для занятий архивистов и справочную библиотеку. Выделить внешнюю часть от собственно архива необходимо как в видах сохранности архивных дел, так и ради здоровья лиц, занимающихся в архиве, чтобы избавить их, по возможности, от вдыхания архивной пыли.

Безопасность в пожарном отношении достигается употреблением при постройке камня, металла и бетона. Даже полки и шкафы делают из металла. Здание архива не должно быть обитаемо; лица, присматривающие за архивом, должны жить в особом здании, поблизости. Работа в архиве происходит при дневном или электрическом свете. Отопление не печное, а водяное или паровое. Курить разрешается лишь в особой комнате, находящейся во внешней части архива. Небесполезно разделение архива на несколько изолированных зал, изолированных капитальными стенами и железными дверями, это позволит во время пожара спасти часть архива. Все эти меры предосторожности и более детальные, о которых мы не упоминаем, совершенно необходимы, если вспомнить, какая масса

архивного материала погибла во время пожаров. Восстановить же сгоревшие документы довольно трудно, т. к. обыкновенно они бывают лишь в одном экземпляре. Кроме огня, следует еще иметь в виду другого опасного для архивных дел врага—сырость, с которой борятся при помощи топки, вентиляции и пр.

Что касается размещения дел, то они должны быть поставлены на полках, по нумерам. Чтобы обходиться без приставных лестниц, устраивают невысокие шкафы. В высоких же залах на высоте 3-4 арш. от пола устраивают висячие галлереи, соединенные мостками для перехода от одного шкафа к другому. Дела помещаются в папках, картонах или вязках. Ставить дела удобнее вертикально в один ряд. Можно еще переплетать дела,—тогда они стоят на полках подобно книгам.

Из русских архивов особенного внимания заслуживает московский архив бывш. министер. юстиции, выстроенный по всем правилам науки, а также архив бывш. государственного совета в Петрограде.

Вопрос о систематизации дел тесно связан с вопросом о нумерации. Архив может иметь или одну нумерацию и в таком случае составлять одно целое, без отделов, или распадаться на отделы, каждый из которых будет иметь свою особую нумерацию. Одна общая нумерация имеет за собой тот довод, что все классификации архивного материала более или менее спорны, а многочисленные отделы в архиве явное неудобство. Зато большое неудобство этой системы—полнейшая зависимость лиц, имеющих отношение к архивному материалу, от алфавитного каталога. Опыт архивистов-практиков показал, что в больших архивах благоразумнее не гнаться за одной нумерацией. И тот же опыт указывает, что истинный принцип архивного порядка есть историческое распределение архивного материала: все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Историческая классификация не устраняет и прочих систем: 1) хронологической, 2) географической, 3) алфавитной и 4) по содержанию, но все эти системы не должны быть основными.

Описание дел и составление указателей хранящегося в архиве матерала-дело не такое легкое, как может казаться с первого вгляда. „Только специалист", говорит такой знаток архивного дела, как Н. В. Калачев [1]), „основательно знающий свой предмет, может в нескольких словах точно и ясно определить как название, так и существенное содержание рукописи". Даже можно сказать, что „успехи истории в значительной степени зависят от усовершенствования общего инвентаря исторических документов" [2]), т. к. иначе о самом существовании документа можно узнать лишь случайно.

Способы описания архивного материала зависят или: 1) от характера описываемого материала или 2) от цели описания,—предназначается ли

---

[1]) Сборник Государств. знаний, IV, стр. 26.

[2]) Ланглуа и Сеньобос—„Введение в изучении истории", изд. 1899 г., стр. 23.

оно только для архивных потребностей или же ко всеобщему сведению путем печати.

Каждое описанное дело должно иметь, по мнению выдающегося знатока архивного дела И. Е. Андреевского: 1) заголовок и 2) собственно описание, причем последнее представляет из себя краткий, но обстоятельный рассказ о содержании дела с указанием не только результата, но и мест с научной точки наиболее любопытных. Описание помещается на особом листе за обложкою дела. Из описания извлекаются карточки для указателя трех сортов: 1) личные, 2) географические и 3) предметные. Если архив будет так описан, тогда навести всякую справку будет чрезвычайно просто, и ученые занятия в архиве будут очень облегчены. Но подобное описание—идеал. Если бы так описать, скажем, „московский архив министерства юстиции, имеющий общее протяжение полок в 34 версты, то, при работе 20 служащих, занятых специально описанием, последнее могло бы быть окончено не ранее, как через полторы тысячи лет [1]). Следовательно, практические условия требуют описания возможно простого и краткого,—можно ограничиться лишь одним заголовком, излагающим ясно, но коротко суть дела с указанием на документы и важнейшие бумаги, находящиеся в деле. Из заголовка пусть будут извлечены карточки личные, географические и предметные; эти карточки, расположенные в алфавитном порядке, кладутся в особых ящиках на столах.

Для всеобщего сведения следует описывать не всякий архивный материал, а лишь тот, который, после тщательного разбора, „окажется действительно пригодным для ученых целей“ [2]). Очень интересно „Описание документов и бумаг, хранившихся в Московском архиве Министерства Юстиции“, начатое еще в 1869 году под редакцией покойного Н. В. Калачева.

Если мы будем говорить о назначении архивов, об их функциях, то мы должны отметить, что они существуют для того, чтобы служить интересам государства и общества, которые могут обращаться к архивам, как хранилищам человеческого знания и опыта, за разрешением различных вопросов. Поэтому, самая существенная функция архивов—это выдача всякого рода справок.

Но архив, выдавая справки и допуская к занятиям посторонних лиц, должен заботиться, чтобы не испортить или не лишиться своих материалов. И как выдача справок, так и допущение к занятиям посторонних лиц обыкновенно,—особенно в правительственных архивах,—регулируется специальными правилами.

Большой интерес представляет вопрос об уничтожении дел. Конечно, не всякая написанная бумага стоит того, чтобы ее сохранили, т. к. не все в прошлом имеет значение. Но, с другой стороны, чрезвычайно трудно определить, что имеет и что не имеет исторического значения. Есть даже

[1]) Памятная книжка Московского архива М. Ю., стр. 174.
[2]) Сбор. Государств. знаний, IV, стр. 27.

исторические материалы, которые, сами по себе, заведомо не имеют цены, но в связи с другими материалами приобретают большое значение. Ясно, что если в решении вопроса об уничтожении дел и имеет место суб'ективизм, но все же несомненно, что более или менее правильно вопрос этот может быть решен лишь в том случае, если архивами будут заведывать люди, не только добросовестные и широко образованные, но и имеющие надлежащую историко-юридическую подготовку.

Порядок уничтожения дел обычно указывается законом, но можно пожелать, чтобы при уничтожении дел соблюдались и следующие условия:

1) чтобы решение вопроса происходило от компетентных лиц;

2) чтобы назначение дел к уничтожению совершалось после тщательного просмотра дела;

3) чтобы инициатива уничтожения дел исходила от начальника архива;

4) чтобы описи уничтоженных дел сохранялись.

В связи с вопросом об управлении архивами заслуживает внимания вопрос о централизации архивов.

Впервые мысль о централизации архивов явилась во Франции в эпоху великой французской революции. Соответствующим законом Национальный Архив был об'явлен центральным хранилищем для всей республики; некоторые категории дел должны были обязательно направляться сюда; все остальные архивы были подчинены Национал. Архиву и должны были представлять сюда копии своих описей.

По примеру Франции, в целом ряде стран Западной Европы осуществлена идея централизации.

У нас, в России, мысль о централизации архивов возникла в 1869 г., когда вопрос этот, по предложению Калачева, был поднят на первом археологическом с'езде в Москве. В 1871 г., на втором археологическом с'езде, Калачев повторил свой доклад и добился того, что была создана Комиссия для подготовки архивной реформы. До 1885 г. (год смерти Калачова; Калачов был директором Московского архива Министерства Юстиции с 1855 г.) получили разрешение, хотя и неокончательное, два основных вопроса: вопрос о прекращении массового уничтожения документов и вопрос о централизации архивов в отдельное ведомство.

Сущность калачевского проекта реформы архивного дела сводится к следующему: высшим органом управления архивами должна была стать Главная Архивная Комиссия, которая бы ведала все архивы в России и должна была бы создать один центральный архив в Петербурге. В наиболее значительных губернских городах должны были быть созданы областные архивы, а при них губернские комиссии, которые бы ведали архивы данной области. В таком виде проект остался неутвержденным.

В конце семидесятых годов Калачов кладет основание Петроградскому Археологическому Институту, который должен был подготовлять опытных архивных работников. В 1884 г., для некоторых губерний, утверждаются губернские архивные комиссии, на обязанности которых лежало коцентрировать губернские архивы.

В 1899 г., на XI археологическом с'езде в Киеве, был представлен новый проект реформы всего русского архивного дела, составленный при участии проф. Самоквасова. Этот проект имел в виду учреждение Центрального Архивного Управления, стоящего во главе всех архивов страны. Все же архивы имеют такое иерархическое деление: на верху—единый центральный государственный архив, сосредоточивающий делопроизводства всех высших государственных учреждений, как действующих, так и упраздненных (за исключением тех, которые уже имеют свой благоустроенный архив) по 1825 г.; вторая ступень—областные архивы, расположенные в 12 крупных городах России, об'единяющие делопроизводство провинциальных учреждений до 1775 г. (год создания нового губернского строя); третий слой—губернские архивы, концентрирующие в себе делопроизводство местных провинциальных учреждений от 1775 г. до двадцатипятилетней давности. Проект этот утверждения не получил.

На основании законодательства революционного времени [1]) проведена следующая коренная реформа нашего архивного дела.

Все архивы правительственных учреждений ликвидируются,—все дела и документы их образуют Единый Государственный Архивный Фонд, которым заведует Главное Управление Архивным Делом. Разбор архивных дел, подлежащих хранению, производится комиссиями из лиц Главного Архивного Управления и из представителей учреждения, дела которого разбираются. Дела советских учреждений, профессиональных и кооперативных организаций сохраняются при них не более пяти лет, по истечении этого срока они поступают в соответствующее архивное отделение, как исторический материал. Уничтожать дела без разрешения Главного Архивного Управления запрещается.

[1]) См. Собрание узаконен. и распор. раб. и крест. прав. за 1918 г.: № 40, ст. 514 и за 1919 г.: № 28, ст. 313.

Библиография.

Для лиц, желающих поближе познакомиться с той или иной вспомогательной исторической дисциплиной, мы приводим ниже список соотвествующей литературы. Список этот далеко неисчерпывающий, а лишь примерный. Заметим, что если по некоторым отделам (напр. по доисторической, по бытовой археологии и пр.) существует сравнительно большая литература, то по другим отделам (напр. по дипломатике и пр.) наблюдается почти полное отсутствие научных исследований, курсов и пр.

Археология.

Сочинения и курсы общего характера: М. И. Веселовский—Первобытный человек (конспект лекций), 1905 г.; **М. Гернес**—История первобытного человека, 1896 г.; **В. А. Городцов**— Первобытная археология (курс лекций), 1908 г.; **В. А. Городцов**—Бытовая археология. (Курс лекций; в обеих книгах автор дает большой список литературы предмета), 1910 г.; **Заборовский**—Доисторический человек; **Мортилье**—Доисторичеспая жизнь, 1903 г.; **Нидерле**—Человечество в доисторические времена; **Обермайер**—Доисторический человек; **Э. Тейлор**—Доисторический быт человечества и начало цивилизации, 1870 г.; **Э. Тейлор**—Первобытная культура т. I и II, 1896 г.; **Швальбе**—Доисторический человек, 1906 г.; **Шурц**—История первобытной культуры, 1910 г.

Попытка обобщений и перечисления сделанных в области русской аргеологии открытий: **В. Данилович**—Курс русских древностей, 1908 г.; **Ю. Кулаковский**—Прошлое Тавриды, 1906 г.; **М. Погодин**—Судьбы археологии в России (Журн. Мин. Нар. Пр., 1869 г., сентябрь); **И. Толстой и Н. Кондаков**—Русские древности в памятниках искусства; **Д. Самоквасов**—Могилы русской земли, 1908 г.; **А. Уваров**—Археология России. Каменный период, 1881 г.; **Его-же**—Исследование о древностях южной России и берегов Черного моря (выпуск I и II), 1851-1856 г.

Палеолитическая эпоха. Южная Россия: **В. Б. Антонович**—О скальных пещерах на берегу Днестра Подольской губ. (Труды VI Археол. с‘езда в Одессе, т. I); **Е. Сецинский**—Археологич. карта Подольск. губ. (Тр. IX Арх. с‘езда в Киеве, т. I; **Древности**. Труды Моск. Арх. Общ., т. XXI, вып. II.

Стоянки в Киеве. В. В. Хвойко—Тр. XI Арх. с‘езда, т. I, стр. 736. **Его-же**—Киево-Кирилловская палеолит. стоянка и культура эпохи Мад-

лен (Арх. Летопись южной России, 1903 г., № 1, стр. 26 и др.); **Ф. К. Волков**—Искусство Мадленской эпохи в Украйне (Арх. Лет. юж. Россий, 1903 г., № 1); **П. Я. Армашевский**—О геологическом строении Киева; **Его-же**—О стоянке человека палеолит. эпохи по Кирилловской ул., в Киеве (Известия XI Арх. с'езда, стр. 173-175), **П. Я. Армашевский и В. Б. Антонович**—О нахождении костей мамонта в Киеве совместно с кремневыми орудиями (Дневник IX с'езда Русск. Естест. и Врачей ,т. XIV, вып. I); **В. Б. Антонович**—История поселений на территории нынешнего г. Киева от палеол. периода до начала христианства; **Его-же**—Памятники каменного века, найденные в Киеве (Доклад X Арх. с'езда в Риге) [1]).

Неолитическая эпоха: Ладожская стоянка: А. А. Иностранцев—Доистор. человек кам. века побережья Ладожского озера, 1882; **А. Уваров**—Каменный период, т. I, стр. 387-394; **И. С. Поляков**—Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., гл. IV.

Бронзовая эпоха. Трипольская культура. В. В. Антонович—Заметка (Чтения в ист. об. Нестора летописца, кн. XIII, стр. 106); **А. А. Спицын**—Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого (Изв. Арх. Ком., вып. 12, 1904 г.); **Его-же**—Площадки с расписными сосудами в Звенигор. и Уманск. уездах. Арх. летопись южн. России, 1899 г., стр. 174; **В. Н. Доманицкий**—Краткие отчеты о раскопках глин. площадок в Звениг. уезде (Арх. летопись южн. России, 1900 г.); **А. А. Скрыленко**—О глиняных статуэтках из Триполья (Изв. XII Арх. с'езда); **К. В. Хилинский**—Трипольская культура (Изв. XIV Арх. с'езда); **Ханенко**—Древности Приднепровья, 1899 г., вып. I; **В. В. Хвойко**—Раскопки 1901 г. в обл. Трипольской культуры (Зап. Одесского Общ. Ист. и Древн., т. 23).

Железная эпоха. Кавказ. И. С. Поляков—Дневник арх. работ (V археол. с'езд в Тифлисе, т. I); **В. Б. Антонович**—Дневник раскопок (там же, стр. 216-270); **Н. О. Эмин**—Армавир (там же); **А. Уваров**—Исследование мест..... разв. Армавира (там же); **Его-же**—Курганы с расчленением близ Дербента, 1887 г.; **П. С. Уварова**—Могильники сев. Кавказа (Мат. по арх. России, вып. 8, 1900 г.; **Е. Д. Филицин**—Западно-кавказ. дольмены (там же); **В. М. Сысоев**—Археолог. экскурсия по Закавказью (там же); **В. Миллер**—Терская область (там же); **П. К. Услер**—Древние изв. о Кавказе (Записки Кавказск. Отд. Геогр. Общ., XII, 1881); **В. И. Сизов**—Восточное побережье Черного моря (Мат. по арх. Кавказа, вып. II).

Скифы. А. Лаппо-Данилевский—Скифские древности, 1887 г.; **И. Е. Забелин**—История русской жизни, ч. I, 1908 г.; **Его-же**—Скифские могилы (Древности: Труды Моск. Арх. О-ва, т. I); **В. В. Латышев**—Исследование об истории и госуд. строе г. Ольвии, 1887; **Его-же**—Известия древних писат. греч. и латин. о Скифии и Кавказе, 1892, вып. I; **П. Н.**

[1]) Имеется, конечно, ряд тем по палеол. эпохе: Польша, Крым и Кавказ, стоянка в с. Костенках и т. д., литературу по которым мы не приводим, т. к. наш список—и литературы и тем—является, как мы уже говорили, только примерным списком. Это замечание относится и ко всему нижеследующему.

Кречетников—Границы и очертания Геродотовой Скифии (Древности. Тр. Моск. Арх. О-ва, т. XIII, кн. I); **В. Ѳ. Миллер**—Осетинские этюды, 1887; **Его-же**—Следы иранства на юге России (Жур. Мин. Нар. Просв., 1886, № 10); **Б. И. Ханенко**—Древности Приднепровья, вып. II и III; **И. Толстой и Н, Кондаков**—Древности скифско—сарматские, 1889; **Скифы**—ст. в Энц. сл. Брокгауза и Эфрона; Древности Геродотовой Скифии, 1886 г.

Печенеги, торки, половцы. П. Голубовский—Печенеги, торки, половцы, 1884 г.; **Н. Аристов**—О земле половецкой, 1877 г.; **В. Васильевский**—Византия и печенеги (Жур. Мин. Нар. Пр. 1872 г.); **А. Куник**—О тюрских печенегах и пр. (Зап. Ак. Наук по I и II отд., 1855, т.т. вып. V); **В. А. Городцов**—Матер. арх. иссл. по бер. Донца (Тр. XII Арх. с'езда, т. I); **Его-же**—Дневник раскопок (там же).

Русские славяне. Литература чрезвычайно обширная. Ее можно подразделить на специально-археологическую и обще-историческую. Для общего ознакомления с исследуемыми древностями необходимо проштудировать: **А. А. Шахматов**—Розыскания о древнейших русских летописных сводах; **Его же**—Древнейшие судьбы русского племени, 1919; **А. Я. Гаркави**—Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, 1870; **С. Ѳ. Платонов**—Лекции по русской истории, 1917; **Н. Рожков**—Русская история, т. I, 1919; **В. О. Ключевский**—Курс, ч. I; **И. Е. Забелин**—История русской жизни с древнейших времен, ч. I, 1908; **В. Е. Иконников**—Опыт русской историографии, т. II, 1908; **Д. И. Иловайский**—Розыскания о начале Руси; **Д. А. Хвольсон**—Известия о хозарах, буртасах и т. д., 1866; **И. И. Срезневский**—Исследование о языческом богослужении древних славян, 1848; **И. Толстой и Н. Кондаков**—Русские древности в памятниках искусства, в. V, 1897; **А. А. Спицын**—Расселение древне-русских племен по арх. данным (Ж. М. Н. Пр., 1899, № 8); **Нидерле**—Обозрение современного славянства (Энцикл. славян. филологии, вып. II); **Н. Полевой**—Очерки русской истории в памятниках быта, т. I, 1879.

Архивоведение.

Н. В. Калачов—Архивы, их государ. значение, состав и устройство (Сбор. Гос. Знаний, т. IV); **Его же**—Архивы (Тр. I Арх. с'езда, т. I); **И. Е, Андреевский**—Наука об архивах (литограф. курс); **Его же**—Архивоведение и Архивы (статьи Эн. сл. Бр. и Эфрон.); **Д. Я. Самоквасов**—Централиз. госуд. архивов Зап. Европы в связи с архив. реформой России, ч. I и II, 1899-1900; **Его же**—Архивное дело в России, т. I и II, 1902; **А. П. Воронов**—Архивоведение (курс, 1901); в книге Воронова указатель литературы предмета); **И. Л. Маяковский**—Историч. очерк архив. дела в России, 1920 (в книге—указатель литературы); Сборник статей (С. Ѳ. Платонов, А. С. Николаев и др.)—Ист. очерк архивн. дела на Западе (печатается); **С. А. Белокуров**—О посольском приказе, 1906;

Его же—Моск. Архив Иностр. Дел в 1812 г., 1913 г.; Сборник статей по архивоведению под ред. Зубарева, ч. I. и II, 1910/1911 г.; Описание дел Архива бывш. Мин. Нар. Пр., т. I, 1917 г.; целый ряд статей в Сборниках Археолог. Института, кн. I, III, IV и V; а также в „Вестнике Археологии и Истории", вып. II, VI, VII; См. Записки Моск. Арх. Института, т. XVIII; **Ясинский**—Московск. Архив. в XVI стол., 1909 г.; **Н. П. Лихачев**—Библиотека и архив моск. госуд. в XVI ст.; Сборник материалов, относящихся до архивной части России, т. I и II, 1916/1917.

География историческая.

Н. Барсов—Очерки русск. истор. географии, 1885; **Н. Надеждин**—Опыт истор. геогр. русск. мира; **Е. Замысловский**—Герберштейн и его историко-географ. известия о России, 1884; **Е. Огородников**—К книге Большого Чертежа (Зап. Геогр. Об-ва по отделу этнографии, 2, 7—9); **Брун**—Черноморье (т. I и II, 1879-1888); **Θ. Браун**—Розыскания в области гото-славянских отношений, 1899; **Середонин**—Лекции по истор. географии; **Любавский**—Истор. геогр. (лекции); **Спицын**—Русск. истор. геогр., 1917; **Беляев** — О геогр. сведениях древней Руси (Зап. Имп. Русск. Геогр. Об-ва, т. VI, 1852); **С. Θ. Платонов**—Очерки по истории смуты, 1910 (стр. 1-114); **Его же**—Руса (журн. „Дела и Дни", 1920); **А. А. Шахматов**—Древние судьбы русск. племени, 1919, гл. V; **Семенов**—Геогр. словарь; **Шокальский**—тоже; **Л. Максимович** и **А. Щекатов**—тоже; Карты: **А. Θ. Риттих**—Этнографическая; **Н. П. Дурново** и др.—диалектологическая (изд. 1915 г.) и пр.

Геральдика.

Ю. Арсеньев—Геральдика, 1908 (лекции); **Лакиер**—Русская геральдика, 1855; **фон Винклер**—Русская геральдика, вып. I-III, 1892-94; Журнал **Гербовед**—(с 1913); **В. Белинский**—Русский геральдический словарь вып. I, 1912; **А. Т. Князев**—Гербовник 1912; **В. Луконский**—О геральдическом художестве в России, 1911; **Его же** и **С. Тройницкого** —Указатель к Высочайше утвер. гербовнику, 1910; Общий гербовник двор. родов Рос. Империи; Известия Русс. Генеалогич. Об-ва.

Дипломатика.

Лаптев—Опыт по древней русской дипломатике, 1824; **Данилович**—О русской дипломатике (Москов. Вед., 1829 г., ч. III, стр. 68); **Н. Лихачев**—Бумага и бумажные мельницы в России, 1891, **А. С. Лаппо-Данилевский**—Очерки русской дипломатики частных актов, 1920, (курс лекций); **Н. Лихачев**—Из истории дипломатики, 1905-1906; **Его же**—Из лекций по дипломатике, 1905-1906; Сборн. ст. посвященных Лаппо-Данилевскому, 1916 г. (Истор. Обозр., т. XXI); **С. Шумаков**—Грамоты и записи,— в Бол. Энциклоп.

Южакова, 1901—1902, VII, 429—434, 702—703, IX, 511-513; **Его же**—Грамоты и записи (Обзор Гр. Кол. Эк., вып. IV, 1917); **Н. П. Тупиков**—Словарь древне-рус. личных имен; **Вл. Даль**—Толковый словарь жив. великорус. языка и пр.

Метрология и Хронология.

Ф. И. Петрушевский—Общая метрология, 1848; **Д. И. Прозоровский**—Монета и вес в России до конца XVIII в., 1865; **Его же**—Древняя русс. метрология (литогр. курс 1886—1887 г.); **В. О. Ключевский**—Русский рубль XVI-XVIII в. в его отношении к нынешнему (сб. Опыты и исследов. 1919 г.); **А. И. Никитский**—К вопросу о мерах в древней Руси (Журн. М. Н. Пр., 1894, Апрель); **Успенский**—Византийские землемеры (Тр. VI Арх. с'езда, т. II, 1886); **С. Веселовский**—Сошное письмо, т. I и II, 1915-1917 (отдельные места); **Бутков**—Исследование о линейных мерах (Ж. М. В. Дел за 1844 г.); **П. В. Хавский**—Хронологические таблицы, 1861; **Н. И. Черухин**—Календарь для хронол. справок (Русс Старина, 1873, № 7); **В. М. Ундольский**—Альманах и пр. (Архив ист. юр. свед. относ. до России, кн. I, 1850); **И. Д. Беляев**—О хронологии Нестора, (Чтения Моск. О-ва Ист. и Др., 1847, № 4); **Н. Горбачевский**—Календарь на две тысячи лет и пр. 1869; **М. Лямешь**—Времяисчисление христ. и языч. мира и пр., 1867; **Перевощиков**—Правила времяисчисления, принятого православной церковью, 1850; **М. П. Погодин**—О хронологии в русских летописях (исследования. т. IV, 1850); **Д. И. Прозоровский**—О старинном русском счислении часов (Тр. II Арх. с'езда, т. II, 1881); кроме того отдельные главы и места в курсах по палеографии: **В. Н. Щепкина**, 1920 г.; **А. И. Соболевского**, 1901-1902 и др.

Нумизматика.

Записки Нумизмат. Отдела Имп. Русс. Арх. О-ва; **Марков**—Нумизматика (конспект лекций), **И. И. Толстой**—Русская допетровская нумизматика, вып. I-III; **Его же**—Древнейшие русские монеты вел. кн. Киевского, 1882; **Савельев**—Мухаммеданская нумизматика, 1846; **А. С. Уваров**—Сборник мелких трудов, т. II, 1910 (отдельные статьи); **М. В. Рубцов**—Деньги вел. кн. Тверского (Тр. II Област. Тверс. Арх. С'езда, 1906, стр. 83-315); **А. Орешников**—Русские монеты до 1547 г., 1896; **Шуберт**—Описание русских монет и медалей, 1843; **Шодуар**—Обозрение русских денег, 1837; Труды Моск. Нум. О-ва; **С. Цыбульский**—Греческие монеты, 1894; **Френ**—Монеты Улуса Джучиева, 1832, **Сабатье**—Византийские монеты, 1912; **Чертков**—Описание древних русских денег; **Солнцев**—Деньги и пулы древней Руси; **Сахаров**—Деньги москов. удельных князей (Зап. Отд. русско-слав. археол., т. I); **Мрочек-Дроздовский**—Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русск. Правды (Уч. зап. Моск. Универ., 1881, вып. II).

Палеография и эпиграфика.

Брандт—Лекции по слав.-русск.палеографии, 1910; **А. И. Соболевский**—Славяно-русск. палеогр., ч. I и II, 1901-1902; во II ч.—обширный список литерат. предмета; **И. И. Срезневский**—Славяно-русск. пал. XI-XIV в., 1885 (лекции); **В. Н. Щепкин**—Учебник русск. палеогр., 1920 (лекции); **В. С. Иконников**—Опыт русск. историограф., т. I, 1891; **Е. Ф. Карский**—Очерк славянской кирилловской палеогр., 1901; **История языка и письма: Ф. И. Буслаев**—Палеогр. и филол. материалы и пр. (Материалы для истории письмен, 1885); **О. М. Бодянский**—Москов. глаголическ. отрывки (Чтения Моск. Об-ва истор. и древн., кн. I, 1859); **А. И. Соболевский**—Лекции по истории русск. языка, 1891; **Его же**—Древний церк.-славян. язык., 1891; **А. Н. Лебедев**—Надписи на старин. книгах (Журн. Книговедение, 1896), **А. А. Котляревский**—Древняя русск. письмен. (Сочинение, т. IV); Журнал **Книговедение; Тайнопись: А. И. Попов**—Дипломат. тайнопись времен царя Алекс. Мих. (из книги Русск. посол. в Польше, 1854); **П. А. Лавровский**—Старорусское тайнописание (Древности, Тр. Моск. Арх. Об-ва, т. II); **И. И. Срезневский**—Замечание о русск. тайнописи (Сбор. Ак. Наук, VIII).

История книги: А. И. Кирпичников—Очерк истории книги, 1888 г.; **И. И. Срезневский**—Древнерусск. книги (Христ. Древности, 1864, № 2 и 3), **В. Н. Волков**—Статистические сведения о сохранив. древн. русск. книгах XI-XIV в. и их указатель (Памятники Древ. Пис. № 123).

Орнамент: В. В. Стасов—Слав. и вост. орнамент, 1884—87; **Б. Бутовский**—История русск. орнамента с X по XVI в. 1870.

Карты: В. И. Ламаский—Старинная русск. картография (Вест. Рус Геогр. Об., т. 27).

Альбомы: Образцы глаголицы, под ред. Н. Каринского; Нов. сбор. Палеогр. снимков, под ред. А. И. Соболевского, 1906; **Еп. Савва**—Палеогр. снимки, 1863.

Водяные знаки: Н. Лихачев—Палеографическое значение бумажных водян. знаков (три тома), 1899 г.

Сфрагистика.

Абрамов—Сибирские печати (Тобол. губ. вед., 1858, № 47); **А. Лакиер**—Русская геральдика (1855); т. к. Лакиер излагает геральдику в связи с сфрагистикой, то в книге имеется богатый материал и по последней дисциплине); **А. Барсуков**—Правит. печати в Малороссии (Киев. Старина, 1887, № 9); **А. В. Орешников**—Русская сфрагистика (Тр. Моск. Нумизм. Об-ва, т. III, вып. I); **Родзевич**—О русской сфрагистике (Вест. арх. и истор., 1886, вып. VI); **П. Иванов**—Сборник снимков древних печатей и пр., 1858; **Д. Прозоровский**—Собрание Польских и др. печатей

Академии Художеств, 1881; **Его же**—Снимки древних русск. печатей и пр., 1882.

В заключение укажем, что в различных энциклопедических и специальных словарях имеются ценные указания и даже небольшие статьи по отделам вспомогательных исторических дисциплин.

ТВЕР-
СКОЕ
ИЗДА-
ТЕЛЬСТВО.

